

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 2 (171). Февраль, 2018

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БОЛЬШАКОВ**
доктор биологических наук, профессор, академик РАН, Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
доктор исторических наук, профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХОВСКАЯ**
доцент, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- И. П. ДУДАНОВ**
доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
доктор филологических наук, профессор, Президент международного общества Достоевского (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
доктор филологических наук, профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, Университет Дзёти (Токио, Япония)
- А. С. ИСАЕВ**
доктор биологических наук, профессор, академик РАН, Московский государственный университет леса (Москва, Россия)
- Т. П. ЛЁННГРЕН**
доктор философии по филологии, Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
доктор филологических наук, профессор, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)
- Т. РУСЕН**
доктор философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)
- Е. С. СЕНЯВСКАЯ**
доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
доктор философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- А. Ф. ТИТОВ**
доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
доктор филологических наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- В. И. ГОЛДИН**
доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Ю. М. КИЛИН**
доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
доктор исторических наук, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
кандидат исторических наук, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
доктор исторических наук, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- И. А. РАЗУМОВА**
доктор исторических наук, профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
доктор исторических наук, профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
доктор философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- М. И. ШУМИЛОВ**
доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 2 (171). February, 2018

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

- V. BARISHNIKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
- V. BOL'SHAKOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member, Institute of Plant and Animal
Ecology, Ural division of RAS (Ekaterinburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Assistant Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- I. DUDANOV**
Doctor of Medical Sciences, Professor, the RAS Corresponding
Member, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
President of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences
(Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
Professor, University of Dzeti
(Tokyo, Japan)
- A. ISAYEV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member,
Moscow State Forest University (Moscow, Russia)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy and Philology,
Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philological Sciences, Professor, the RAS Corresponding Member,
Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Göteborg, Sweden)
- E. SENYAVSKAY**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute
of the Academy of Sciences of Czech Republic
(Prague, Czech Republic)
- A. TITOV**
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

- V. GOLDIN**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Northern Arctic Federal University named after
M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- YU. KILIN**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
- S. KASCHENKO**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of Historical Sciences,
Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
Candidate of Historical Sciences,
Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
PhD, Professor,
UiT – The Arctic University of Norway
(Tromsø, Norway)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kola Science Centre of RAS
(Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
Candidate of Historical Sciences,
National Research University “Higher School of Economics”
(Moscow, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS
(Syktyvkar, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy,
University of Eastern Finland
(Joensuu, Finland)
- M. SHUMILOV**
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Кочкуркина С. И.

Древности X – начала XI века в Карелии и Юго-Восточном Приладожье: этнокультурный аспект 7

Сумманен И. М.

«Белоглиняная» керамика городищ Северо-Западного Приладожья: типология, технология, место производства. 16

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Васильев Ю. А.

Как снимали Куприянова 24

Юркин И. Н.

Генрих Бутенант и российская металлургия последней четверти XVII века. 33

Гермизеева В. В.

Гражданские губернаторы Акмолинской области: основные направления деятельности (1906–1917) 44

Котов П. П.

Арендные и покупные земли в удельной деревне Европейского Севера России. 49

Ружинская И. Н.

Единоверие в религиозном ландшафте Европейского Севера России 54

Савицкий И. В.

Формирование российскими историками представлений о «крымской весне» 2014 года в учебных пособиях для общеобразовательных учреждений 63

Славнитский Н. Р.

Ссылка в Олонецкую губернию накануне Первой российской революции (по материалам архива Министерства юстиции) 70

Калинина О. В.

Религиозная идентичность населения Псково-Печорского края в советский период 76

Панов Д. А.

Артель на мурманском рыбном промысле в советский период (1920-е годы) 83

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Самойлов Н. А.

Историческое наследие КВЖД и формирование образа России на Северо-Востоке Китая 88

Чэнь Бин

Советская помощь Китаю в 1950-х годах: создание Чанчуньского автозавода 95

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Смирнова Н. В.

Исследования Л. А. Березного по американской историографии проблем новой истории Китая 101

Яловицына С. Э.

Онтологические модели в социоисторических исследованиях в свете нейробиологических и лингвистических открытий 107

Рецензии

Веригин С. Г.

Рец. на кн.: Васильев Ю. А. Юрий Андропов. На пути к власти 114

Соколов А. С.

Рец. на кн.: Нилов В. М. Орган местной гласности: роль периодической печати Олонецкой губернии в развитии общественного сознания 116

Contents 118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка С. П. Ивановой

Дата выхода в свет 28.02.2018. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 65 экз.). Изд. № 22

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

СВЕТЛАНА ИВАНОВНА КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук, заведующий сектором археологии Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
babkin@karelia.ru

ДРЕВНОСТИ X – НАЧАЛА XI ВЕКА В КАРЕЛИИ И ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ*

Впервые представлен каталог вещей X – начала XI века, выявленных на археологических памятниках Карелии (11 объектов) и в курганах Юго-Восточного Приладожья (74 местонахождения). Это предметы украшения (различные типы фибул, подвески, шейные гривны, браслеты) и оружие (мечи, некоторые типы топоров и наконечников копий, умбоны от щитов). Встречены костяные изделия с головкой дракона, сосуды с металлическим покрытием, скрепы от ладьи, коновальные наборы, кнутовища и другие импортные изделия. Химический состав ювелирных изделий показал, что ранние находки древнекарельского городища Паасо сделаны из двойных и свинцовых латуней: равноплечие фибулы, крышки от браслетов, подковообразные фибулы, что типично для археологических находок Северо-Запада и Северо-Востока Руси в VIII–XI веках. Осуществленный в 2017 году химический анализ ювелирных изделий из курганов р. Ояти и поселений бассейна Онежского озера (Чёлмужи, Илекса III) показал, что изделия X – начала XI века, включающие скандинавские фибулы и местные прибалтийско-финские украшения, отражают абсолютное доминирование медно-цинковых сплавов, характерных для эпохи викингов в Скандинавии, Прибалтике, Северо-Западной и Западной Руси. Но уже в XI – начале XIII века состав металла ювелирных изделий Юго-Восточного Приладожья существенно меняется из-за использования лома цветных изделий, что привело к применению ювелирами многокомпонентных сплавов. Население, оставившее приладожские курганы X – начала XI века, в основном прибалтийско-финского и в меньшей степени скандинавского происхождения. В Северо-Западном Приладожье скандинавы появились, когда оно уже было заселено прибалтийско-финским населением. Они не создали здесь, в отличие от юго-западной Финляндии, устойчивой сети постоянных поселений.

Ключевые слова: Карелия и Юго-Восточное Приладожье, скандинавские ювелирные изделия, химический анализ цветного металла, этнокультурные контакты

ВВЕДЕНИЕ

Археологические предметы северо- и западноевропейского происхождения, обнаруженные на древнерусских памятниках, сторонники так называемой норманнской теории считали неоспоримым доказательством присутствия шведских колоний на территории Древней Руси. Но в результате всестороннего и глубокого изучения проблемы норманнская теория в чистом виде ушла в прошлое и интересует теперь лишь историков науки. Учеными разных стран при изучении археологических объектов раннего Средневековья в Скандинавии и Финляндии, Прибалтике и Северной Руси осуществлены комплексные междисциплинарные исследования, позволяющие говорить о некоторых общих чертах в материальной культуре народов Северной и Восточной Европы на рубеже I–II тысячелетий н. э., обусловленные этнокультурными и социально-экономическими интеграционными процессами.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Древности Карелии эпохи викингов представлены немногочисленными памятниками, в кото-

рых находились предметы северо- и западноевропейского происхождения, попавшие в Карелию со скандинавами или при их посредничестве. Овально-выпуклые фибулы (типы 27, 37, 48, 51 (без указания подтипов), 55–56, тип А) крепили женскую одежду на предплечьях. Такая одежда получила распространение не только среди женского населения Скандинавии, Финляндии, Прибалтики, Центральной Европы, но и на территории России, в том числе Карелии и Юго-Восточного Приладожья. Традиция носить парные фибулы сохранилась у средневековых жителей Приладожья даже тогда, когда скандинавские фибулы вышли из употребления. К нагрудным украшениям относятся круглые фибулы (типы 116, 117, 120, 128, 131), ажурные, трилистные (тип 90), круглые подвески (типы 155, 159, 174). Железные гривны с подвеской в виде «молоточков Тора» и без нее также относятся к числу скандинавских изделий. Литые, узкие ладьевидные браслеты с концами в виде стилизованных головок животных или с закругленными разнообразно украшенными волнистыми и зигзагообразными линиями, ямками, ромбами, поперечными и про-

дольными линиями. Этот тип браслетов широко распространен в Швеции, Норвегии, в западной Финляндии, на Готланде. Бронзовые массивные браслеты с суживающимися раздвоенными концами и замком к ним, так называемые энколпион браслеты, встречаются в погребениях с типично скандинавскими предметами украшения и монетами X века.

В мужском костюме использовались кольцевидные застёжки типов 221, 224, 227, 235. Предметы вооружения представлены импортными мечами IX и X веков. Лезвия большинства изделий имеют дамаскированные узоры, на некоторых сохранились именные клейма. Мечей с надписью ULFBERHT в Приладожье четыре. На одном из них клеймо выложено отрезками железной проволоки в стальной основе клинка. Несмотря на некоторые технические особенности надписи (соединенные первые две буквы, перевернутое T, неказистое R, разная величина букв), это высококачественное оружие, изготовленное в районе Рейна. По количеству мечей Юго-Восточное Приладожье занимает первое место среди отечественных синхронных памятников. Полагают, что поставщиком оружия была Ладога, откуда в результате разносторонних торговых связей они попали в Приладожье [6: 336–338]. Кроме того, найдены типичные для североευропейских стран умбоны от щитов.

В X – начале XI века в набор воина входили втульчатые наконечники копий западноевропейского производства. Два железных вертела из приладожских курганов имеют аналогии в норвежских памятниках времени викингов. Боевые топоры представлены древнерусскими и североευропейскими формами. Кроме того, в погребениях встречаются костяные изделия с головкой дракона, сосуды с металлическим покрытием, скрепы от ладьи, коновальные наборы, кнутовища и некоторые другие изделия западноевропейского происхождения.

КАРЕЛИЯ

В пос. Куркиёки (рис. 1:1) вскрыты погребения по обряду трупосожжения (5 или 6) мужчин-воинов, женщин и ребенка. Большинство находок представлено женскими украшениями из цветного металла: две овально-выпуклые фибулы типа 27 (одна из них разломана на 10 частей) и обломки третьей², железные иглы от них лежали отдельно, две круглые фибулы (тип B)³, круглая фибула с крестообразной с волютами на концах фигурой в центре, два ладьевидных браслета, крупная арбалетная фибула, представленная фрагментами, ложновитая сломанная на шесть частей шейная гривна, орнаментированная подвеска в виде гребня, два ладьевидных и спиральный браслеты, два спиральных перстня, 10 спиральных трубочек, фрагменты цепи из тройных и четверных колечек и игла от фибулы.

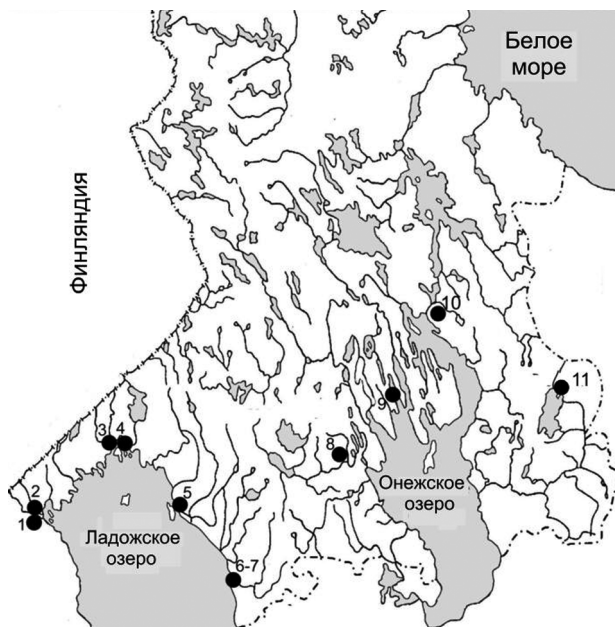

Рис. 1. Карелия. Памятники X – начала XI века

Встречены стеклянные и сердоликовые бусины и некоторые другие предметы.

В окрестностях Куркиёки (рис. 1:2) сравнительно недавно [2] выявлены рукоять меча типа S, прекрасно сделанная и хорошо сохранившаяся, скрамасакс, две плохой сохранности овально-выпуклые фибулы типа 37, но неидентичных, две фибулы типа 51 (рис. 2). Согласно последним исследованиям, меч типа S датируется первой половиной XI века [1: 87].

Этой дате, казалось бы, противоречат фибулы 37. Действительно, в Латвии на территории скандинавского грунтового могильника Смукуми IX

Рис. 2. Случайные находки из окрестностей Куркиёки

века в г. Гробиня обнаружены две фибулы этого типа. Столько же изделий найдено в низовьях р. Даугавы, но датируются они X веком, возможно, не ранее второй половины XI века [15: 16–17].

В **Нукутгалахти** (рис. 1:3) еще до войны выявлено одиночное трупосожжение под каменной кладкой VI века.

В **Хелюля** (рис. 1:4) в одной из каменных насыпей обнаружены две равноплечие фибулы, подковообразная застежка с головками в виде перевернутых пирамидок, три массивных браслета с полый средней частью, бронзовые подвески – одна с прикипевшим кусочком желтой бусины, другая шумящая в виде гофрированной трубочки с бутылкообразными привесками, обломок круглой привески, топор, сердоликовые и пастовые глазчатые бусы, их фрагменты, спекшиеся куски бусин. В другой насыпи собраны стеклянные бусы, наконечник копья (тип E)⁴, кнутовище (тип A)⁵, фрагменты расплавленных пастовых бусин, три кусочка сожженных костей животного. По сопровождающим вещам трупосожжение под каменной насыпью 1 датируется X веком⁶ [20: 329–331].

На **Мантсинсаари** (рис. 1:5) случайные находки, видимо, из могильника, представлены наконечником копья, схожим с наконечником типа E, топор, полый бронзовый браслет [19: 103], [20: 323].

В **Гиттойла** (рис. 1:6) в кургане на р. Олонке трупосожжение конца X – начала XI века, видимо, финско-скандинавское, сопровождалось серебряной орнаментированной гривной, двумя овально-выпуклыми фибулами типа 48⁷, пластинчатым браслетом с желобками на концах, четырьмя дирхамами первой половины X века. Кроме того, присутствовали два обломка подковообразной застежки, фрагментами подвески-«собачки», бронзовой цепочки и железных предметов, а также бусы (49 сердоликовых, стеклянных и пастовых) и куски сплавившихся бусин. В насыпи найдена маленькая скорлупообразная фибула карельского типа, восточная монета второй половины X века⁸.

Капшойла (рис. 1:7). В кургане в одном из трупосожжений выявлены два втульчатых наконечника копий типа I, часть железной гривны, два фрагмента браслета, бусы из горного хрусталя и кусочки сплавленных стеклянных изделий, обломок бронзовой застежки⁹.

Шуя (рис. 1:8). Случайные находки (из могильника?) включали 25 предметов: меч (тип T-2 или V), топор (тип VI), обломок гривны «глазовского типа», пять (возможно, обломок шестой) подковообразных фибул с гранчатыми головками, две спиралеконечные застежки, обломок фибулы (тип 51?, но, возможно, обломок равноплечей застежки), фрагмент ажурной фибулы и часть подковообразной, обломок ладьевидного браслета и другие предметы из цветного металла [16].

Кокорино (рис. 1:9). В Уницкой губе Онежского озера на северо-восточном берегу п-ова Кокостров существовал курганный могильник. В конце 1920-х или в начале 1930-х годов местный житель раскопал как будто бы два кургана, вещи же спустя какое-то время продал Карельскому музею, где с ними познакомился В. И. Равдоникас и опубликовал¹⁰. Они датируются X–XI веками: две фибулы типа 51, три подвески «всадницы на змее», гривны: «глазовского типа» (с шипами), обломок плетеной и железная, два ложновитых завязанных браслета, один литой и фрагмент пластинчатого, пять спиралеконечных застежек, два бубенчика, пять бутылкообразных пронизок, кусочки бронзовой пластинки, пастовые и стеклянные бусы, бусина «флакончик», украшение из бронзового кольца с тремя цепочками, заканчивающимися кольцом, пробойником и обоймой.

Чёлмужи (рис. 1:10). При исследовании курганного могильника найдены литой орнаментированный браслет X–XI веков и наконечник копья (тип I) [7].

Илекса III (рис. 1:11). Поселение содержит материалы от мезолита до железного века. Раннее Средневековье представлено 14 фрагментами лепной керамики и кладом вещей: подковообразная фибула, 28 наконечников стрел, желтая стеклянная рифленая бусина и обломок бронзового с насечками дрота.

Химический состав ювелирных изделий показал, что три четверти более ранних, чем основной материал, находок городища Паасо сделаны из двойных и свинцовых латуней: равноплечие фибулы, крышки от браслетов, подковообразные фибулы. Надо отметить, что на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси в VIII–XI веках латуни были главным материалом для изготовления украшений и бытовых изделий. На Рюриковом городище, в Старой Ладогге, Пскове и памятниках Белозерского края латуни составляют не менее трети исследованных образцов, в Новгороде – 67 %. За пределами Древней Руси они характерны для Восточной Пруссии, Прибалтики, Швеции [2: 133–135, табл. 3:1]. В Северо-Западном Приладожье доля таких изделий не превышает 18 %, что объясняется малочисленностью находок X–XI веков [3].

К этому же времени относится пластинчатый браслет из Чёлмужей с низким содержанием олова (1 %) и относительно высоким свинцом (14 %) [4]. Такие браслеты известны в Финляндии, Латвии, Эстонии, Приладожье; отдельные находки есть в Новгороде и Гнёздове [17: 250–256].

К группе свинцовых латуней относится редкого типа массивная подковообразная фибула (Илекса III). По мнению Н. В. Ениосовой [4], это изделие хотя и более простое по форме и исполнению, чем находки из Скандинавии и Финляндии, тем не менее сделано очень умелым мастером и является престижным предметом.

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ

Немногочисленные курганы на территории Карелии оставлены населением, продвинувшимся из Юго-Восточного Приладожья. Их ареал на рубеже I–II тыс. н. э. включал Юго-Восточное Приладожье с бассейнами рек Сяси, Тихвинки, Воронежки, Паши, Капши, Ояти, Свири. В 74 курганах и местонахождениях [8], [9] обнаружено 223 предмета украшений и вооружения, которые поступили из Скандинавии в процессе разносторонних контактов или попали в Карелию и Юго-Восточное Приладожье при посредничестве скандинавов.

Городище (рис. 3:1; кург. 124). В одном из трупосожжений найдены обломки двух фибул типа 56, в другом – ладьевидный браслет¹¹.

Городище (рис. 3:2; кург. 125). В трупоположении найдено бронзовое колечко с напущенной красноватой бусиной¹², в трупосожжении – два орнаментированных ладьевидных браслета¹³.

Городище (рис. 3:3; кург. 128). Мужское трупосожжение с железной фибулой типа 235 (?), обломком костяного изделия с головкой дракона¹⁴.

Ильинский погост (рис. 3:4). В разрушенном кургане обнаружены железные скрепы от ладьи.

Овино (рис. 3:5; кург. 8). Трупосожжения мужчины и, возможно, четырех женщин, очаг. В женском встречены фибулы типов 51 и 55, три ладьевидных браслета, в другом женском трупосожжении были ладьевидный браслет и две круглые ажурные подвески.

Горелуха (рис. 3:6; кург. 3). Женское трупоположение с двумя подвесками типа 159 в составе ожерелья из бус.

Галично (рис. 3:7; кург. 1). В женских трупосожжениях обнаружены две железных гривны (одна с привеской); в мужском – согнутый меч типа У. В другом мужском сожжении, завернутом в бересту, находились согнутый меч типа Х с клеймом, наконечник ножен меча.

Галично (рис. 3:8; кург. 1). В женском трупосожжении обнаружены две фибулы типа 55–56.

Галично (рис. 3:9; кург. 2). Сожженные кости женщины находились в какой-то емкости, в которой вместе с другими предметами была железная гривна. Другое женское трупосожжение было помещено в лубяной туесок с предметами украшения и железной гривной.

Галично (рис. 3:10; кург. 3). В одном женском трупосожжении находились две фибулы типа 51, в другом – две фибулы типа 55–56.

Новосельск (рис. 3:11; кург. 14). В женском погребении находилась круглая подвеска типа 174¹⁵.

Шахново (рис. 3:12; кург. 4). Найдена круглая ажурная фибула.

Шахново (рис. 3:13; кург. 119). Два женских одновременно кремированных погребения, в которых найдены две фибулы типа 55 и две типа А¹⁶.

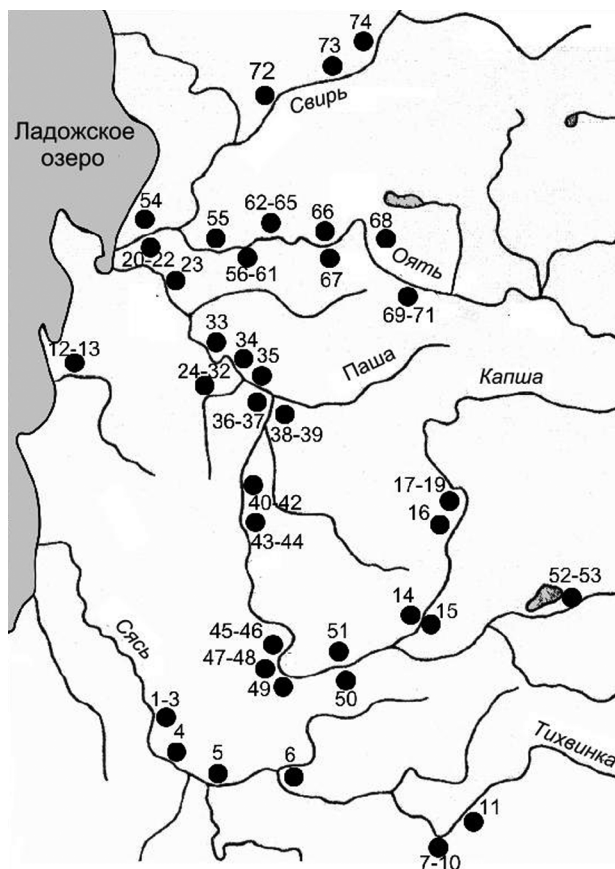

Рис. 3. Курганы и местонахождения Юго-Восточного Приладожья с предметами X – начала XI века

Исаково-Усадище (рис. 3:14). Случайная находка фрагмента ладьевидного браслета.

Ганьково 3 (рис. 3:15; кург. 2). На погребенной в могильной яме на шее была железная гривна.

Новинка (рис. 3:16; сборы 1957 г.). Навершие меча типа Т-1.

Орехово (рис. 3:17; кург. 2). В трупосожжении обнаружены две фибулы типа 57 и железная гривна.

Орехово (рис. 3:18; кург. 7). В женском трупоположении сохранилась железная гривна.

Орехово (рис. 3:19; кург. 12). В одном из трупоположений найдено 11 фрагментов железной гривны.

Кумбита (рис. 3:20; кург. 7). Трупосожжение мужчины с двумя мечами типа V¹⁷. На одном клинке надпись Ulfberht, на другом присутствие аналогичной надписи под вопросом [5: т. 1: 80–81].

Кумбита (рис. 3:21; кург. 8). В женской кремации были две фибулы типа 51 и три ладьевидных браслета¹⁸.

Кумбита (рис. 3:22; кург. 10). В женском трупосожжении зафиксированы две фибулы типов 51 и одна типа 117. Вне погребений найдена подвеска типа 155¹⁹.

Усть-Рыбежно (рис. 3:23; кург. 19). Мужское трупосожжение в ладье и сопровождалось мечом типа Е со знаками на лезвии и инкрустацией на рукояти, серебряными оковками, деревянным сосудом с железным покрытием и четырьмя ручками²⁰, скрепами от сожженной ладьи.

Сязнега 2 (рис. 3:24; кург. 5). В трупосожжении обнаружен фрагмент фибулы тип 51.

Сязнега 2 (рис. 3:25; кург. 9). Два трупосожжения. К женскому трупосожжению, вероятно, подростку 8–12 лет, относятся две фибулы типа 51, круглая ажурная и два браслета.

Сязнега 4 (рис. 3:26; кург. 45). В мужском трупосожжении обнаружены коновальный набор тип D, меч типа Z, умбон от щита типа II²¹.

Сязнега 6 (рис. 3:27; кург. 48). Трупосожжение, видимо, ребенка, с железной гривной.

Сязнега 6 (рис. 3:28; кург. 49). В трупосожжении были железная гривна и два ладьевидных браслета.

Сязнега 8 (рис. 3:29; кург. 51). Три трупоположения и трупосожжение. В трупоположении был орнаментированный браслет, в трупосожжении – браслет и фибула типа A²².

Сязнега 12 (рис. 3:30; кург. 58). В мужском трупосожжении находилась фибула типа 221 (?).

Сязнега 12 (рис. 3:31; кург. 60). В женском трупосожжении найдены две фибулы типов 51 и 131²³; в мужском – меч неизвестного типа, в другом – кольцевидная застежка типа 235²⁴.

Сязнега 12 (рис. 3:32; кург. 65). В мужском трупоположении были обломки умбона.

Вихмязь (рис. 3:33; кург. 69). В женском трупосожжении встречены две фибулы типа 51 и два браслета, в мужском – фибула типа 224²⁵.

Кирилино (рис. 3:34; кург. 89). Неопределенное сожжение, женское трупоположение, комплект вещей, характерных для мужского погребения, очаг. С остатками женского скелета обнаружены две фибулы типа 51 и одна 117, браслет²⁶. Умбон с заклепкой характерен для мужского захоронения.

Урицкое (рис. 3:35; кург. 95). Четыре трупосожжения и кострище. В одном трупосожжении найден коновальный набор типа С; в другом – фибула типа 27, равноплечая типа 58, два браслета²⁷.

Костино (рис. 3:36; кург. 101). Трупосожжение мужчины с фибулой типа 235.

Костино (рис. 3:37; кург. 102). Детское погребение сопровождалось двумя фибулами типа 51 и одной круглой типа 120²⁸.

Подъелье (рис. 3:38; кург. 103). В женском трупосожжении находились две фибулы типа 51 и три браслета²⁹.

Подъелье (рис. 3:39; кург. 105). Трупосожжение сопровождалось фибулой типа 227.

Леоново 1 (рис. 3:40; кург. 3, сборы). Меч тип V или T-2 с надписью на клинке [6].

Леоново 2 (рис. 3:41; кург. 111). На очаге находилось железное ведро³⁰.

Леоново 2 (рис. 3:42; кург. 112). Мужское погребение сопровождалось мечом типа S (рукоять обмотана серебряной проволокой) с остатками деревянных ножен и бронзовым фигурным наконечником³¹.

Вахрушево 2 (рис. 3:43; кург. 116). В мужских сожжениях были костяное изделие с головкой дракона, кнутовище; меч тип T-2 с серебряной насечкой на рукояти, меч тип V³², в женском – фибула 56.

Вахрушево 2 (рис. 3:44; кург. 117). В женском трупоположении находились железная гривна с привеской, две подвески типа 155, две фибулы типа A, одна типа 90. В другом женском захоронении – фибула типа 117³³.

Горка (рис. 3:45; кург. 14). Трупосожжение с фибулой типа 227³⁴.

Горка (рис. 3:46). При раскопках В. А. Назаренко в 1986 году найдено навершие меча типа Н.

Заозерье (рис. 3:47; кург. 1). В женском трупоположении сохранился обломок железной гривны³⁵.

Заозерье (рис. 3:48; кург. 6). В мужском трупосожжении встречены меч типа T-2 с надписью Gerold; в другом – меч типа S, умбон с заклепкой; в женском трупоположении – две позолоченные фибулы типа 51, два проволочных кольца с напущенной пастовой бусиной³⁶.

Залющик 4 (рис. 3:49; кург. 1). В мужском трупосожжении были меч тип Н с надписью Ulfberht на клинке, орнаментированные ножны; в женском – две фибулы типа 51 и одна типа 116.

Крючково (рис. 3:50; кург. 18). В женском трупоположении находились железная гривна, две фибулы типа A³⁷.

Кривой Наволок (рис. 3:51; сборы). Две фибулы типа 51, подковообразная фибула с головками животных, браслет.

Шугозеро (рис. 3:52; кург. 2). Женское трупоположение с железной гривной, двумя фибулами типа A, подвеской с вихревым орнаментом.

Шугозеро (рис. 3:53; кург. 4). Женское трупосожжение с двумя фибулами типа 51, одной типа 120 и браслетом.

Негежа (рис. 3:54). Случайная находка фрагмента овально-выпуклой фибулы.

Горка (рис. 3:55; здесь и далее р. Оять). В мужском трупосожжении – меч тип Y, наконечник ножен меча, фибула типа 227.

Карлуха I (рис. 3:56; раскопки А. М. Линевского, кург. 6). В женском трупосожжении – две фибулы типа 51, круглая типа 116, четыре браслета, две ладейные заклепки.

Карлуха 1 (рис. 3:57; раскопки В. И. Равдоникаса, кург. 6). В женском трупосожжении – железная гривна.

Карлуха 1 (рис. 3:58; раскопки В. И. Равдоникаса, кург. 7). Женское трупосожжение с фи-

булой типа 55, массивным браслетом, железной гривной; другое – с двумя фибулами типа 56, ажурной типа 116, двумя браслетами, железной гривной.

Карлуха 1 (рис. 3:59; раскопки В. И. Равдоникаса, кург. 17). В женском трупосожжении была круглая фибула типа 131.

Карлуха 3 (рис. 3:60; раскопки В. А. Назаренко, кург. 1). В женском трупосожжении находилась железная гривна.

Карлуха 3 (рис. 3:61; раскопки В. А. Назаренко, кург. 11). Женское трупосожжение с железной гривной.

Шангеничи-лес (рис. 3:62; раскопки А. М. Линевского, кург. 7). Женское трупосожжение с двумя фибулами типа 51 и двумя браслетами.

Шангеничи-лес (рис. 3:63; кург. 8). Женское трупосожжение сопровождалось фибулой типа 55, браслетом с замком; другое – тремя узкими ладьевидными браслетами.

Шангеничи-село (рис. 3:64; кург. 1). В трупосожжении обнаружены равноплечая фибула типа 70–73, два браслета.

Шангеничи-село (рис. 3:65; кург. 2). Трупосожжение с фибулой типа А, круглой застежкой типа 128.

Бор (рис. 3:66). Меч тип В³⁸.

Яровщина 2 (рис. 3:67; кург. 4). Трупосожжение с двумя фибулами типа 51 и браслетом³⁹.

Валданица (рис. 3:68; раскопки Д. Европеуса). Женское трупосожжение с браслетом, женское трупоположение – с двумя фибулами типов 51 и 90.

Нюбиничи (рис. 3:69; раскопки А. М. Линевского, кург. 1). Женское трупосожжение – с трилистной фибулой типа 90 и браслетом.

Нюбиничи (рис. 3:70; кург. 2). В женском погребении была круглая с позолотой фибула типа 116 и два браслета с замками.

Нюбиничи (рис. 3:71; кург. 10). Погребение воина с мечом типа S.

Ручьи (рис. 3:72; р. Свирь). Меч типа U.

Пиркинское (рис. 3:73; раскопки Д. Европеуса). Трупосожжение воина с мечом типа H, ажурной круглой фибулой, двумя браслетами (2), тремя бронзовыми бляшками в зверином стиле.

Верхние Мандроги (рис. 3:74; р. Свирь). Четыре браслета.

Н. В. Енисосова подвергла тщательному анализу ювелирные изделия из курганов р. Ояти. По ее мнению, изделия X – начала XI века включают скандинавские фибулы и местные прибалтийско-финские украшения и отражают абсолютное доминирование медно-цинковых сплавов, характерных для эпохи викингов в Скандинавии, Прибалтике, Северо-Западной и Западной Руси.

Среди украшений, выполненных из латуни, самым качественным является овальная фибула

из погребения Шангеничи-лес-7: она выполнена умелым мастером, владевшим «всеми приемами элитарного ювелирного искусства» [20] (рис. 4). Другие фибулы скандинавского происхождения являются изделиями «массового производства» эпохи викингов, основанного на технике копирования в глиняные формы бывших в употреблении изделий. Они привлекательны на первый взгляд, но на них прослеживается деградация орнамента, небрежная обработка отливок и отсутствие дополнительных декоративных элементов и позолоты. Исследовательница пришла к заключению, что «находки украшений массовых типов на территории Приладожья с дефектами литья и нечетким орнаментом не могут свидетельствовать об их местном производстве – такие украшения характерны и для территории Скандинавии». Химический состав ладьевидных браслетов с ажурной вставкой и шарнирным замком подтвердил ранее высказанные предположения об их местном производстве, хотя отмечено, что такую сложную вещь могли сделать «только самые квалифицированные мастера» [12] (рис. 5). Из серебра различного качества сделаны вещи X–XI веков – круглая фибула с растительным орнаментом (рис. 6), витой браслет и полая гривна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приладожье, находясь вблизи важнейших раннефеодальных торговых путей между Западом и Востоком, занимало видное положение как во внутренней, так и во внешней торговле, что сыграло важную роль в социально-экономическом развитии региона. Осуществлялись торговые связи со Скандинавией, Прибалтикой, Византией, приволжскими, среднеазиатскими и странами арабского Востока, что привело к созданию многокомпонентной культуры. Об этом свидетельствуют ювелирные изделия, изготовленные скандинавскими мастерами или местными ремесленниками по скандинавским образцам, а также найденные в погребениях X века части весов и гирьки вместе с предметами вооружения. Из исследованных более 700 насыпей в 91 найдены 192 монеты: английские (25), немецкие (96), чешские (7), византийские (6) и восточные (58), а также неопределенные западноевропейские монеты и их обломки. Монеты с приклепанными ушками вместе с бусами использовались в качестве шейных украшений, монеты с отверстиями могли нашиваться на одежду. Гирьки, весы найдены в мужских погребениях в сопровождении мечей, копий, боевых топоров, что свидетельствует о высоком статусе погребенных и об атрибутах профессии торговца-воина.

Кроме того, выявлено несколько кладов восточных и западноевропейских монет XI–XII веков: на р. Паше – два, р. Ояти – один, р. Свири – шесть. Знаменитый, крупнейший в Европе клад,

Рис. 4. Ожерелье, овално-выпуклые фибулы (без масштаба)

Рис. 5. Браслеты с замком (без масштаба)

Рис. 6. Круглая фибула (без масштаба)

зарытый в лесу у д. Вихмязь около 1090 года, содержал в бронзовом котле серебряный слиток, 10 обломков украшений, монетный кружок с простой орнаментацией, 13398 в основном западноевропейских монет и 15,5 круглой монетовидной пластинки. На р. Паше близ д. Колголема выявлен еще один крупный клад, зарытый во второй половине XI века. В бронзовом котле находилось 5,5–6 тыс. в основном немецких денариев. Синхронны приладожской курганный культуре выявленные на территории Карелии три клада монет X–XI веков в Петрозаводске близ впадения р. Неглинки в Онежское озеро, на берегах озер Сандал и Падмозеро [18].

Шелковые ткани, золотные ленты и вышитые золотными нитями изделия, подтверждающие высокий статус погребенных, поступали в Приладожье, по всей вероятности, из Средней Азии в результате активных торговых контактов [19].

О населении, оставившем приладожские курганы, много спорили, но в конце концов пришли к заключению, что в основной своей массе оно было прибалтийско-финского происхождения и в меньшей степени скандинавского, к которому позднее добавились славяне. Атрибуция скандинавских погребений спорна, поскольку они соединяют в себе особенности культуры местного и пришлого населения. Однако сомнений в том, что среди прибалтийско-финского населения Юго-Восточного Приладожья и Карелии находились скандинавы, нет. Говоря о присутствии скандинавов в Северо-Западном Приладожье (см. подробнее: [20]), следует отметить, что они появились на этой территории, когда она уже была заселена прибалтийско-финским населением. Они не создали здесь, в отличие от юго-западной Финляндии, устойчивой сети постоянных поселений, о чем свидетельствует зафиксированная система топонимов.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР по теме «Интерпретация археологических источников в системном изучении древних и средневековых культур Карелии и прилегающих территорий» (0225-2014-0014).

СОКРАЩЕНИЯ

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. М., Л.
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
САИ – Свод археологических источников. М., Л.
FM – Finskt Museum. Helsingfors.
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.

² Petersen J., 1928, fig. 27.

³ Appelgren Hj. De runda djurspännena in Finland // FM. 1897. No 4.

⁴ Petersen J. De norska vikingesverd. Kristiania, 1919.

⁵ Hackman A. Das Brandgräberfeld von Pukkila in Isokyrö // SMYA. 1938. No 41.

⁶ Kivikoski E. Zur Herkunft der Karelrier und ihrer Kultur // Acta Archaeologica, København. 1944. Vol. 15. Fasc. 1–2. S. 1–28.

⁷ Ravdonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930. 151 s.

⁸ Ravdonikas, 1930, s. 61–71.

⁹ Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и в Юго-Восточном Приладожье // ИГАИМК. 1934. № 94. С. 7–8.

¹⁰ Равдоникас, 1934.

¹¹ Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. 1895. Т. 18. 156 с. Табл. IV:6.

¹² Бранденбург, 1895, табл. IV:2.

¹³ Бранденбург, 1895, табл. IV:7.

¹⁴ Бранденбург, 1895, табл. V:5.

- ¹⁵ Ravdonikas, 1930, fig. 102 b.
- ¹⁶ Бранденбург, 1895, табл. I:1.
- ¹⁷ Бранденбург, 1895, XI:2.
- ¹⁸ Бранденбург, 1895, табл. I:2, IV:22.
- ¹⁹ Бранденбург, 1895, табл. VII:5.
- ²⁰ Бранденбург, 1895, табл. IX: 4, 7.
- ²¹ Бранденбург, 1895, табл. IX:6; XI:3; XIII:6.
- ²² Бранденбург, 1895, табл. II:10; IV:17.
- ²³ Бранденбург, 1895, табл. I:9.
- ²⁴ Бранденбург, 1895, табл. II:5.
- ²⁵ Бранденбург, 1895, табл. IV:18; VII:9.
- ²⁶ Бранденбург, 1895, табл. IV:3.
- ²⁷ Бранденбург, 1895, табл. I:2; IV:16.
- ²⁸ Бранденбург, 1895, табл. I:8.
- ²⁹ Бранденбург, 1895, табл. IV:12.
- ³⁰ Бранденбург, 1895, табл. X:2.
- ³¹ Бранденбург, 1895, с. 60, рис. 18.
- ³² Бранденбург, 1895, табл. V:9; IX:5; XI:4; XIV:33.
- ³³ Бранденбург, 1895, табл. I:4, 6.
- ³⁴ Ravdonikas, 1930, fig. 54.
- ³⁵ Ravdonikas, 1930, fig. 22.
- ³⁶ Ravdonikas, 1930, fig. 38 a, b; 39, 42; 43, 47 a, 48.
- ³⁷ Ravdonikas, 1930, fig. 58.
- ³⁸ Ravdonikas, 1930, fig. 123.
- ³⁹ Ravdonikas, 1930, fig. 70, 71–72, 73.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрощук Ф. А. Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов // Краеугольный камень. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 1. С. 72–93.
2. Енисосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточ. лит-ра, 2008. С. 107–187.
3. Енисосова Н. В., Кочкуркина С. И. Древнекарельские ювелирные изделия из цветного и драгоценного металла X–XV веков: ареал, датировка, химический состав // Труды КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2010. № 4. С. 24–33.
4. Енисосова Н. В. Техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера // Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. С. 119–140.
5. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие // Свод археологических источников. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36. Т. 2. 147 с.
6. Кирпичников А. Н., Назаренко В. А. Меч с именным клеймом из Юго-Восточного Приладожья // Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 336–338.
7. Кочкуркина С. И. Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972. С. 103–112.
8. Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.
9. Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. 348 с.
10. Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы (V–XV вв.). Л.: Наука, 1981. 160 с.
11. Кочкуркина С. И. Древности Северо-Западного Приладожья эпохи викингов // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа: Юбилейный научный семинар. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 69–73.
12. Кочкуркина С. И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 160 с.
13. Кочкуркина С. И., Орфинская О. В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. 140 с.
14. Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 280 с.
15. Спиргис Р. Овальные фибулы ливов // Балтия в контексте Северного пространства от Средневековья до 40-х гг. XX в. М., 2009. С. 16–17.
16. Спиридонов А. М. Колония эпохи викингов при устье р. Шуи под Петрозаводском // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 5 (134). С. 28–36.
17. Хвошинская Н. В. Новые данные о типологии широких ленточных браслетов // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.: Арт-Контакт, 1994. С. 250–256.
18. Uino P. Ancient Karelia // SMYA. 1997. No 104.
19. Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973.

Kochkurkina S. I., Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE 10TH – EARLY 11TH CENTURY ARTIFACTS IN KARELIA AND IN THE SOUTHEASTERN LADOGA REGION: ETHNOCULTURAL ASPECT

This is the first presentation of the catalogue of the 10th – early 11th century artifacts retrieved from archaeological sites in Karelia (11 sites) and tumuli of the Southeastern Ladoga region (74 localities). The catalogue includes decorative items (various types of fibulae, pendants, neck-rings, bracelets) and weaponry (swords, some types of axes and spearheads, shield-bosses). There were also bone

artifacts with dragon head figures, metal-coated vessels, boat braces, veterinary toolkits, whip handles, and some other imported items. The chemical analysis of the jewelry demonstrated that the early findings from the Old Karelian forthill Paaso were made of the ordinary and leaded brass: equal-armed fibulae, bracelet cover plates, penannular fibulae, which is typical of the archaeological findings from the 8th–11th cc. in Northwestern and Northeastern Russia (Rus'). The chemical analysis of jewelry from the tumuli located along the banks of Oyat' River and the settlements of the Lake Onego basin (Chyolmuzhi, Ilekka III) showed that the items were made in the 10th – early 11th cc. The analysis was conducted in 2017 and included Scandinavian fibulae and local Balto-Finnic jewelry. The study revealed the prevalence of copper-zinc alloys so typical of the Viking era in Scandinavia, Baltic regions, and Northwestern and Western Rus'. However, in the 11th – early 13th cc. the metallic composition of jewelry coming from the Southeastern Ladoga region changed significantly. The non-ferrous metal items were recycled and jewellers started using multi-component alloys. The population that created tumuli in the 10th – early 11th cc. in the Ladoga region was mostly of the Balto-Finnic and less of the Scandinavian origin. Scandinavians arrived in the Northwestern Ladoga region at the time when it had already been populated by the people of the Balto-Finnic origin. Scandinavians did not develop a lasting network of permanent settlements in this area, unlike their previous experience in Southwestern Finland.

Key words: Karelia and Southeastern Ladoga region, Scandinavian jewelry, chemical analysis of non-ferrous metal, ethnocultural contacts

REFERENCES

1. Androshchuk F. A. Swords and some problems of the Viking Age chronology. *Kraeugol'nyy kamen'*. Moscow, 2010. Vol. 1. P. 72–93. (In Russ.)
2. Eniosova N. V., Mitoyan R. A., Saracheva T. G. Chemical composition of jewelry raw materials of the Middle Ages and the ways of its movement to the territory of Ancient Rus. *Tsvetnye i dragotsennyye metally i ikh splayy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya*. Moscow, 2008. P. 107–187. (In Russ.)
3. Eniosova N. V., Kochkurkina S. I. Ancient Karelian jewelry from non-ferrous and precious metal of the X–XV centuries: area, dating, chemical composition. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*. Petrozavodsk, 2010. No 4. P. 24–33. (In Russ.)
4. Eniosova N. V. Manufacture technique and chemical composition of jewelry metal from sites in the South-Eastern Ladoga region and the basin of Onega. *Arkheologiya srednevekovoy Karelii*. Petrozavodsk, 2017. P. 119–140. (In Russ.)
5. Kirpichnikov A. N. Weapon of Ancient Rus. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Moscow, Leningrad, 1966. Issue EI-36. Vol. 2. 147 p. (In Russ.)
6. Kirpichnikov A. N., Nazarenko V. A. The sword with the name stamp from the South-Eastern Ladoga region. *Pamyatniki Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya i Prionezh'ya*. Petrozavodsk, 1989. P. 336–338. (In Russ.)
7. Kochkurkina S. I. Burial mounds of the northern coast of Onega. *Arkheologicheskie issledovaniya v Karelii*. Leningrad, 1972. P. 103–112. (In Russ.)
8. Kochkurkina S. I., Linevskiy A. M. Burial mounds of the annalistic ves'. Petrozavodsk, 1985. 223 p. (In Russ.)
9. Kochkurkina S. I. Sites of the South-Eastern Ladoga and Onega region. Petrozavodsk, 1989. 348 p. (In Russ.)
10. Kochkurkina S. I. Archaeological sites of korela (V–XV centuries). Leningrad, 1981. 160 p. (In Russ.)
11. Kochkurkina S. I. Antiquities of the North-Western Ladoga region of the Viking Age. *Fringes of cooperation: Russia and Northern Europe. Anniversary scientific seminar*. Petrozavodsk, 2012. P. 69–73. (In Russ.)
12. Kochkurkina S. I. Mound culture of Ladoga region: burials with coins, scales and weights. Petrozavodsk, 2013. 160 p. (In Russ.)
13. Kochkurkina S. I., Orfinskaya O. V. Mound culture of Ladoga region: technological survey of textile. Petrozavodsk, 2014. 140 p. (In Russ.)
14. Kochkurkina S. I. Archaeology of medieval Karelia. Petrozavodsk, 2017. 280 p. (In Russ.)
15. Spigis R. Oval fibulas of Livs. *Baltiyya v kontekste Severnogo prostranstva ot Srednevekov'ya do 40-kh gg. XX v.* Moscow, 2009. P. 16–17. (In Russ.)
16. Spiridonov A. M. Colony of the Viking Age in the mouth of Shuya river in the vicinity of Petrozavodsk. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2013. No 5 (134). P. 28–36. (In Russ.)
17. Khvoshchinskaya N. V. New data on the typology of the wide band bracelets. *Pamyatniki srednevekovoy kul'tury. Otkrytiya i versii*. St. Petersburg, 1994. P. 250–256. (In Russ.)
18. Uino P. Ancient Karelia. *SMYA*. 1997. No 104.
19. Kivikoski E. Iron Age in Finland. Illustrations and text. Helsinki, 1973.

Поступила в редакцию 26.10.2017

ИРИНА МИХАЙЛОВНА СУММАНЕН

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
irina.summanen@mail.ru

«БЕЛОГЛИНЯНАЯ» КЕРАМИКА ГОРОДИЩ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ: ТИПОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ, МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА*

При раскопках древнекарельских городищ эпохи Средневековья в Северо-Западном Приладожье собрана коллекция гончарной керамики, где есть изделия, сделанные из нежелезненной и слабо ожезненной глины. Типологический анализ инвентаря позволил разделить имеющийся материал на горшечные формы трех типов (VII–IX). Результаты синхронизации типологической колонки белоглиняной керамики городищ с датированными шкалами посуды центров Северо-Запада России предоставили основания для определения хронологии материала. Установлено, что основные формы белоглиняных горшков могли бытовать на городищах в XIV–XVI веках. К продукции более позднего гончарного производства отнесена керамика городища Лопотти, появление которой следует связывать со временем не ранее XVI века. Технично-технологическое исследование керамики с применением археологических (методика А. А. Бобринского) и естественнонаучных методов (электронно-зондовая микроскопия) показало, что посуда изготовлена из каолининовой глины с использованием минерального отощителя. Примесью к глине служили дрсва и песок. Установлены параметры обжига сосудов: на большинстве из них фиксируются признаки недолговременной температурной обработки в окислительных условиях. Большая часть изделий орнаментирована фризом из одной или нескольких линий или волн по плечу. Одной из актуальных задач исследования стала идентификация места изготовления белоглиняных сосудов. Для ее решения применен метод масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (ICP-MS), ранее успешно использованный для выявления привозных изделий в керамике из ожезненных глин и определения места их производства. Полученные данные позволяют предположить, что белоглиняная керамика, обнаруженная на городищах Северо-Западного Приладожья, является продукцией местного гончарного производства.

Ключевые слова: керамика, каолинит, типология, технология, ICP-MS, SEM, Северо-Западное Приладожье

ВВЕДЕНИЕ

Раскопки средневековых городищ Северо-Западного Приладожья дали коллекции гончарной керамики, среди которой есть обломки посуды, изготовленной из нежелезненной и слабо ожезненной глины (рис. 1). В научной литературе такую посуду принято называть белоглиняной [7: 7], [10: 98]. Используемое для ее производства сырье (каолининовая глина) практически не содержит железо, которое в процессе окислительного обжига (в условиях доступа кислорода) придает черепку терракотовый оттенок, и после термической обработки сосуды из нежелезненных и слабо ожезненных глин, как правило, приобретают оттенки от белого до бежево-кремового цвета. Поэтому обломки белоглиняной посуды хорошо определяются визуально и зачастую не требуют проведения специальных анализов, задачей которых становится идентификация исходного глинистого сырья. Говоря о городищенских изделиях из нежелезненных и слабо ожезненных глин, следует отметить, что для

их описания мало подходит термин «белоглиняные», поскольку он не согласуется с цветовыми характеристиками керамики. Кроме того, на мой взгляд, понятие «белоглиняная керамика» корректнее применять к продукции более развитого гончарного производства Средневековья – Нового времени, существовавшего в ремесленных центрах, специализировавшихся на массовом изготовлении подобной посуды (например, Гжель, Коломна). По этим соображениям обнаруженную на городищах керамику из светлоглиняных глин предлагается определять как «светлоглиняную».

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сам факт наличия светлоглиняной керамики на городищах вызывает обоснованный интерес. Считается, что на Северо-Западе России изделия из светлоглиняных глин распространяются только в конце Средневековья. В Новгороде до XV века вся посуда изготавливалась из местных ожезненных глин, белоглиняная в форме кувшинов появляется только в конце XV века [18: 244,

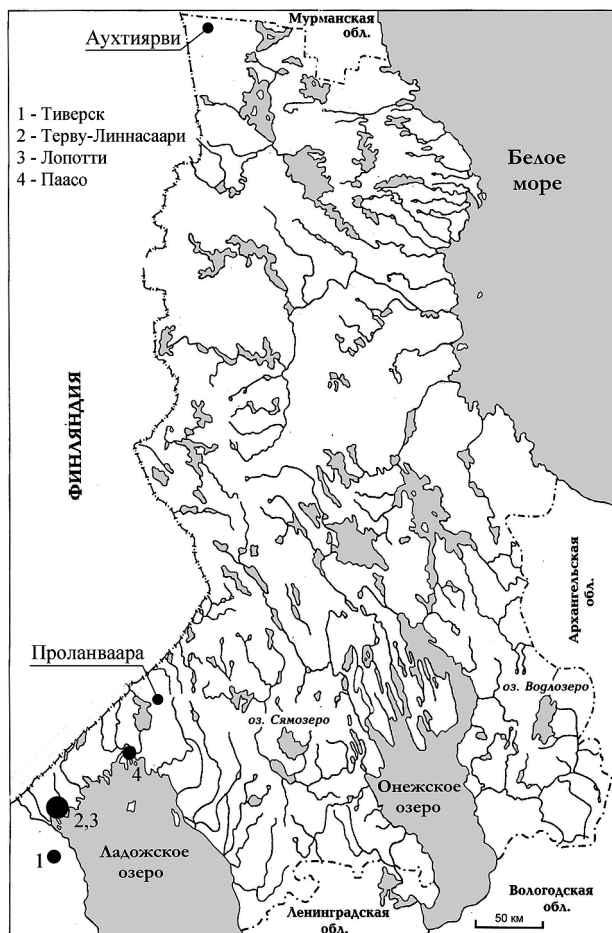

Рис. 1. Карта средневековых городищ Северо-Западного Приладожья (1–4) и проявлений каолиновых глин на территории Республики Карелия.

Рисунок И. М. Сумманен

247], а качественные тонкостенные горшки из беложгущейся глины – в начале XVI века. На Рюриковом городище белоглиняные сосуды выявлены в комплексах XV века [5: 218. Табл. 46]. В Пскове такая посуда входит в употребление с XVI века, по-видимому, после присоединения Псковской земли к Москве [7: 7]. Поэтому распространение белоглиняной посуды на Северо-Западе России принято связывать с керамическими традициями центра и юга Древнерусского государства. Известно, что в Киевской Руси керамика из беложгущейся глины появляется в конце XII – XIII веке. В Подмоскovie (близ Звенигорода) крупный центр производства белоглиняной посуды действовал уже во второй половине XII века, в самой Москве этот вид керамики получает распространение в XIV – второй половине – конце XV века [3: 39], [10: 100], [11: 196] и количественно преобладает в XVI–XVII веках [7: 7], [11: 196].

Цель настоящей работы заключалась в проведении комплексного исследования светлоглиняной керамики городищ Северо-Западного Приладожья, задачи которого включили типо-

логический, технико-технологический и геохимический анализы материала. В результате полученных данных удалось датировать типы посуды, дать технологическую характеристику изделий и определить наиболее вероятное место их производства.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материал для исследования составила часть керамической коллекции, полученной С. И. Кочуркиной в процессе раскопок городищ Северо-Западного Приладожья. Количество светлоглиняной керамики невелико и насчитывает 321 фрагмент ($\approx 8\%$ от всей коллекции). Большая часть обломков обнаружена в Тиверском городке и на Паасо (92 и 217 фрагментов соответственно) [13: 35, 119]. Археологическому восстановлению подлежали 30 кухонных горшков: из Тиверска – 19, с Паасо – семь, с Терву-Линнасаари и Лопотти – по два. Кроме того, к исследованию привлечены материалы, добытые Т. Швиндом в ходе археологических работ в Тиверском городке (обломок кувшина и предположительно два фрагмента венчиков горшков¹) [24: 90].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для разработки типо-хронологической шкалы керамики применен традиционный для археологического исследования метод сравнительной типологии. С учетом морфологических и технологических признаков выделены типы посуды, которые затем сравнивались с датированными типологическими схемами посуды средневековых центров Северо-Запада России.

Изучение техники и технологии производства гончарной керамики проводилось с применением методов археологического и естественнонаучного исследования. Технология изготовления посуды определена по методике А. А. Бобринского [1], [2].

Для качественного анализа состава теста, определения источников сырья, использовавшегося в гончарном производстве, идентификации привозных сосудов и их происхождения привлекались данные естественных наук. Метод электронно-зондовой микроскопии (SEM) позволил определить химический, минералогический состав, структуру формовочной массы и примесей [16], [23]. Масс-спектрометрическим анализом (ICP-MS) определены привозные горшки и место их изготовления [14], [15], [22].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Типология и хронология керамики. По особенностям морфологии светлоглиняная керамика разделена на три типа².

Tun VII представлен семью горшками³ и тремя фрагментами. Сосуды грязно-белого и серого цвета имеют округлое, иногда ребристое плечико и венчик с внутренним валиком (рис. 2: 1–3).

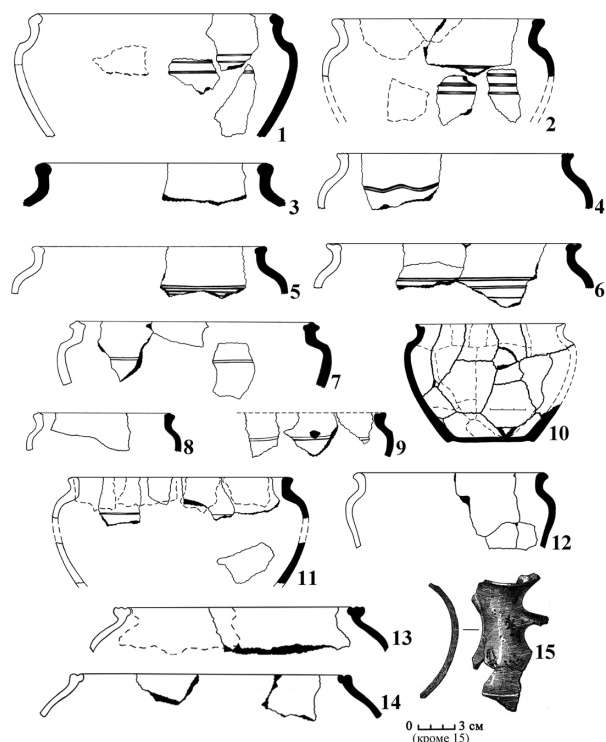

Рис. 2. Формы светлоглиняной керамики городищ Северо-Западного Приладожья: 1–14 – горшки; 15 – фрагмент кувшина. 1–14 – рисунки И. М. Сумманен, 15 – из кн. Th. Schwandt (1893)

Профилировка изделий в целом близка формам посуды из ожелезненной глины типа II. Диаметр сосудов варьирует в пределах 14–23 см, толщина стенок 0,5–1 (иногда до 1,4 см). Линейным орнаментом по плечу украшены пять горшков.

Tun VIII включает 11 сосудов⁴ и 25 типологически определимых фрагментов (рис. 2: 4–6). Это горшки от грязно-белого до черного цвета диаметром 18–22 см с высоким округлым плечиком и вертикальным венчиком с оттяжками. Почти все сосуды украшены: пять – линейным орнаментом, четыре – волной по плечу; два не декорированы. Толщина стенок 0,5–1,1 (иногда до 1,45) см.

Tun IX представлен 10 горшками⁵ грязно-белого цвета диаметром 12–20 см и тремя фрагментами (рис. 2: 7–12). Их отличает четко профилированное плечико в виде уступа. Толщина стенок 0,4–1,1 см. Венчик вертикальный; по оформлению края различаются два варианта.

К варианту **A** отнесены четыре сосуда с оттяжками вверх или в разные стороны на венчике; два из них украшены прочерченной линией по плечу (рис. 2: 7–10). Вариант **B** включает шесть сосудов с закругленным к внешней стороне венчиком; два украшены одинарной линией, один – волнистой линией по плечу (рис. 2: 11, 12).

Аналогии сосудам из светлоглиняной глины древнекарельских городищ встречаются в Корельском городке. Так, сосуды с грибовидным про-

филем венчика типа 4, по А. Н. Кирпичникову [8: 72, 73], соответствуют горшкам с внутренним валиком типа VII, а посуда Корельского городка типа 5 демонстрирует сходство с отдельными сосудами типа VIII. Горшки из беложгущейся глины составляют до 27 % керамического набора Корельского городка в нижнем горизонте 1310–1360 годов и до 35 % в верхнем горизонте 1360–1380 годов. Сосуды типа VII также обнаруживают сходство с самым распространенным типом керамики Орешка, где изделия из беложгущейся глины появляются с XV века и достигают 5 % от всей коллекции города в последующем столетии [6: 111]. Близкие светлоглиняным горшкам типов VIII и IX формы зафиксированы в керамике из поврежденных погребений могильника Ряйсяля-Ховинсаари (2592/127; 2553/20) [24: 15, 50].

На городище Лопотти выделены два сосуда (рис. 2: 13, 14), морфологические и технологические особенности которых обусловили их исключение из общей типологической схемы. Неорнаментированные горшки диаметром 20–22 см от темно-серого до черного цвета отличаются массивным грибовидным венчиком с оттяжками и почти отсутствующей шейкой. Округлое покатое плечико переходит в раздутое тулово сосуда. Толщина стенок 0,4–1,5 см, в тесте обнаружена обильная примесь песка и дресвы. Похожая форма посуды «с небольшим валиковым отворотом горла» преобладала в Орешке XVI века, где ее появление маркирует разрыв с предшествующей керамической традицией [9: 98–99. Рис. 31]. Технология изготовления керамики типа Лопотти (восстановительный обжиг, отсутствие орнамента, примесь песка и дресвы), а также данные ICP-MS-анализа свидетельствуют о том, что эти сосуды не являются типичной продукцией древнекарельского гончарного ремесла. По всей видимости, горшки типа Лопотти принадлежат другой, более поздней традиции керамического производства, датировать которую можно временем не ранее XVI века.

Следует отметить, что формы светлоглиняных изделий не ограничивались горшками: крупный обломок верхней части кувшина обнаружен Т. Швиндтом в Тиверске (рис. 2: 15) около вала в южной части городища вместе с другими древними предметами [24: 90] и ныне хранится в фондах Национального музея Финляндии (2788/16). У сосуда сохранилось горлышко, частично основание шейки и фрагмент ручки. Он сделан из плотного теста с примесью песка, хорошо обожжен – на срезе видна светло-серая полоска непрокаленной массы, – и украшен линейным орнаментом. Кувшины подобной формы встречены в Пскове и относятся к уже упомянутому нами типу IV-B (XV – начало XVI века) [7: 21. Рис. 8].

Определяя хронологические рамки бытования типов светлоглиняной посуды на городищах, на

мой взгляд, следует опираться на данные керамической шкалы Корельского городка. Там белоглиняная керамика встречена в горизонтах 1310–1380 годов, что подразумевает возможность появления этого вида посуды на городищах Северо-Западного Приладожья в XIV веке. Верхняя хронологическая граница существования керамических типов VII–IX размыта. Сосуды похожей профилировки сохраняются в слоях XVI века Орешка [9: 99]. Аналогичные городищенским горшкам формы есть на поселениях (Наволоч, Васильево 2, Керкостров 1 и др.) центра Кижского погоста (типы 1 и 2 XIV–XVI веков) [19: 75, 113, 135, 136, 162. Рис. 9, 31, 32, 58: 2]. Верхняя граница бытования наиболее позднего типа белоглиняной утвари (тип 4, по А. М. Спиридонову), получившего распространение в Прионежье и не имеющего аналогий в керамике сопредельных территорий, относится к Новому времени – XVIII веку [19: 77].

Технико-технологический анализ керамики показал, что для изготовления светлоглиняной керамики использовалась двухкомпонентная формовочная масса, состоящая из глины и минеральной примеси. В качестве пластичной основы брались нежелезненные и слабо ожеженые глины, минералогические характеристики которых определены методом электронно-зондовой микроскопии [16], [23]. Исследованные шесть образцов формовочных масс светлоглиняной керамики показали, что минералогический состав глины представлен каолинитом с включениями кварца, калиевого полевого шпата, альбита, редко анатаза, мусковита и ильменита естественного происхождения. В качестве отошающей добавки чаще использовалась дресва, выявленная в тесте большинства (83 %) сосудов. Как показал минералогический анализ, для производства отошителя использовались горные породы двух видов: основного и кисло-среднего состава. В первом случае источником дресвы могли служить метаморфические породы Приладожья (например, широко распространенные плагиогнейсы Приозерской или Лахденпохской мигматитовых зон), что устанавливается по наличию в образцах аксессуарных гранатов (альмандин, пироп, андрадит, гроссуляр). Или мог использоваться элювий (обломки) магматических пород кислого и среднего состава (возможно, гранито-гнейсы). У двух горшков обнаружен песок мелкого и среднего размера; у сосудов с городища Лопотти – песок и дресва.

Конструирование сосуда происходило методом скульптурной лепки: высота стенок изделия наращивалась путем наложения глиняных лент или жгутов с их последующим примазыванием друг к другу. Гончарный круг использовался для профилировки верхней части изделия (шейка, венчик), обработки внутренней и внешней поверхности горшка, а также для нанесения орна-

мента. На преобладающем большинстве сосудов фиксируются признаки РФК⁶-3 (17 горшков), на двух – переходной от РФК-3 к РФК-4 стадии, у 11 сосудов выявлены признаки РФК-4. Обжиг керамики чаще неполный, преобладает окислительный (25 сосудов); в восстановительных условиях обожжены пять горшков.

Орнаментировано 19 сосудов, что составляет 63 % от всего количества светлоглиняных изделий. Наиболее распространенным был узор в виде фриза из 1–4 линий (14 горшков) или волн (пять горшков) по плечу изделия. Зафиксированные виды орнамента относятся к нарезным и наносились с помощью гончарного круга.

Отдельные светлоглиняные сосуды, обнаруженные при раскопках городищ Северо-Западного Приладожья, имеют специфические черты, которые демонстрируют своеобразие технологии их изготовления. Например, небольшой (диаметр по венчику 11,8 см, дна – 7,4 см, высота 10,1 см) почти полностью восстановленный сосуд с городища Паасо отличается несуразностью своей формы, возникшей, вероятно, по причине допущения мастером ошибки в процессе формовки венчика сосуда. В отличие от других горшков, венчик этого изделия был наклонен вовнутрь сосуда, а его край прикреплен не к внутренней, а к внешней стороне горлышка. Кроме того, сосуд отличается низким качеством выделки: поверхность стенок плохо заглаженная, с буграми и неровностями. Появление этого изделия вполне может быть свидетельством первого знакомства древнекарельских гончаров с новым материалом – каолиновой глиной, работа с которой, ввиду специфических физико-механических (высокая пластичность) свойств этого материала, требует определенных умений и навыков. Не исключено, что наличие такого горшка, в форме которого, как ранее заметила С. И. Кочкуркина, «видна неумелая рука мастера» [12: 131], указывает на местный характер производства светлоглиняных изделий.

Отличными от основной массы керамики технологическими особенностями обладают два сосуда типа Лопотти. Они прошли неполный обжиг в восстановительных условиях, вследствие чего их поверхность приобрела глубокий темно-коричневый цвет и по цветовым характеристикам визуально мало напоминает типичную каолиновую керамику. Более того, микроскопическое исследование образцов показало, что формовочная масса подверглась сильной степени витрификации, в результате чего пластичная основа практически полностью спеклась, что осложнило идентификацию примесных минералов глинистой матрицы методом микрозондового анализа. Эти признаки указывают на то, что сосуды обжигались при высоких температурах, возможно, превышающих 1000 °C [23: 113].

Геохимические исследования. В 2013–2017 годах осуществлена серия геохимических исследований образцов формовочных масс глиняных сосудов, в результате которых определена местная и привозная продукция в керамических коллекциях памятников Карелии и соседних регионов [14], [15], [21]. Установлено, что на городища Северо-Западного Приладожья основная доля керамики представлена изделиями местного производства, хотя имеются и привозные сосуды. Однако определить производственный адрес удалось только для горшков, изготовленных из ожелезненных глин иллит-монтмориллонитового состава. Идентифицировать место производства светлоглиняной керамики городищ трудно, так как выходы светложгущихся глин на территории Карелии, которые могли использоваться древним населением в гончарном деле, практически отсутствуют.

Известно, что в Карелии имеется два проявления⁷ глин, которые пригодны для производства светлоглиняной керамики. Это каолиновые глины проявлений Аухтиярви и Проланваара (рис. 2). Первое расположено в Лоухском районе вблизи границы Карелии с Мурманской областью (45 км юго-западнее п. Алакуртти) и значительно (более чем на 500 км) удалено от ближайшего к нему городища Паасо. Другое проявление – Проланваара, напротив, располагается в 50 км от Паасо и находится в 5 км северо-восточнее п. Соанлахти на оз. Янисъярви (Суоярвский район). В 30-е годы XIX века оно кустарно разрабатывалось для добычи глины при производстве огнеупорного кирпича, но каолинит Проланваары не отличается высоким качеством, поскольку представляет собой дресвяно-глинистую рыхлую породу с включениями мелкой дресвы и песка, состоящих из обломков кварцита и кварцевых зерен; каолиновая фракция характеризуется высоким содержанием глинозема ($Al_2O_3 = 33,29\%$) и железа ($Fe_2O_3 = 11,91\%$). Невелик и

объем запаса сырья: проявление шириной 6–10 м прослеживается на расстоянии 200 м [4: 52, 55].

Произвести забор образца глинистого сырья из данного проявления пока не удалось⁸, поэтому для геохимического анализа отобраны пробы формовочных масс белоглиняной керамики средневековых городов Северо-Запада и центра Древней Руси: Новгорода, Орешка – откуда, наиболее вероятно, подобная посуда могла поступать на городища Северо-Западного Приладожья, а также пробы сосудов из Москвы, Коломны, Гжели и Смоленска⁹ – для получения сведений о химических характеристиках теста белоглиняной керамики центральной Руси в целях пополнения базы данных геохимических составов формовочных масс древнерусской керамики эпохи Средневековья. Аналитические исследования проведены по стандартной методике [17: 56–60] в аккредитованном «Испытательном центре анализа вещества» в Институте геологии Карельского научного центра РАН на квадрупольном масс-спектрометре X-SERIES 2 (Thermo scientific). В образцах формовочных масс гончарной керамики определено содержание (в г/т или ppm) редких и редкоземельных элементов (Li, Be, P, Sc, Ti, V, Cr, Mn, Co, Ni, Cu, Zn, Ga, Rb, Sr, Y, Zr, Nb, Mo, Ag, Cd, In, Sn, Sb, Te, Cs, Ba, La, Ce, Pr, Nd, Sm, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu, Hf, Ta, Tl, Pb, Bi, Th, U). Исследовано 23 образца; с учетом полученных ранее данных по составам образцов светлоглиняных сосудов городищ Северо-Западного Приладожья выборка составила 39 проб.

Графический анализ результатов приведен на бинарных диаграммах (Ti-Zr, Ti-U, ppm), иллюстрирующих различия химических составов образцов светлоглиняной керамики городищ и белоглиняных изделий средневековых городов Северо-Запада и центра Руси в содержаниях Ti, Zr и U (рис. 3). По особенностям геохимических характеристик образцы разделились на четыре группы. Первую составили пробы теста бело-

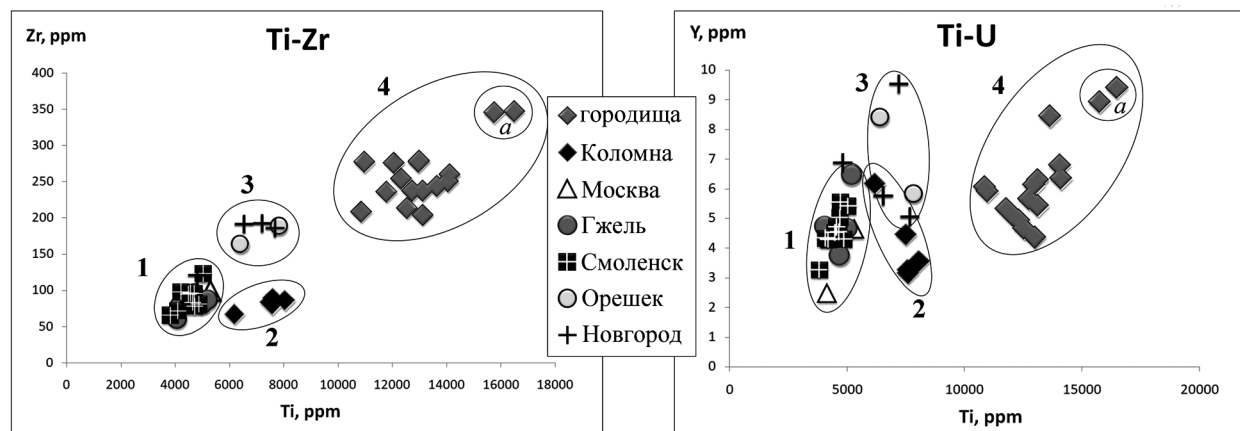

Рис. 3. Диаграммы Ti-Zr, Ti-U (ppm) для составов образцов формовочных масс светлоглиняной керамики: 1 – Гжель, Москва, Смоленск; 2 – Коломна; 3 – Новгород, Орешек; 4 – городища Северо-Западного Приладожья. Рисунок И. М. Сумманен

глиняных изделий Гжели, Москвы и Смоленска (рис. 3: 1); во вторую вошли образцы керамики из Коломны (рис. 3: 2); третью образовали фигуративные точки белоглиняных сосудов Новгорода и Орешка (рис. 3: 3); последняя группа представлена маркерами светлоглиняной посуды древнекарельских городищ (рис. 3: 4). Следует отметить, что внутри «городищенской» группы наблюдается отделение маркеров позднегончарных сосудов Лопотти (рис. 3: 4а). Таким образом, наблюдается значительное отчуждение поля фигуративных точек проб светлоглиняной керамики городищ от остальных групп маркеров белоглиняных изделий, что свидетельствует о существенных различиях их геохимических составов. На основании этого можно исключить ряд древнерусских городов с ремесленным производством белоглиняной посуды из потенциально возможных центров изготовления светлоглиняных изделий, обнаруженных на городищах Северо-Западного Приладожья.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В ходе исследования осуществлен комплексный анализ группы светлоглиняной керамики городищ Северо-Западного Приладожья. Морфология этих изделий в целом свидетельствует о следовании традициям древнерусского гончарства. Светлоглиняная керамика городищ представлена известными морфотипами сосудов XIV–XVI веков, аналогии которым встречены в посуде Корельского городка, Орешка, южного Заонежья.

В технологическом отношении светлоглиняная керамика сопоставима с изделиями местного производства из ожелезненных глин. Как и сероглиняные, светлоглиняные сосуды типов VII–IX демонстрируют сходные технологические параметры: неполный окислительный обжиг, признаки РФК-3–4, присутствие минеральной примеси в тесте. Поэтому предположение о местном производстве светлоглиняных изделий кажется вполне логичным. Тем не менее при от-

сутствии надежных свидетельств, указывающих на наличие местного ремесленного производства светлоглиняной керамики (глинища, заготовки сырья, теплотехнические устройства, бракованные изделия и т. д.), к решению вопроса о происхождении этой посуды на городищах привлечены данные естественнонаучных исследований, позволившие выявить различия в геохимических составах сырья, используемого для изготовления белоглиняной керамики в Карелии, соседних и более отдаленных регионах.

Как оказалось, светлоглиняные изделия городищ Северо-Западного Приладожья не могут относиться к продукции гончарства Новгорода или Орешка. Ранее именно эти города рассматривались в качестве потенциально возможных мест производства светлоглиняных горшков городищ, поскольку, по данным типологического [20] и геохимического [15] анализа изделий из ожелезненных глин, оказалось, что случаи ввоза изделий (например, из Ореховецкой крепости) были. Что касается предположения о происхождении городищенских сосудов из городов центральной Руси, то оно изначально казалось маловероятным, что подтвердилось прецизионным аналитическим исследованием.

Обобщая вышесказанное, отметим, что частные наблюдения за технологическими особенностями (имеется в виду описанный в статье «неудавшийся» сосуд) светлоглиняной керамики городищ Северо-Западного Приладожья и результаты геохимических анализов на данном этапе исследования позволяют считать ее продукцией местного керамического производства.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает искреннюю благодарность д. г.-м. н. С. А. Светову, к. г.-м. н. С. Ю. Чаженгину за помощь в проведении геохимических исследований, а также признательность рецензенту за конструктивные замечания к тексту работы.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-36-00005, «Реконструкция технологий гончарного производства средневековой Карелии (X–XV вв.) на основе использования новейших методов геохимического анализа (SEM, ICP-MS, LA-ICP-MS)»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коллекция № 2788 хранится в Национальном музее Финляндии (г. Хельсинки).

² Нумерация начинается с цифры VII, так как светлоглиняной керамикой представлены последние три типа (VII–IX) типохронологической шкалы гончарной посуды древнекарельских городищ, где первые шесть типов (I–VI) объединяют сероглиняную керамику из ожелезненных глин.

³ Шесть сосудов происходят с городища Тиверск, один – с Паасо.

⁴ Все сосуды обнаружены в Тиверске.

⁵ Шесть горшков происходят с городища Паасо и по два изделия – из Терву-Линнасаари и Тиверска.

⁶ Стадия РФК (развитие функций гончарного круга, подробнее см. [1: 26–37]) позволяет оценить интенсивность использования круга для решения определенных технологических задач, что определяет степень развития гончарного производства.

⁷ В геологии проявлением называется месторождение полезного ископаемого, небольшой объем которого обуславливает непригодность данного месторождения для промышленной разработки.

⁸ Несколько предпринятых нами попыток обнаружить проявление и произвести забор образца сырья оказались безуспешными.

⁹ Выражаю искреннюю благодарность Н. А. Кренке, В. Ю. Ковалю, А. С. Сыроватко и А. В. Шурею за любезно предоставленный материал для исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 275 с.
2. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
3. Бойцов И. А. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.: Изд-во ИА АН СССР, 1991. С. 33–40.
4. Голованов Ю. Б., Михайлов В. П. Каолин // Минерально-сырьевая база Республики Карелия. Петрозаводск: Карелия, 2006. Кн. 2: Неметаллические полезные ископаемые. Подземные воды и лечебные грязи. С. 48–55.
5. Горюнова В. М. Керамический материал из заполнения комплексов «больших построек» (раскопы 1985–1988 гг.) // Труды ИИМК РАН. Т. XVIII: Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005. С. 67–74.
6. Кильдюшевский В. И. Об одном из типов керамики XIV–XVI вв. крепости Орешек // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 111–116.
7. Кильдюшевский В. И. Керамика Пскова XII–XVII века // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 5–33.
8. Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 52–74.
9. Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л.: Наука, 1980. 128 с.
10. Коваль В. Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 98–109.
11. Коваль В. Ю. Три группы керамики из Северо-Западного Подмосковья // Археология Подмосковья. 2010. Вып. 6. С. 196–205.
12. Кочкуркина С. И. Древняя Корела. Л.: Наука, 1982. 216 с.
13. Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск; СПб.: Взлет, 2010. 264 с.
14. Поташева И. М., Светов С. А. Геохимические исследования в археологии: ICP-MS анализ образцов круговой керамики древнекарельских городищ // Труды КарНЦ РАН. Сер. Гуманитарные исследования. 2013. № 3. С. 136–142.
15. Поташева И. М., Светов С. А. ICP-MS анализ древней керамики как метод определения источников сырья и места производства гончарной продукции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 4 (141). С. 71–77.
16. Поташева И. М., Чаженина С. Ю., Светов С. А. Возможности применения микронного анализа образцов круговой керамики к изучению технологии древнего гончарства карелов в эпоху Средневековья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Естественные и технические науки. 2013. № 8 (137). С. 44–50.
17. Светов С. А., Степанова А. В., Чаженина С. Ю., Светова Е. Н., Рыбникова З. П., Михайлова А. И., Парамонов А. С., Утицына В. Л., Эхова М. В., Колодей В. С. Прецизионный (ICP-MS, LA-ICP-MS) анализ состава горных пород и минералов: методика и оценка точности результатов на примере раннедокембрийских мафитовых комплексов // Труды КарНЦ РАН. Сер. Геология докембрия. 2015. № 7. С. 54–73.
18. Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (По материалам раскопок 1951–1954 гг.) // МИА. № 55. Труды новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М., 1956. С. 228–248.
19. Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI веках (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 165 с.
20. Сумманен И. М. О сходстве керамических наборов городищ корелы и крепости Орешек // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 2016. Вып. 30. С. 173–180.
21. Сумманен И. М., Светов С. А. ICP-MS исследование образцов формовочных масс лепной керамики средневековых памятников Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 18–26.
22. Сумманен И. М., Светов С. А. Светлоглиняная керамика древнекарельских городищ Северо-Западного Приладожья: локализация источников сырья и места производств // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: Сборник научных статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 81–85.
23. Сумманен И. М., Чаженина С. Ю., Светов С. А. Минералогия и технологический анализ керамики (по материалам средневековых памятников Северо-Западного Приладожья) // Записки Российского минералогического общества. 2017. № 3. С. 108–123.

Summanen I. M., Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

WHITE-BURNING CLAY CERAMICS OF HILLFORTS IN THE NORTH-WESTERN LADOGA REGION: TYPOLOGY, TECHNOLOGY, PLACE OF PRODUCTION

During excavations of the ancient Karelian hillforts in the North-Western Ladoga region collections of ceramics containing items made of non-ferruginized and iron-poor clays were found. Typological analysis of ceramic assemblage allowed us to divide it into pot forms of three types (VI–IX). The results of synchronization of Karelian white-burning clay ceramics with the dated scales of pottery sets from medieval centers of North-Western Russia were used for material dating. It has been established that the main forms of the white-burning clay pots were produced in the XIV–XVI cc. The later pottery production presents a collection of Lopotti hillfort. Its ceramic artifacts appeared no earlier than in the XVI century. The technical and technological research of ceramics conducted with the application of archaeological (methodic by A. A. Bobrinskiy) and natural science methods (scanning electron microscopy) shows that the white-burning clay ceramics were produced from kaolin clay with mineral admixture. The latter was usually presented by debris and sand. The firing conditions were studied as well: most vessels bear the signs of the short-time heating procedure in the oxidizing atmosphere. The majority of the pots are decorated with the frieze of 1–3 lines or waves enlac-

ing the shoulder. One of the most controversial issues was the identification of the place where the white-burning clay ceramics were manufactured. The problem was tackled with the help of ICP-MS analysis. The method proved its effectiveness in the earlier provenance studies of the red-burning clay ceramics of Karelian hillforts. The obtained research data evidence that kaolin ceramics found at Karelian hillforts could have been produced by local manufacture.

Key words: ceramics, kaolin, typology, technology, ICP-MS, SEM, North-Western Ladoga

REFERENCES

1. Bobrinskiy A. A. Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of research. Moscow, 1978. 275 p. (In Russ.)
2. Bobrinskiy A. A. Pottery technology as an object of historical and cultural research. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva: kollektivnaya monografiya*. Samara, 1999. P. 5–109. (In Russ.)
3. Boytsov I. A. Moscovian Red-burning clay ceramics in XIV – early XVI c. and the emergence of the pottery village in Moscow. *Moskovskaya keramika: novye dannye po khronologii*. Moscow, 1991. P. 33–40. (In Russ.)
4. Golovanov Yu. B., Mikhailov V. P. Kaolin. *Mineral'no-syr'evaya baza Respubliki Kareliya. Kniga 2: Nemetallicheskie poleznye iskopaemye. Podzemnye vody i lechebnye gryazi*. Petrozavodsk, 2006. P. 48–55. (In Russ.)
5. Gorunova V. M. Ceramic material of “huge buildings” complexes excavations (sites of 1985–1988). *Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury RAN. T. XVIII: Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'men'ya*. St. Petersburg, 2005. P. 67–74. (In Russ.)
6. Kil'dyushevskiy V. I. Towards one ceramic type of the XIV–XV cc. from the fortress of Oreshek. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 1981. Issue 164. P. 111–116. (In Russ.)
7. Kil'dyushevskiy V. I. Ceramics of Pskov in XII–XVII cc. *Ladoga i ee sosedi v epokhu Srednevekov'ya*. St. Petersburg, 2002. P. 5–33. (In Russ.)
8. Kirpichnikov A. N. Historical and archaeological survey of ancient Korela (“Korelskiy gorod” of XIV c.). *Finno-ugry slavyane*. St. Petersburg, 1979. P. 52–74. (In Russ.)
9. Kirpichnikov A. N. Ancient Oreshek. Historical and archaeological writings about hillfort-town in the rise of Neva River. Leningrad, 1980. 128 p. (In Russ.)
10. Koval V. Yu. White-burning clay ceramics in medieval Moscow. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2001. No 1. P. 98–109. (In Russ.)
11. Koval V. Yu. Three groups of ceramics of North-Western Moscow region. *Arkheologiya Podmoskov'ya*. 2010. Issue 6. P. 196–205. (In Russ.)
12. Kochkurkina S. I. Ancient Korela. Leningrad, 1982. 216 p. (In Russ.)
13. Kochkurkina S. I. Ancient Karelian hillforts of the Middle Age epoch. Petrozavodsk, St. Petersburg, 2010. 264 p. (In Russ.)
14. Potasheva I. M., Svetov S. A. Geochemical research in archaeology: ICP-MS analysis of the wheel-thrown pottery samples found in ancient Karelian hillforts. *Trudy KarNTs RAN. Seriya Gumanitarnye issledovaniya*. 2013. No 3. P. 136–142. (In Russ.)
15. Potasheva I. M., Svetov S. A. ICP-MS analysis of ancient ceramics as an identification method of clay sources and pottery production areas. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2014. No 4 (141). P. 71–77. (In Russ.)
16. Potasheva I. M., Chazhengina S. Yu., Svetov S. A. Possibilities of using electronic microscopy (SEM) analysis of the wheel-thrown pottery samples in the study of ancient Karelian pottery production technology used in the Middle Ages. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Natural & Engineering Sciences*. 2013. No 8 (137). P. 44–50. (In Russ.)
17. Svetov S. A., Stepanova A. V., Chazhengina S. Yu., Svetova E. N., Rybnikova Z. P., Mikhaylova A. I., Paramonov A. S., Utitsyna V. L., Ekhova M. V., Kolodey V. S. Precision geochemical (ICP-MS, LA-ICP-MS) analysis of the rock and mineral composition: the method and accuracy estimation in the case study of early Precambrian mafic complexes. *Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science. Precambrian Geology Series*. 2015. No 7. P. 54–73. (In Russ.)
18. Smirnova G. P. The experience of ancient Novgorod pottery systematization (on the materials from excavations in 1951–1954). *Materialy i issledovaniya po arkheologii*. No 55. *Trudy novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii*. Vol. 1. Moscow, 1956. P. 228–248. (In Russ.)
19. Spiridonov A. M., German K. E., Mel'nikov I. V. Southern Onega region in X–XVI cc. (archaeology of Kizhi churchyard centre). Petrozavodsk, 2012. 165 p. (In Russ.)
20. Summanen I. M. Towards similarity of ceramic sets of Karelian hillforts and the fortress of Oreshek. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya*. 2016. Issue 30. P. 173–180. (In Russ.)
21. Summanen I. M., Svetov S. A. ICP-MS analysis of the hand-built ceramics of medieval sites in Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 1 (162). P. 18–26. (In Russ.)
22. Summanen I. M., Svetov S. A. White-burning clay ceramics of ancient Karelian hillforts in North-Western Ladoga Region: provenance studies. *Proceedings of V (XXI) All-Russia archaeological congress in Barnaul-Belokurikha: Collection of scientific papers*. Barnaul, 2017. Vol. III. P. 81–85. (In Russ.)
23. Summanen I. M., Chazhengina S. Yu., Svetov S. A. Mineralogy and technological analysis of ceramics (on the materials from medieval sites in North-Western Priladozhe). *Zapiski Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva*. 2017. No 3. P. 108–123. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.12.2017

ЮРИЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, заместитель главного редактора общенационального научно-политического журнала «Власть», профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
vasyural@mail.ru

КАК СНИМАЛИ КУПРИЯНОВА

Освобождение от должности многолетнего руководителя партийной организации Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова раскрывает один из аспектов механизма функционирования политической системы в СССР в условиях позднего сталинизма. Констатируется, что сталинская система успешно продемонстрировала свою назидательную функцию не только в отношении самого Куприянова, но и всей карельской политической элиты. Это были уроки для региональной элиты как напоминание вождя о зависимости их политического и физического существования от его личной воли. По оценке автора, в условиях апогея сталинизма отставка Куприянова напоминает показательные процессы 1930-х годов над известными партийными руководителями. Освещается рассмотрение персонального вопроса и принятие решений руководящих органов ЦК ВКП(б) – Политбюро, Оргбюро, Секретариата. Показан политический процесс критики и покаяния в партийной среде на пленуме в Петрозаводске в январе 1950 года.

Ключевые слова: сталинизм, политическая система, политическая элита, Карело-Финская ССР, «ленинградское дело», Г. Н. Куприянов

Главным событием «ленинградского дела» в Карелии являлась отставка партийного руководителя республики Г. Н. Куприянова (см.: [5], [8: 150–151]). Данный факт освещается также в контексте истории Карело-Финской ССР (см.: [1: 16–17], [4: 153–154]). Изучение вопроса активно развивается с привлечением архивных документальных источников (см.: [2: 10–42], [3], [7: 340–356], [9: 228–238]).

Г. Н. Куприянов был освобожден от должности первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР в январе 1950 года. Партийным руководителем Карелии он являлся с июня 1938 года – сначала первым секретарем Карельского обкома ВКП(б), а после создания союзной республики в марте 1940 года – ЦК КП(б) КФССР. Закончилась совместная работа в Карелии Г. Н. Куприянова и Ю. В. Андропова, продолжавшаяся девять с половиной лет – с июня 1940 года, после избрания Андропова первым секретарем ЦК ЛКСМ республики. 11 октября 1944 года Ю. В. Андропов был утвержден вторым секретарем Петрозаводского горкома партии (должность первого секретаря горкома совмещал Куприянов), а в январе 1947 года он стал вторым секретарем Компартии республики.

Архивные документы свидетельствуют, что совместная работа двух партийных руководителей Карелии могла прерваться не в 1950 году, а раньше, осенью 1947 года. В недрах аппарата ЦК ВКП(б) сложилось мнение о необходимости кадровых изменений в партийном руководстве Карело-Финской республики. Данная позиция

изложена в документе под названием «Заключение на первого секретаря ЦК КП(б) КФССР Куприянова Г. Н.», который был подготовлен зам. заведующего отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) А. Л. Дедовым и инспектором ЦК В. П. Доброхотовым. Подробная справка объемом 3,5 машинописной страницы через одинарный интервал, датированная 3 августа 1947 года, включала 1 страницу положительного резюме, в остальном тексте перечислялись многочисленные «крупные недостатки» в работе партийного руководителя республики. Данный документ находится в коллекции Управления кадров ЦК ВКП(б)¹. Аналогичная характеристика на Куприянова есть также в его личном партийном деле².

В указанном «Заключении» отмечалось:

Наряду с некоторыми удовлетворительными общими показателями партийной и хозяйственной работы в руководстве ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и первого секретаря Куприянова имеют место крупные недостатки³.

Констатировалось, что медленно выполняется решение Оргбюро ЦК от 22.11.1944 г. «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР», критически оценивалась персональная «практика руководства т. Куприянова»: он

не развернул критики и самокритики недостатков в работе <...> в партийной организации республики получили распространение вредные настроения самодовольства и благодушия.

В этом же решении ЦК ВКП(б) указал Куприянову на

примиренческое отношение к проявлению безответственности и недисциплинированности и непринятия мер, в связи с фактами недостойного поведения отдельных руководящих работников (пьянство, недобросовестное отношение к своим обязанностям)⁴.

В этой связи подчеркивалось, что «уровень и метод руководства с его стороны партийными организациями отстает от задач, которые поставлены перед Карело-Финской республикой». Главным виновником сложившейся ситуации назывался первый секретарь:

Тов. Куприянов, имея мягкий характер, не всегда проявляет нужную требовательность к отдельным работникам и партийному аппарату, часто решение ряда вопросов принимает на себя, не создает должного напряжения и четкости в работе аппарата, недостаточно воспитывает кадры в духе большевистской закалки и критической оценки их работы...⁵

Данный документ завершался итоговым выводом и рекомендацией:

Тов. Куприянов опытный партийный работник и в состоянии был бы исправить отмеченные недостатки в своей работе, но, имея в виду, что т. Куприянов на руководящей партийной работе в республике находится около девяти лет и что уровень его руководства не отвечает современным требованиям, *считаем целесообразным направить его на учебу и в дальнейшем использовать на руководящей партийной работе в другой республике или области*⁶ (курсив наш. — Ю. В.).

Трудно поверить в оценку Куприянова как человека с «мягким характером», которая дана в характеристике. Скорее наоборот, это был руководитель авторитарного типа, который не терпел каких-либо возражений со стороны окружения. Возможно, в кабинетах работников руководящего партийного органа в Москве он вел себя по-другому, поэтому у них сложилось подобное впечатление. Судя по формулировке о стаже «руководящей партийной работы в республике» — около 9 лет, текст характеристики был составлен ранее, не позднее июня 1947 года (партийная биография Куприянова в Карелии началась 17 июня 1938 года).

Примечательно, что к «Заключению» на Куприянова прилагались также три характеристики на других секретарей ЦК Компартии Карелии. Первая из них — на второго секретаря Ю. В. Андропова (от 3 сентября 1947 года), ее автор — инспектор Управления кадров В. П. Доброхотов. Данный документ завершается следующей оценкой: «Первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР т. Куприянов характеризует т. Андропова только положительно. Безусловно, с обязанностями второго секретаря ЦК КП(б) справится»⁷. Кроме этого, прилагались положительные характеристики на С. П. Логинова, секретаря по кадрам ЦК Компартии, и И. С. Яковлева, секретаря по пропаганде и агитации, датированные 5 сентября 1947 года⁸. На основании указанных документов можно судить

лишь о возможных вариантах кадровых перестановок, которые, вероятно, намечались в 1947 году. Конкретных предложений сохранившиеся документальные материалы не содержат. Секретарь ЦК Компартии Карелии С. П. Логинов был направлен на учебу в ВПШ при ЦК ВКП(б) в Москву. Секретарь ЦК И. С. Яковлев в июле 1948 года стал ректором Карело-Финского государственного университета. Возможным являлось также предложение о назначении руководителем партийной организации республики представителя из другой области, как произошло с назначением Куприянова в 1938 году.

Вполне допустим вариант, что в то время кандидатура 32-летнего Андропова рассматривалась в качестве преемника Куприянова. Инициатором такого кадрового решения мог быть Алексей Николаевич Ларионов, который в 1946–1948 годах в ЦК ВКП(б) занимал должность заведующего отделом кадров партийных органов Управления кадров. Еще в 1938 году, будучи третьим секретарем Ярославского обкома партии, Ларионов ходатайствовал о выдвижении Юрия Андропова первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. Более того, тогда он взял на себя смелость и ответственность в этом деле, несмотря на выявленные бдительным инструктором ЦК ВЛКСМ А. Капустиной неточности в биографических данных Андропова. А ведь это было время массовых репрессий, в том числе в отношении партийных и комсомольских работников, — период «большого террора». Мнение А. Н. Ларионова в давней довоенной истории оказалось решающим для секретаря ЦК ВЛКСМ по кадрам Г. П. Громова. В годы войны первый секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Ю. Андропов, как свидетельствуют документы, в том числе личная переписка, поддерживал контакты с первым секретарем Ярославского обкома партии А. Н. Ларионовым, назначенным на эту должность в 1942 году. В 1947 году инициативный, решительный и смелый партийный работник А. Н. Ларионов, занимавший ключевую должность в Управлении кадров ЦК ВКП(б), несомненно, мог содействовать выдвижению своего молодого коллеги. Может быть, именно он являлся автором проекта кадрового обновления в карельском партийном руководстве. 17 декабря 1947 года А. Н. Ларионов завизировал документ с предложением направить первого секретаря ЦК Компартии Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова на учебу и в дальнейшем использовать на руководящей партийной работе в другой республике или области⁹.

Однако никаких перестановок в 1947 году не произошло. Г. Н. Куприянов, являвшийся выдвиженцем ленинградской партийной организации, продолжил руководить партийной организацией Карелии. В данном случае следует учитывать, что Управление кадров в 1947 году находилось

в подчинении секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова. Секретарем ЦК ВКП(б) вместо оказавшегося в опале Г. М. Маленкова стал бывший секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов, который в 1938 году рекомендовал Куприянова в качестве руководителя партийной организации Карелии. Возможно, если бы в 1947 году произошли перемены в карельском партийном руководстве, судьба Г. Н. Куприянова и других карельских руководителей оказалась бы более благосклонной. Подтверждением может служить пример одного из ленинградских руководителей – бывшего второго секретаря Ленинградского обкома партии Т. Ф. Штыкова, волей судьбы оказавшегося сначала на Дальнем Востоке, затем в Северной Корее и избежавшего участи своих коллег по ленинградской партийной организации.

В 1948 году Жданов заболел и умер 31 августа. Маленков вернул свои прежние позиции в ЦК ВКП(б). В 1949 году по его инициативе и непосредственным руководством развернулось «ленинградское дело», волны которого накрыли и Карелию. Несколько месяцев в Петрозаводске работала комиссия из Москвы. 2 декабря 1949 года состоялось первое рассмотрение вопроса в ЦК ВКП(б). Председательствовал на заседании Секретариата ЦК партии Г. М. Маленков, присутствовали секретари ЦК П. К. Пономаренко, Г. М. Попов, М. А. Сулов, члены ЦК Н. А. Михайлов, Н. М. Пегов, М. Ф. Шкирятов, председатель ВЦСПС В. В. Кузнецов, заведующие отделами ЦК партии, заместители заведующих отделами.

Выписка из протокола заседания Секретариата ЦК ВКП(б) по вопросу «О проверке заявлений, поступивших в ЦК ВКП(б) на первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР т. Куприянова Г. Н.» (п. 136)

Москва

2 декабря 1950 г.

В связи с тем, что при обследовании работы ЦК КП(б) Карело-Финской ССР вскрыты крупные недостатки в руководстве партийной организацией со стороны т. Куприянова, а также факты, порочащие его как партийного руководителя, поручить комиссии в составе т.т. Пономаренко (созыв), Шкирятова, Дедова и Кузнецова Г. предварительно рассмотреть материалы результатов проверки, заслушать объяснение т. Куприянова и подготовить мероприятия по укреплению руководства ЦК КП(б) Карело-Финской ССР.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 470. Л. 31. Подлинник.

Подробности о данном заседании Секретариата неизвестны, так как никаких материалов к заседанию по п. 136 в архивном фонде нет.

26 декабря 1949 года под председательством секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова состоялось заседание Оргбюро ЦК. В повестке дня первым значился вопрос «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР». Как свидетельствует двухстраничное постановление по данному вопросу (протокол № 474), главным объектом резкой

критики являлся персонально первый секретарь ЦК Компартии республики Г. Н. Куприянов. Недостатки в деятельности партийной организации Карелии оказались обусловлены «ленинградским делом»¹⁰. После отчета Куприянова с содокладом выступил инспектор ЦК ВКП(б) Г. В. Кузнецов, он доложил об итогах проведенной проверки. Работа ЦК КП(б) была признана неудовлетворительной. Партийному руководству Карелии ставили в вину «зажим критики и самокритики», укрывательство от ответственности виновников, а также преследование тех, кто выступал с критикой недостатков в организациях, непринятие мер по заявлениям, письмам и «сигналам» в партийные органы, провалы в кадровой политике. В контексте данной риторики, обычной для документов того времени, персонально в адрес Куприянова прозвучали угрожающие формулировки. Он обвинялся в том, что «не ведет борьбы с фактами обмана государства, приписок в выполнении планов», сам лично «допускает факты очковтирательства»: в докладах на съездах и пленумах сообщал «неправильные, фальсифицированные данные о результатах работы промышленности и сельского хозяйства». В постановлении было сформулировано положение, которое впоследствии повторялось в принимаемых решениях и постоянно звучало в обсуждениях: «Куприянов утратил чувство большевистской скромности, создал вокруг себя обстановку восхваления и подхалимства». Также было записано: «Признать неудовлетворительными объяснения, данные т. Куприяновым по вскрытым при проверке фактам его неправильного поведения»¹¹.

В ходе проверки московской комиссии всплыло «рыбное дело» в Беломорске, которое тянулось более двух лет, в 1947–1949 годах главный бухгалтер Министерства рыбной промышленности республики Вичурин проводил ревизию на Беломорском рыбокомбинате. Прокуратура республики потребовала предать суду директора рыбокомбината Мешкова и министра рыбной промышленности Ломова. Куприянов своей властью запретил их судить, прикрыл это дело. Об этом деле стало известно в Москве. Оно разбиралось в конце июля 1949 года в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) зам. председателя М. Ф. Шкирятовым. В КПК были вызваны Куприянов, Андропов, зав. промышленным отделом Башкуров, зам. председателя Совета министров Саккеус, министр рыбной промышленности Ломов. По итогам разбирательства в Москве о фактах хищений ценных видов рыбы и государственных средств директора Беломорского рыбокомбината Мешкова и министра Ломова отдали под суд, Саккеуса и Башкурова сняли с должностей. Куприянову вынесли партийное взыскание – поставили на вид.

Вспомнили также «спиртовое дело», когда председатель Госплана республики Б. С. Альперович подписал наряд на получение со склада в управлении делами Совмина 56 литров этилового спирта для технических целей группе партийных и советских руководителей. Спирт приобретался по промышленной цене, без торговой наценки и использовался на личные нужды.

Вновь прозвучали сюжеты, связанные с резонансным делом по поводу денежной реформы 14 декабря 1947 года, которое в народе назвали «делом декабристов». Как известно, до трех тысяч рублей, хранящихся на сберкнижке, обменивались на новые деньги в соотношении 1:1. Из Москвы накануне вечером руководителю партийной организации республики пришла секретная телеграмма с информацией о предстоящей реформе. Оказалось, что ряд номенклатурных партийных и советских работников в срочном порядке внесли вклады на сберкнижку в Центральной сберкассе г. Петрозаводска, в том числе адъютант Куприянова по его поручению – 2 500 руб. личных денежных средств своего начальника. Секретный пакет о денежной реформе получил также министр финансов С. С. Ракчеев, в ведомстве которого кадрами заведовала жена Куприянова. Ходили слухи, что она также срочно положила деньги на счет в сберкассе. Внесли вклады министр финансов, начальник управления гострудсберкасс. Об этом деле стало известно, было заведено уголовное дело, состоялся суд. Однако на скамье подсудимых оказались лишь исполнители. Осудили заведующую Центральной сберкассой Данилову, главного бухгалтера Кудряшову и несколько работников этой сберкассы. Фамилии руководителей на процессе не упоминались. По свидетельству Я. Н. Бравого, государственного обвинителя на суде по делу о денежной реформе, Данилова признала свою вину, просила проявить снисхождение, обязалась трудом искупить вину. Кудряшова же в последнем слове неожиданно заявила:

Происходит явная несправедливость. Судят стрелочников. Мы оказались стрелочниками. Только мы оказались виноватыми. Мы без вины виноватые <...> Судят нас, рядовых. Начальство вышло сухим из воды. Надо тогда и их сюда пригласить [6: 432].

Для участников заседания Оргбюро ЦК ВКП(б), в числе которых присутствовал второй секретарь ЦК Компартии КФССР Ю. В. Андропов, были очевидны возможные последствия подобной критики. Тем более что понимание «неправильного поведения» Куприянова прямо связывалось с «ленинградским делом». В п. 3 постановления подчеркивалось:

Признать неправильным, что ЦК КП(б) и Совет Министров Карело-Финской ССР без разрешения союзного правительства учредили представительства Совета Министров, а также представительства некоторых республиканских министерств и ведомств в городе Ленинграде¹².

Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) поручалось «рассмотреть имеющиеся в ЦК ВКП(б) материалы о неправильном поведении т. Куприянова, дополнительно заслушать его объяснения и о результатах доложить ЦК ВКП(б)». Секретариату ЦК было поручено в недельный срок подготовить проект постановления по отчету ЦК КП(б) республики, в котором требовалось отметить «вскрытые при проверке недостатки» и предусмотреть «меры по укреплению руководства ЦК КП(б) Карело-Финской ССР»¹³.

14 января 1950 года Секретариат ЦК рассмотрел вопрос «О первом секретаре ЦК КП(б) Карело-Финской ССР» (протокол № 477, п. 63). Участники заседания – секретари ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, члены ЦК Н. А. Михайлов, Н. М. Пегов, М. Ф. Шкирятов, заведующие отделами и представители ЦК и аппарата. Секретариатом было принято решение: «...освободить т. Куприянова от занимаемой должности <...> отозвав его в распоряжение ЦК ВКП(б)»¹⁴. В материалах к Секретариату содержатся документы, проливающие свет на некоторые детали данного заседания. В записке Г. М. Маленкову, подготовленной (как и в 1947 году) А. Л. Дедовым, зам. заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), отмечалось: в связи с проверкой работы и отчетом ЦК КП(б) Карело-Финской ССР на Оргбюро ЦК ВКП(б) вскрыто много недостатков и ошибок в работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и т. Куприянова. В Политбюро ЦК еще 12 января были отправлены материалы по персональному вопросу о Куприянове с запиской Дедова на имя И. В. Сталина. В этой записке повторялись те же критические формулировки, что и в записке Маленкову:

Тов. Куприянов с обязанностями первого секретаря ЦК Компартии республики не справляется, в своей работе допускает факты зажима критики и самокритики товарищей, выступавших с критикой подвергал преследованиям, не вел борьбы с фактами обмана государства, сам занимался очковитирательством, завышал плохие результаты работы промышленности и сельского хозяйства, кроме этого допустил серьезные ошибки в работе по подбору и воспитанию кадров, внутрипартийная работа в республике запущена, свой авторитет т. Куприянов в парторганизации подорвал и поправить состояние дел в республике не сможет¹⁵.

Из аппарата Политбюро была получена выписка из протокола заседания Политбюро, оформленного той же датой, что и заседание Секретариата (протокол заседания Политбюро № 72 от 14.01.1950 г., п. 250). На выписке из Политбюро – автограф Сталина¹⁶.

Докладная записка Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) с предложением об освобождении от занимаемой должности Куприянова Г. Н. и рекомендации Кондакова А. А.

Товарищу СТАЛИНУ

Москва

« 17 января 1950 г.¹⁷

Вносится предложение об освобождении т. Куприянова Г. Н. от работы первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР.

В связи с проверкой работы и отчетом ЦК КП(б) Карело-Финской ССР на Оргбюро ЦК ВКП(б) вскрыто много недостатков и ошибок в работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и т. Куприянова.

Тов. Куприянов с обязанностями первого секретаря ЦК Компартии республики не справляется, в своей работе допускает факты зажима критики и самокритики, товарищей, выступавших с критикой, подвергал преследованиям, не вел борьбы с фактами обмана государства, сам занимался очковитирательством, завышал плохие результаты работы промышленности и сельского хозяйства, кроме этого допустил серьезные ошибки в работе по подбору и воспитанию кадров, внутрипартийная работа в республике запущена, свой авторитет т. Куприянов в парторганизации подорвал и поправить состояние дел в республике не сможет.

Первым секретарем ЦК КП(б) Карело-Финской ССР рекомендуется тов. Кондаков А. А. – инспектор ЦК ВКП(б).

Тов. Кондаков А. А. родился в 1908 году, русский, член ВКП(б) с 1927 года, образование высшее. До работы в аппарате ЦК ВКП(б) был вторым секретарем Ярославского обкома партии и первым секретарем Костромского обкома ВКП(б). В прошлом году окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Тов. Кондаков сельское хозяйство и промышленность знает, с обязанностями первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР справится.

Предложение это вносим на Ваше рассмотрение.

Зам. зав. Отделом партийных,
профсоюзных и комсомольских органов
ЦК ВКП(б)

А. Дедов

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 206573. Л. 17. Машинописная копия.

Унизительная процедура снятия с должности для бывшего первого секретаря ЦК КП(б) КФССР на этом не закончилась. Продолжение происходило на заседании Оргбюро ЦК партии через день, 16 января 1950 года. Рассматривался вопрос «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР» (протокол заседания Оргбюро ЦК № 478, п. 4). Председатель – Г. М. Маленков. Присутствовали члены Оргбюро Г. Ф. Александров, Н. А. Булганин, В. В. Кузнецов, Н. А. Михайлов, Н. С. Патоличев, П. К. Пономаренко, М. А. Суслов, Б. Н. Черноусов, Н. Н. Шаталин, члены ЦК ВКП(б) Н. М. Пегов, М. Ф. Шкирятов, кандидаты в члены ЦК, члены Центральной Ревизионной комиссии, зав. отделами ЦК, заместители заведующих отделами¹⁸.

На заседании Оргбюро Куприянов, формально уже освобожденный Политбюро и Секретариатом от должности партийного руководителя КФССР, выступил с отчетным докладом о работе ЦК КП(б) республики за период с ноября 1944 года по сентябрь 1949 года. В данном случае

он считался, в соответствии с постановлением Секретариата, отозванным в распоряжение ЦК ВКП(б). Затем был заслушан доклад инспектора ЦК ВКП(б) Г. В. Кузнецова. Работа ЦК КП(б) Карело-Финской ССР была признана неудовлетворительной. В качестве одного из главных недостатков назывался низкий уровень критики и самокритики. Куприянов обвинялся в том, что он «создал обстановку восхваления и подхалимства в республиканской организации»¹⁹.

Для последующих событий своего рода черной меткой явилась следующая фраза из п. 7 постановления Оргбюро:

Признать неправильным, что ЦК КП(б) и Совет министров Карело-Финской ССР без разрешения союзного правительства учредили представительства Совета министров, а также некоторых республиканских министерств и ведомств в г. Ленинграде.

Требовалось «немедленно ликвидировать представительства в г. Ленинграде»²⁰. Данный факт являлся основанием для последующих обвинений Куприянова и его карельского окружения в участии в «ленинградском деле». Комиссии партийного контроля поручалось рассмотреть материалы, имеющиеся в ЦК ВКП(б), «о неправильном поведении т. Куприянова». Констатировалось, что Куприянов не справился с руководством партийных организаций республики, допустил крупные ошибки в своей работе и поведении. В постановлении Оргбюро еще раз вписали формулировку об освобождении Куприянова от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии Карелии, хотя, как отмечалось выше, 14 января он уже был отстранен от этой должности сначала Секретариатом, затем Политбюро ЦК ВКП(б). Удивительный факт: получается, Г. Н. Куприянов трижды освобождался от занимаемой должности.

Материалы, связанные с подготовкой заседания Оргбюро ЦК партии, состоявшегося 16 января 1950 года, как свидетельствуют документы, готовились заранее. 20 декабря 1949 года Г. М. Маленков получил записку инспектора ЦК партии Г. В. Кузнецова объемом 11 страниц²¹. В ней особо отмечалось, что Куприянов не только не устранил ошибки, указанные в постановлении от 22.11.1944 г.²², но и усугубил их, решение ЦК не выполнялось. А вот постановление от 31.08.1944 г.²³ вообще не называлось.

Наряду с указанной запиской в декабре 1949 года Маленкову поступили еще несколько критических материалов в адрес Куприянова: 22.12.1949 г. докладная о серьезных недостатках в работе лесозаготовительной промышленности КФССР от зам. заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) В. И. Алексеева (5 страниц)²⁴; 22.12.1949 г. записка инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Б. Е. Саркисова (8 страниц)²⁵; 23.12.1949 г. письмо зав. транспортным отделом ЦК ВКП(б) Г. А. Чу-

маченко (5 страниц)²⁶. Указанные документы с обличительным содержанием позднее послужили основанием для предъявления обвинений и возбуждения ряда персональных дел против карельских руководителей (в их числе В. М. Виролайнен, П. В. Соляков, А. А. Трофимов, И. В. Власов, А. И. Малышев, Н. И. Бесперстов и др.).

29 декабря 1949 года по поручению Маленкова секретарь ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко и А. Л. Дедов представили проект постановления ЦК ВКП(б). В окончательной редакции в числе тех, кто готовил проект постановления Оргбюро, значатся фамилии: Куприянов, Г. Кузнецов, Андропов, Шкирятов, Суслов, Пономаренко, Хрущев, Маленков²⁷. Следует отдать должное Г. Н. Куприянову. Зная о приближающейся развязке и находясь под тяжелым психологическим давлением в сложившейся ситуации, он подготовил отчет о работе ЦК КП(б) КФССР за период с ноября 1944 года по сентябрь 1949 года. Этот отчет был утвержден на заседании бюро ЦК Компартии Карелии 26 сентября 1949 года. На следующий день, 27 сентября, 16-страничный отчет, напечатанный через одинарный интервал, был отправлен Сталину. Куприянов писал: «Сталину Иосифу Виссарионовичу <...> Докладываем Вам, т. Сталин, о выполнении постановления 22 ноября 1944 г.»²⁸. Воспитанный в партийной системе и хорошо знакомый с ее правилами, в сложившейся ситуации карельский руководитель мог надеяться только на снисхождение и милость партийного вождя в отношении своей собственной судьбы. Возможно, поэтому он избежал расстрельного приговора, на чем настаивал Маленков.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 16 января 1950 года было распечатано и отправлено в адрес ЦК КП(б) КФССР, в том числе 25 экземпляров – для райкомов республики и Петрозаводского горкома партии. Однако, по невнимательности работников аппарата (для того времени – чрезвычайное происшествие), в распечатке оказалась указана неверная дата – 10.01.1950. В материалах дела на оригинале текста для распечатки исправлено – 16.01²⁹. А поскольку в Карелию уже отправили экземпляры с неправильной датой, до сих пор в литературе имеет хождение именно она. Эта же неверная дата называется и в материалах третьего пленума ЦК КП(б) КФССР, состоявшегося 24–25 января 1950 года, на котором «снямали» Куприянова и искоренили «куприяновщину», хотя к тому времени он уже не был партийным руководителем республики. В постановлении данного пленума также указана неверная дата.

Постановление ЦК ВКП(б) «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР» от 16.01.1950 г. имело конкретный объект критики – руководителя партийного органа республики. После того как вопрос был решен, постановление в целом вдруг оказалось неактуальным. Об этом свидетельствует факт, что уже 27.02.1950 г. оно было снято с

контроля в аппарате ЦК ВКП(б) и списано в архив помощником Маленкова Д. Н. Сухановым³⁰. Так закончилась история почти 12-летнего руководства Г. Н. Куприянова партийной организацией Карелии.

Судьба Куприянова, таким образом, была решена в Москве, об этом знали все руководители республики. Однако ему пришлось пройти еще через одно партийное чистилище – политическую экзекуцию на пленуме в Петрозаводске 24–25 января 1950 года. Руководству партии понадобился этот изощренный сценарий унижения недавно непререкаемого в республике руководителя. Чей конкретно сценарий был реализован – маленковский, бериевский, коллективный, аппаратный – не столь важно. Система сталинизма успешно продемонстрировала свою назидательную функцию не только в отношении самого Куприянова, но и всей карельской номенклатурной элиты. На пленуме присутствовало более двухсот человек – партийные, советские работники, руководители общественных организаций. Каждый из участников третьего пленума, по задуманному сверху сценарию, должен был извлечь для себя уроки из показательного процесса по избиению их бывшего партийного руководителя.

В условиях апогея сталинизма это напоминало показательные судебные процессы 1930-х годов над известными руководителями партии. В качестве унижительного и поучительного урока подобный опыт был использован в Грузии в 1952 году, когда Сталин поручил Берии провести пленум ЦК Компартии республики, связанный с «мингрельским делом». Это были назидательные уроки – напоминание вождя о полной зависимости политического и физического существования партийных функционеров любого уровня от его личной воли. Данный факт является подтверждением предположения, что главным автором идеи и сценаристом партийного пленума в Карелии в январе 1950 года был И. В. Сталин.

Московскую делегацию на III пленуме ЦК Компартии Карело-Финской ССР возглавлял зам. заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) Е. И. Громов, с докладом выступил Г. В. Кузнецов – инспектор ЦК ВКП(б). Воспитанные в сталинской политической системе, участники пленума 24–25 января 1950 года показали себя достойными функционерами партийной организации – они действовали по неписаным правилам поведения. Каялись все без исключения – в попутчики к Куприянову не хотел никто. Для выступлений в прениях записалось 54 человека, за два дня работы пленума выступило 34 человека, включая самого Куприянова³¹.

В своем выступлении Г. Н. Куприянов признавал «огромные недостатки и ошибки» в руководстве партийной организацией республики,

критиковал себя и других руководителей республики – Ю. В. Андропова, П. С. Прокконена, В. М. Виролайнена. Он раскаивался по поводу фактов, озвученных в докладе московской делегации. В частности, Куприянов с запоздалым сожалением вспоминал о допущении «безобразного факта», связанного с «рыбным делом» в Беломорске, – увольнением Вичурина, проводившего ревизию, который «разоблачил жуликов». Партийный руководитель признавал собственную вину в том, что получил от Вичурина несколько заявлений, но отказался принять его – защитила Вичурина КПК в Москве³². Другим болезненным обвинением для Куприянова, обнародованным в докладе инспектора ЦК ВКП(б) Г. В. Кузнецова, была его роль в денежной реформе в декабре 1947 года. По заявлению докладчика, Куприянов был «лично замешан» в неприглядной истории с обменом денег. В выступлении на пленуме объяснение партийного руководителя республики выглядело неубедительно: виновником признавался адъютант, несвоевременно выполнивший поручение своего начальника о внесении вклада из личных средств в сберкасса в размере 2500 руб.³³ Об угнетающем психологическом состоянии Куприянова в связи с данным делом свидетельствует архивный документ – трехстраничная рукописная вставка в текст выступления на III пленуме для стенограммы заседания, которая сделана рукой Куприянова через несколько дней после пленума³⁴. Огромные пробелы между строками, словами (всего по 4–5 слов в строке) создают впечатление клинически болезненного случая. Попытка выгородить себя в данной истории не снимала обвинения с руководителя республиканской организации: почему оказался возможным подобный вопиющий прецедент – зафиксированный факт участия ряда партийных, советских, хозяйственных работников, а также их родственников в нарушении правил проведения денежной реформы? Возникал и другой вопрос: из какого источника просочилась информация о строго засекреченной операции по обмену старых денег на новые? Подобные деяния (или бездействие) могли квалифицироваться как нарушение нескольких статей уголовного кодекса.

Бдительные работники Управления кадров ЦК ВКП(б) выявили серьезные нарушения в кадровой политике в Карелии, о чем говорилось в докладе Г. В. Кузнецова. В выступлении на пленуме 24 января 1950 года Куприянов дал нелестную персональную характеристику целой группе своих выдвиженцев: А. И. Малышеву, А. А. Трофимову, В. И. Васильеву, Н. И. Бесперстову, С. С. Ракчееву. Наиболее резко он критиковал председателя Комитета культурно-просветительных учреждений И. В. Власова, проявившего, по терминологии Куприянова, особое угодничество и подхалимство, злоупотребление доверием свое-

го покровителя. Власов многие годы был одним из наиболее доверенных лиц первого секретаря ЦК Компартии республики³⁵. Уроженец Ленинграда (1905), член ВКП(б) с 1925 года, в 1933 году он прибыл в Петрозаводск, в 1941–1944 годах являлся зав. оргинструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР. В годы войны Куприянов возложил на него персональное руководство организацией подпольной деятельности в оккупированных районах республики. Однако в биографии Ивана Власова был серьезный пробел: руководящий партийный работник имел лишь начальное образование. Начальную городскую школу он закончил еще в дореволюционном 1915 году, затем поступил в городское училище, но проучился недолго. Когда Куприянов рекомендовал Власова в 1940 году на должность зам. заведующего отделом кадров ЦК Компартии Карело-Финской ССР, каким-то образом в документах в графе «образование» появилась строка – незаконченное среднее. Однако в нескольких характеристиках зав. отдела главного партийного органа республики по-прежнему констатировался уровень образования – «начальное», «нижнее».

При выдвижении на руководящую партийную должность в ЦК Компартии КФССР в справке-объективке и листке по учету кадров И. В. Власова каким-то образом изменился не только статус образования выдвиженца, но и должность, занимаемая им в 1933–1934 годах: сравнительно невысокая должность зав. орготделом Контрольной комиссии Карельского обкома партии трансформировалась в более краткое наименование в анкете – зав. орготделом Карельского обкома партии – значительная разница в карьерном статусе.

В послевоенные годы метаморфоза с образованием И. В. Власова произошла при утверждении его председателем Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров республики. В графе «образование» появилась строка – среднее. Хотя в ряде характеристик руководителя культуры, подписанных Куприяновым и секретарем ЦК КП(б) по кадрам С. П. Логиновым, как и ранее, засвидетельствовано образование – начальное. Это констатируется и в последней характеристике Куприянова – рекомендации Власова от 17 ноября 1949 года на обучение на годичных курсах в ВПШ при ЦК ВКП(б)³⁶. Отдельным решением III партийного пленума в январе 1950 года он был отозван с учебы в ВПШ.

Нет необходимости уличать бывшего партийного руководителя Карело-Финской республики в манипулировании анкетными данными доверенного ставленника. Важнее другое: низкий уровень образованности не способствовал эффективной реализации возложенных на него ответственных функций. В этом, как представляется, заключается причина явно недостаточного уровня компетентности в организации созида-

тельной и нестандартной подпольной работы в годы Великой Отечественной войны в Карелии, отсутствия творческого подхода в руководстве учреждениями культуры и просвещения (музеями, библиотеками, Домами культуры и пр.) в послевоенный период. Неграмотность восполнялась проявлением личной преданности и лояльности своему покровителю, которая порой принимала уродливые формы, проявляющиеся в организации выставок, написании художниками портретов, изготовлении скульпторами бюстов, фотографиями фотоальбомов, создании кинохроники и псевдолитературных произведений, пьес и пр., возвеличивающих персону партийного руководителя республики. Предметом насмешек стал известный факт, когда Власов пытался сфотографировать Куприянова на коне, падая в грязь.

Выступающие на партийном пленуме 24–25 января 1950 года, в том числе недавнее ближайшее окружение Куприянова, соревновались в обвинениях в адрес своего бывшего покровителя, критиковали друг друга, не забывая и о собственных ошибках и просчетах: занимались самоунижением и клялись в верности партии и товарищу Сталину. На заседаниях пленума председательствовал второй секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Ю. В. Андропов. Его выступление было 21-м по счету. Как и выступления всех других участников пленума, оно содержало критику и самокритику, однако его нельзя назвать обличительным или радикальным, хотя причин и поводов для критики Куприянова и его окружения накопилось немало. Несомненно, текст выступления Андропова в январе 1950 году готовился

задолго до партийного пленума и редактировался не только автором, но и в Москве. Можно утверждать, что Андропов был заранее посвящен в перечень обвинений, которые содержались в докладе Г. В. Кузнецова: в машинописном тексте его выступления затрагивался ряд проблем, созвучных тексту докладчика (по указанию руководителя делегации из Москвы доклад не стенографировался).

Рассуждения по поводу того, почему же он не защищал своего руководителя, которому, конечно, во многом был обязан, в данном случае являются бессмысленными. Оспаривать или ставить под сомнение решения руководящих органов партии являлось недопустимым. В условиях апогея сталинской системы подписанием собственного приговора было заниматься не принято: это означало бы публичное выступление против Вождя.

На пленуме было принято немало организационных решений, связанных со снятием с партийных должностей, выведением конкретных лиц из состава бюро и ЦК Компартии республики. В отношении Г. Н. Куприянова было продублировано решение, принятое ранее в Москве. Показательный процесс критики и покаяния в партийной среде, происходивший на пленуме в январе 1950 года, получил продолжение 17 марта 1950 года, когда Куприянов был арестован по «ленинградскому делу». В республике началась кампания борьбы с «куприяновщиной», в которой выделялись представители недавнего ближайшего окружения бывшего партийного руководителя Карело-Финской ССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127. Т. 2. Д. 1342. Л. 1–4.
- ² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 206573. Л. 8–11.
- ³ Там же. Ф. 17. Оп. 127. Т. 2. Д. 1342. Л. 2.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Л. 3.
- ⁶ Там же. Л. 4.
- ⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 100. Д. 206573. Л. 11.
- ⁸ Там же. Л. 7–9.
- ⁹ Там же. Л. 11. Работая в последующие годы первым секретарем Рязанского обкома партии (1948–1960), А. Н. Ларионов в хрущевские времена сотворил неоднозначное «рязанское чудо», за что получил звание Героя Социалистического Труда.
- ¹⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 116. Д. 475. Л. 2–3.
- ¹¹ Там же. Л. 2.
- ¹² Там же. Л. 3.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 116. Д. 479. Л. 21.
- ¹⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 118. Д. 687. Л. 30.
- ¹⁶ Там же. Л. 29.
- ¹⁷ Точная дата в документе не указана. Материалы к заседанию Секретариата ЦК ВКП(б) от 14.01.1950 г. позволили ее уточнить – 12 января 1950 г.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 687. Л. 29.
- ¹⁹ Там же. Л. 2–3.
- ²⁰ Там же. Л. 6.
- ²¹ Там же. Д. 693. Л. 135–145.
- ²² Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 764. Л. 93; Оп. 116. Д. 187. Л. 3–4).
- ²³ Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) от 31.08.1944 г. «О недостатках политической работы среди населения районов Карело-Финской ССР, освобожденных от финской оккупации» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 169. Л. 21).
- ²⁴ Там же. Оп. 118. Д. 693. Л. 146–150.
- ²⁵ Там же. Л. 152–159.

- ²⁶ Там же. Л. 161–165.
²⁷ Там же. Л. 113–114.
²⁸ Там же. Л. 117–118.
²⁹ Там же. Л. 108.
³⁰ Там же. Л. 166.
³¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3940. Л. 2.
³² НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3942. Л. 4.
³³ Там же. Л. 12.
³⁴ Там же. Л. 12–14.
³⁵ Из личного дела Власова Ивана Владимировича (НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 1780):
 1920-е – начало 1930-х гг. – следователь Ленинградской уездной, окружной Контрольной комиссии ВКП(б); инспектор, инструктор, зав. Контрольно-плановым сектором Ленинградской областной Контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции (КК РКИ).
 1932–1933 – зам. руководителя сектора проверки исполнения Ленинградской областной КК РКИ.
 1933–1934 – зав. орготделом Карельской областной Контрольной комиссии ВКП(б).
 1934 – зам. председателя Карпрофсовета.
 1934–1936 – инструктор отдела руководящих партийных органов (ОРПО) Карельского обкома ВКП(б).
 1936–1938 – зам. зав. ОРПО, зав. сектором учета руководящих кадров обкома партии.
 1939–1941 – зам. зав. отделом кадров обкома, ЦК КП(б).
³⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 1780. Л. 47.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутвило А. И. Внутриполитические предпосылки упразднения Карело-Финской ССР в 1956 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7–2. С. 16–23.
2. Васильев Ю. А. Тайны «Могикана» (К 100-летию со дня рождения Ю. В. Андропова). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. 200 с.
3. Васильев Ю. А., Шепелев В. Н. Борьба политических элит в условиях позднего сталинизма. Карельский отголосок «Ленинградского дела». 1949–1950 гг. // Исторический архив. 2016. № 3. С. 3–31.
4. Веригин С. Г. История создания и упразднения Карело-Финской ССР // Федерализм. 2009. № 4. С. 147–160.
5. Веригин С. Г. Ю. В. Андропов в воспоминаниях первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы V международной научной конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 26–33.
6. Воспоминания // Гордиенко А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. С. 422–445.
7. Гордиенко А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. 448 с.
8. Прокконен П. С. Жизнь – Карелии!: воспоминания Павла Степановича Прокконена, его супруги, сына, невестки. Петрозаводск: Издательский дом «Карелия», 2010. 192 с.
9. Шлейкин Ю. В. Андропов. Карелия. 1940–1951...: Биографическая хроника. Петрозаводск: Острова, 2014. 288 с.

Vasiliev Yu. A., Journal “Vlast (Authority)”, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)

REMOVAL OF G. N. KUPRIYANOV

Removal of G. N. Kupriyanov, a longstanding leader of the party organization of the Karelo-Finnish SSR, reveals one of the aspects in the mechanism of the Soviet political system functioning in conditions of late Stalinism. It is stated that the Stalinist system successfully demonstrated its edifying function not only for Kupriyanov himself but for the entire Karelian political elite as well. This lesson acted as a reminder for the regional elite about its political and physical dependence on the personal will of the Soviet leader. According to the author's assessment, in conditions of the apogee of Stalin's power, Kupriyanov's resignation is reminiscent of the show trials over famous party leaders in 1930s. The author analyses the process of personal issues' consideration and further decision making by the governing bodies of the Central Committee of the Communist Party – the Political bureau, the Organizational bureau, the Secretariat. The research is also focused on the study of the political process of criticism and repentance of the Communist party members at the plenum in Petrozavodsk in January of 1950.

Key words: Stalinism, political system, political elite, Karelian-Finnish SSR, “Leningrad cause”, G. N. Kupriyanov

REFERENCES

1. Butvilo A. I. Internal political factors of Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic abolition in 1956. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. No 7–2. P. 16–23. (In Russ.)
2. Vasiliev Yu. A. Secrets of “Mohican” (The 100th anniversary of Yuri Andropov). Moscow, 2014. 200 p. (In Russ.)
3. Vasiliev Yu. A., Shepelev V. N. The struggle of political elites in conditions of late Stalinism. Karelian aftersound of the “Leningrad case”. 1949–1950. *Historical Archive*. 2016. No 3. P. 3–31. (In Russ.)
4. Verigin S. G. The history of the creation and abolition of the Karelian-Finnish SSR. *Federalizm*. 2009. No 4. P. 147–160. (In Russ.)
5. Verigin S. G. Yu. V. Andropov in the memoirs of the First Secretary of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of the Karelian-Finnish SSR G. N. Kupriyanova. *Historical readings on the street. Andropov, 5. History of security agencies. Materials of the V international scientific conference*. Petrozavodsk, 2014. P. 26–33. (In Russ.)
6. Memories. *Gordienko A. A. Kupriyanov and his Epoch*. Petrozavodsk, 2010. P. 422–445. (In Russ.)
7. Gordienko A. A. Kupriyanov and his Epoch. Petrozavodsk, 2010. 448 p. (In Russ.)
8. Prokkonen P. S. Life is in Karelia!: Memoirs of Pavel Stepanovich Prokkonen, his son, and a daughter-in-law. Petrozavodsk, 2010. 192 p. (In Russ.)
9. Shleikin Yu. V. Andropov. Karelia. 1940–1951...: Biographical chronicle. Petrozavodsk, 2014. 288 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 24.08.2017

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ ЮРКИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
отдела историографии и источниковедения истории науки
и техники, Институт истории естествознания и техники
имени С. И. Вавилова РАН (Москва, Российская Феде-
рация)
ig-yurkin@yandex.ru

**ГЕНРИХ БУТЕНАНТ И РОССИЙСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ ПОСЛЕДНЕЙ
ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА**

Рассмотрена деятельность Генриха (Андрея Ивановича) Бутенанта фон Розенбуша в области горного дела и металлургии на территории Олонецкого края. Обсуждаются причины, приведшие к смене профиля олонецкой металлургии: ее переходу с производства меди на производство железа. Показано, что части сформировавшейся при Бутенанте двухзвенной структуры промышленного хозяйства были взаимосвязаны. Рассмотрены эволюция этой структуры и развитие Олонецкой группы заводов после их перехода к Бутенанту. Используются опубликованные и архивные исторические источники. Уточнены некоторые утверждения, дополнены факты, присутствующие в существующей научной литературе.

Ключевые слова: Генрих (Андрей Иванович) Бутенант фон Розенбуш, Марселисы, Виниусы, Е. Фандергатен, Олонецкие заводы XVII века, Олонецкие Петровские заводы

Имя и биография Генриха (Андрея Ивановича) Бутенанта фон Розенбуша, как и тесно связанная с ним ранняя история Олонецких металлургических заводов, долгое время оставались полузабытыми. Характерно, что в книге К. И. Арсеньева «Описание Олонецких заводов с самого их основания (выделение наше. – И. Ю.) до последних времен...» (1830)¹ он упоминается всего два раза, при этом назван разными «половинами» своего полного имени (Бутенант и Розенбуш) – автор, возможно, полагал, что говорит о разных людях. Об Олонецких заводах XVII века в этой книге тоже лишь упомянуто – их история автору незнакома. Даже для тех двух ранних заводов, названия которых оказались ему известными, время их постройки и остановки, по его словам, «с точностью определить нельзя».

Упрекать К. И. Арсеньева в недостаточном знании литературы вопроса нет оснований: такой литературы просто не существовало. В подробном обзоре горнозаводского краеведения Карелии до 1917 года, предпринятом в монографии А. М. Пашкова, факты упоминаний о Бутенанте очень редки [11: 73, 77, 213, 229]. Специальному рассмотрению ранний период горнозаводской деятельности в крае (XVII век) был подвергнут только в работах В. И. Рожкова и В. П. Мегорского².

И все же материал о Бутенанте и связанных с его деятельностью заводах накапливался. Важным событием в истории введения в научный оборот исторических источников по Олонецким медным и железным заводам явилась публикация полностью им посвященной второй части сборника «Крепостная мануфактура в России»³.

Аналитическое осмысление этих и ряда других источников предпринял Г. М. Коваленко, созданные которым в 1970-х годах научные работы [4], [5], [6], [7] принципиально изменили степень изученности темы. Однако многие ее детали по-прежнему остаются проработанными недостаточно. Сохранившиеся исторические источники, как опубликованные, так и продолжающие выявляться исследователями, сделать это позволяют.

В настоящей статье затронем некоторые из связанных с темой вопросов.

БУТЕНАНТ: КАРЬЕРА КОММЕРСАНТА

Деятельность Генриха Бутенанта, коммерсанта и дипломатического агента, долгое время развивалась преимущественно в торговой сфере. Получив жалованную грамоту на торговлю в русских городах⁴, он постепенно выделяется в среде работавших в них иностранных купцов. При этом не только торгует, но и пытается влиять на среду и условия торговли. Его, гамбургского торгового иноземца, имя встречаем среди тех из них, кто подавал письма в связи с введением в России в 1667 году Новоторгового устава⁵.

Предметы коммерческой деятельности Бутенанта были разнообразны. Он вывозил из России поташ, мачтовый лес, пиломатериалы, рыбу, рыбий жир [1: 167, 168]. Вводил оружие, ефимки. Масштаб импортных операций позволяет представить следующий факт: в 1681 году он поставил к Архангельску подрядного рейтарского ружья 106 ящиков и 57 бочек, в них 6550 «служеб пистолей и карабинов, пистолы с ольстры, а карабины с крюки и с перевязьми» [12: 320].

К 1680-м годам Бутенант занимал устойчивое и весьма заметное положение среди живших в Москве иностранцев. Он был лично знаком с первыми лицами в правительстве. Об уровне его контактов можно судить по списку гостей на одном из данных им обедов (19 января 1683 года): на нем присутствовали датский посол Гильдебранд фон Горн, князья В. В. и Б. А. Голицыны, кто-то из князей Одоевских, Лыков и другие русские вельможи⁶. То, что они не считали посещение Бутенанта унижающим их достоинство, определялось еще и тем, что почти два десятилетия (в период с апреля 1679 по август 1698 года) он выступал в качестве не только коммерсанта, но и дипломата: представлял в России интересы датского короля [9: 191].

Одним из свидетельств авторитета Бутенанта (одновременно – средств его укрепления) явилось утверждение за ним в России дворянского звания. Этот факт нашел отражение в Записной книге Посольского приказа государевым указам, челобитным, приездам в Россию иностранцев и иным всяким делам в записи следующего содержания:

В нынешнем во 1688-м году февраля в 5 день указали великие государи королевского величества датского комиссара Андрея Бутенанта писать в их царского величества грамотах, и в указах, и во всяких писмах по данному ему королевского величества листу Андреем Бутенантом фон Розенбушем⁷.

О том, как оценивал себя сам Бутенант и каким старался предстать в глазах общества (русских и иностранцев), говорит инцидент, произошедший в следующем, 1689, году на Святой неделе. В эти дни, по сложившейся традиции, «у руки» великих государей должны были представлять избранные лица из числа проживавших в Москве иностранцев. В том году в их число входили два комиссара – датский Андрей Бутенант⁸ и «свейской» Христофор фон Кохен. Бутенант «в четверток» на приеме побывал, а фон Кохен, хотя и «призван был же», «за спором с Андреем Бутенантом, что после ево, Андрея, идти не похотел, у руки не был»⁹. В следующем году в это время в Москве находился уже другой шведский представитель – Томас Книппер. На церемонию пригласили обоих – и Бутенанта «с сыном и с племянники», и Книппера. В сохранившемся в приказной документации списке призванных этого года имя шведа снова следует после имени датчанина. Впрочем, в данном случае для шведа это было, возможно, не так обидно, как для его предшественника: Бутенант значился в документе «королевского величества комиссаром», а Книппер всего лишь «свейского короля подданным»¹⁰.

Косвенным показателем не только официального, но и неформального статуса Бутенанта является его сближение с кругом молодого царя Петра Алексеевича. Уже упоминавшийся его сын, тоже Андрей, входил в непосредственное

окружение последнего. По свидетельству весьма информированного Б. И. Куракина, он был среди тех, кто по его (Петра) склонности «к иноземческому всему» учил его некоторым из малораспространенных в России умений. Бутенант-сын наставлял сразу в двух предметах: привлекался «для екзерциций на шпагах и лошадях» [8: 79].

Обратим внимание на умение Бутенанта поддерживать хорошие отношения с представителями разных придворных группировок: сохраняя связи и авторитет в кругах, близких правительству периода регентства царевны Софьи Алексеевны, он держался неподалеку и от ее подраставшего брата и потенциального соперника.

После прихода к власти Петра, в ситуации, когда необходимость лавировать, сохраняя лояльность имевшим разные интересы группам, исчезла, Бутенант сблизился с царем еще теснее. На страницах посланий датского посла П. Гейнса неоднократно встречаем описание событий, в которых они, Петр и Андрей, присутствуют на сцене оба. Царь вызывает посла для переговоров в дом Бутенанта, ведет в нем беседы дипломатического содержания, обедает, даже ночует. Зайдя к Гейнсу, в свою очередь, застаёт у него Бутенанта. Включенность последнего в события – чаще всего пассивная, но в некоторых случаях он в них участвует. Посол упоминает об одной из встреч у Бутенанта, во время которой диалог с царем по дипломатическим вопросам велся в присутствии хозяина дома, при этом в моменты, когда участники не вполне друг друга понимали (беседа велась на нидерландском языке), он, Бутенант, приходил к ним на помощь в качестве переводчика. Излишне говорить, что королевский комиссар состоял в тесном контакте с прибывавшими в Москву датскими дипломатами. Приблизившегося к Москве Гейнса он встретил еще на подъезде к столице – в селе Никольском¹¹.

МАРСЕЛИСЫ И РОССИЙСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В 1670–1680-х ГОДАХ

Предпринимательская деятельность Бутенанта не ограничивалась сферой торговли – он занимался и промышленным предпринимательством. На протяжении долгого времени она была связана с хозяйством другого иностранного коммерсанта, оставившего заметный след в истории российской промышленности, – Петра Петровича Марселиса – старшего.

Главные его предприятия находились в центре Европейской части Российского государства. Следует, однако, отметить, что еще его отец, Петр Гаврилович, проявлял интерес к природным ресурсам территорий к северу от столицы. Вместе с Ф. Ф. Акемой и при участии А. Д. Виниуса в 1648 году ими был пущен завод по производству пушечных ядер на притоке Северной Двины реке Ваге [14: 54, 55]. В 1669 году Марселис подал челобитную с просьбой предоставить

ему и его сыну Леонтию (брату П. П. Марселиса) право на разработку медных и других руд в Занежье, при этом утверждал, что Леонтий в 1665 году обнаружил там медную руду [6: 8].

В июле 1672 года П. Г. Марселис умер. О сохранявшейся в это время для Марселисов актуальности работ на северном направлении говорит следующий факт. Когда в 1674 году сыновья Петра Гавриловича договорились о разделе унаследованного ими имущества и по раздельной записи заводы отошли к П. П. Марселису-старшему, последний и Еремей Фандергатен (Хармен ван дер Гатен) подали просьбу о выдаче им проезжей грамоты¹² по образцу той, которую для поиска руд уже получили А. А. Виниус (сын предыдущего) с товарищами. В своей челобитной Марселис и Фандергатен коротко описали, какого рода промышленные интересы связывали их в то время с Русским Севером: во-первых, им были переданы «рудокопные дела» в Олонецком уезде, которые прежде ведал гость Семен Гаврилов, во-вторых, царь пожаловал их на реках Цильме и Пижме, в Пустозерском уезде и в других местах «приискивать» медные и иные руды и заводить заводы по их переработке: «тое руду плавить и ковать своими деньгами и протори и наемными людьми». 29 июля 1675 года распоряжение о выдаче им просимой грамоты было дано¹³.

Но воспользоваться ею П. П. Марселис не смог: в это время он находился «при своей крайней болезни», больше того, «уразумел востание от болезни своей... сумнительной». За два дня до того, как было принято положительное решение по его и Фандергатена челобитной, умирающий составил духовную грамоту, в которой «железные и медные заводы и что к тому принадлежит и все, что сверх помянутого, что жене своей отдал», завещал малолетнему сыну Христиану. «А понеже тот сын ево еще младенец», для ведения его дел он назначил «приказчиков» Андрея Бутмана (А. И. Бутенанта) и Еремея Фандергатена. Им, опекунам, он давал «без всякаго прекословия наследников ево полную мочь... о пожитках ево в прибыль сына ево устроить». Такие права сохранялись за ними вплоть до достижения наследником 25-летия¹⁴.

Важнейшей частью имущества, которое попадало под контроль Бутенанта и Фандергатена, являлись железные и медные заводы¹⁵. Промышленное хозяйство, контроль над которым они получали, было достаточно обширным: включало старейшие в России доменные и передельные Городищенские (Тульские), Каширские и сравнительно недавно присоединившиеся к ним Алексинские заводы в Тульско-Каширском металлургическом районе и медеплавильное производство на севере страны (отмеченное в упомянутой жалованной грамоте). Главные из заводов в центре Европейской России были уже не новы, но продолжали функционировать. Из четырех Горо-

дищенских заводов на р. Тулице действовали три, из четырех Каширских на Скниге – все четыре, причем последние, построенные как передельные, получили к этому времени домну. Сложнее обстояло дело с прочими производственными мощностями, но их развитие имело неплохую перспективу.

Бизнес, оставленный на попечение опекунов, поддерживался и развивался. Не исключено, что первое время в делах могла принимать участие вдова: право на это вплоть до ее выхода замуж давало ей завещание¹⁶. Но она вступила в новый брак и соответствующее право утратила. Наследник был слишком мал, позже его увезли из России. (По достижении им семилетнего возраста отец завещал «взять» его приказчикам «к себе и послать для учения за море и тамо ево учить во всякие шляхетные науки»¹⁷. Распоряжение с некоторой задержкой было исполнено.) Управление хозяйством Марселисов полностью сосредоточилось в руках опекунов.

Сколько-нибудь важных изменений на заводах Тульско-Каширского металлургического района в это время не происходило: те исправно выдавали железо, поступавшее в казну и в свободную продажу. Внимание предпринимателей было направлено на объекты, расположенные к северу от столицы, в частности в Олонецком уезде. Здесь они организовывали поиск рудных месторождений и строили предприятия для их переработки.

ЕРЕМЕЙ ФАНДЕРГАТЕН, УПРАВЛЯЮЩИЙ И ОПЕКУН

Прежде чем перейти к истории Олонецких заводов в период опекунского ими управления, остановимся на фигуре Еремея Фандергатена, второго «приказчика», назначенного П. П. Марселисом. В 1671 году он служил у его отца управляющим [1: 164]. После смерти последнего тесная его связь с заводами этой семьи сохраняется. В ноябре 1672 года Фандергатен получил в Посольском приказе данную по челобитной П. П. Марселиса грамоту, адресованную капитану Д. Г. Битяговскому, который должен был «доправить» с крестьян Соломенской волости деньги, которые те задолжали отцу челобитчика¹⁸. До момента, когда он стал опекуном, Фандергатен чаще всего присутствует в делопроизводстве по заводам Марселисов в качестве лица, забирающего в приказах (обычно в Посольском) адресованные заводоладельцам документы – многочисленные упоминания об этом находим для периода с ноября 1672 по март 1675 года¹⁹. Иногда его участие не ограничивается функциями посредника. 31 июля 1674 года он присутствует (судя по контексту – в качестве представителя Марселисов) при передаче из Посольского приказа в приказ Большого прихода памяти, сообщающей о царском указе владеть братьям Марсе-

лисам Тульскими, Алексинскими и Каширскими заводами на тех же условиях, на которых владел и отец²⁰. Хотя его присутствие носит чисто формальный характер (действий он не совершает), оно демонстрирует статус Фандергатена. Он доверенное лицо, готовое вмешаться, если права наследников будут чиновниками ущемлены.

Фиксируются случаи, когда Фандергатен играет и более активную роль. Наблюдаем ее, например, в относящемся к сентябрю и октябрю 1674 года деле о поставке железа и «подкопных снастей» с Тульских заводов в стрелецкие приказы для «великого государя Севские службы». После указа поставить таковые читаем:

И против сей памяти сказал иноземец Еремей Фандергатен: на железных де заводах ныне мимо едучи в стрелецкие приказы доведется взять железа заступы, лопаты, кирки; а буде чего и деланого нет, но вскоре зделано будет; а доведется де за то за все по уговорной цене взять денег 142 руб. 13 алт. 2 д.; а просеков, пазников, долот, напарей, лопастей колесных деланых на заводе нет и не делают, а мочно то купить на Москве и в рядах, и в рядах то все есть; а стрельцы тех приказов сказали, что у них в приказах мастера делать просеки, пазники, долота, напарьи, лопасти есть, и зделают будучи и в полках, только б им на те снасти на приказ по 10 пуд²¹.

Как видим, Фандергатен на этот раз демонстрирует творческое отношение к исполнению ответственного задания. Он сообщает сведения, касающиеся номенклатуры продукции Тульских заводов, обещает при необходимости быстро сделать недостающее число изделий. Сообщает и о том, что в Туле не производится, при этом предлагает альтернативное указу решение: купить необходимое в Москве в рядах. Наконец, переговорив со стрельцами, предлагает запасной вариант: сделать то, что не делают на Тульских заводах, силами собственных мастеров стрелецких приказов. Уровень компетенции Фандергатена в этом деле значительно выше уровня курьера. Он прекрасно знает заводы и их возможности, в трудных ситуациях (когда отказывать рискованно) он способен находить развязки, позволяющие и поручения выполнить, и заводоладельцам не навредить.

Еще один случай, когда Фандергатен действует в качестве полноценного актора, – его присутствие и выступление в январе 1673 года от имени П. П. Марселиса в Посольском приказе с сообщением об отказавшихся работать на Тульских и Каширских заводах «старых бунтовщиках» – крестьянах приписанной к заводам Соломенской волости²². В ситуации, допускавшей различную оценку действий участников конфликта, Фандергатен дал развернутую и достаточно убедительную характеристику лиц и событий, максимально выгодную для заводоладельцев.

Перечисленное позволяет сделать вывод, что в охваченный нашими документами период Фандергатен выступал как компетентный специалист

и одновременно доверенное лицо заводоладельцев. Не знаем, считался ли он официально приказчиком у Марселисов (в наших документах он так ни разу не назван), но, по сути, он был тем, чем Бутенант для короля Христиана – его доверенным, фактором.

МАРСЕЛИСЫ В КАРЕЛИИ: ПЛАНЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Активность в отношении промышленных объектов, находившихся на севере Европейской части России, отмечаем сразу же после смерти П. П. Марселиса – старшего. Согласно сказке Фандергатена, записанной 18 августа 1675 года, промышленники готовили в это время отправку туда двух отрядов. Первый состоял из шести человек – приказчика иноземца Еремея Традела (родственника Бутенанта, ранее уже участвовавшего в общем с ним бизнесе в России), рудознатца Лаврентия Нитарта, трех «людишек» и кузнеца. Для «сыска и опыта всяких руд» его направляли на Цильму, Пижму, в Пустозерской уезд, на Мезень; при этом в пути – в Вологде или в Великом Устюге – отряд должен был пополниться работными людьми²³. Вторую группу готовили для поездки на Олонец и в уезд. Возглавлял ее иноземец Андрей Менцхевер, его сопровождали рудозналец и проводники²⁴.

То, что какая-то работа на Олонецких заводах Марселиса в близкое к этому время велась, демонстрирует любопытное дело, относящееся к марту – апрелю 1676 года. Оно касается оплаты железа, с июля 1675 по февраль 1676 года поставленного с его заводов на разные нужды в казну, – всего на сумму 2162 руб. 9 алтын 2 деньги. Суть дела излагает мартовская челобитная, поданная от имени Х. Марселиса. Поскольку железо взималось по царскому указу, в 7183 (1674/75) году за него П. П. Марселису было дано «в зачет наперед сего на Олонце из Олонецких да Новомещанского кружечного двора из доходов 1000 руб.». Там же, на Олонце, «на расходы на медные заводы» выдали из казны еще 600 руб. Позже, однако, из Новгородского приказа (который ведал олонецкие дела) было сообщено, «что те деньги 600 руб. нельзя зачесть, а доведется де взять деньгами и записать в приход». «А ныне, – продолжал автор прошения, – пишу ко мне с Олонецких медных заводов о деньгах, что деньг надобно для расплаты работных людей и на дрова, и ныне, государь в распутие денег добыть и послать нельзя». Автор челобитной просил обещанное ему ранее «в зачет» – реально зачесть, кроме того, выдать ему сумму (более 500 руб.), которую этот зачет не учитывал²⁵. Просьба была удовлетворена.

В цитированной челобитной не сказано, на каких заводах было произведено поставленное в казну железо. Но определить его происхождение нетрудно. Олонецкие заводы названы в документе медными, следовательно, железо могло быть

только тульским. Это подтверждается сохранившимися для некоторых партий этого железа первичными документами, связанными с их поставкой в казну, – в них железо вполне определенно фигурирует как тульское.

Из данного дела, относящегося к началу опекунского периода функционирования хозяйства Марселисов, можно сделать несколько важных выводов, касающихся состояния дел на олонекской промышленной его площадке. Во-первых, по состоянию на весну 1676 года производство там функционировало как медеплавильное. Во-вторых, по крайней мере частично, оно финансировалось из доходов другой группы их заводов – Тульской. Олонекские заводы существовали не сами по себе, а были частью единого промышленного хозяйства. Связь его элементов (региональных групп заводов) выражалась в единстве инвестиционной базы развития, а также в координации обеспечивавших ее формирование финансовых потоков.

Поскольку производство на заводах центра и севера Европейской части России базировалось на разных технологиях (в центре действовали домны и молотовые фабрики, на севере медеплавильные печи), технико-технологической связи между группами первоначально не существовало. Лишь позднее, когда Бутенант приступил к перепрофилированию Олонекских заводов, связь заводских групп установилась и по линии технологии: на север для налаживания там производственного процесса стали посылать мастеров с заводов центра. Пока же (в начале периода опекунства) наблюдаем попытки закрыть кадровый голод на медеплавильном производстве единственным возможным в то время путем – посредством привлечения мастеров из-за рубежа. Именно эту цель преследовала поданная в начале мая 1676 года от имени Х. Марселиса и Е. Фандергатена челобитная с просьбой предоставить ямские подводы двум группам их посланцев. Просители напоминали об указе царя Алексея Михайловича, данном Фандергату и отцу Х. Марселиса, – «медные и всякие руды сыскать и заводы заводить своими деньгами и проторьми». В том же указе было велено давать заводчикам казенные ямские подводы, куда случится им «ехать или посылать для того рудного сыску».

А ныне, – сообщили челобитчики, – посылаем в немецкия земли чрез Свицкой рубеж пастора нашего с человеком с иноземцом для ради мастеровых людей к медным и к железным заводам да в Олонекской уезд в Фамогубскую волость посылаем рудознатца иноземца Ивана Пульмана с человеком же нашим наскоро.

Заводчики просили дать их посланцу (пастору Я. К. Эйзенбергену) и его человеку подводы до шведского рубежа, а потом, когда они будут возвращаться с мастеровыми людьми, – их же ему, «людям» и «под мастеровые снасти и под их рухлядь».

Обратим внимание на то, что для тех, кого отправляли «в немецкия земли», прямой и обратный маршруты описаны в заявке различно. Им под возвращение запрашивали подводы так, чтобы «было мочно поднятца до Олонекских рудоконных мест» и только потом ехать до Москвы. В отличие от них отправлявшиеся в Фоймогубскую волость Пульман с «человеком» должны были возвращаться в столицу сразу²⁶. Любопытно, что в этом случае подводы просили предоставить вместе с проводником, из чего заключаем, что район, в который направлялся рудозналец, путешественникам был малоизвестен.

Еще одна примечательная деталь этого документа – содержащееся в нем упоминание о том, что из-за рубежа планировалось привезти мастеров не только для медных, но и для железных заводов. Последние, возможно, должны были обеспечить ротацию кадров на заводах центра. Но вполне уместно предположить и то, что уже в это время обдумывался вопрос о дополнении существовавшего на Олонце медеплавильного производства железоделательным.

Распоряжение выделить подводы и дать подорожные было дано, соответствующие документы взял, как и обычно, Фандергатен.

Приведенные документы свидетельствуют об активизации работ (налицо не единичное действие, а серия таковых), основным местом которых являлся Олонекский уезд. Заметим, что, хотя туда в 1676 году повторно (после 1675 года) отправлялся рудозналец, состояние рудной базы в этом районе заводчики считали, вероятно, в целом достаточно им ясным, и оно вполне их удовлетворяло. В противном случае они бы не посылали одновременно с Пульманом своего представителя в Швецию ради найма мастеров, которым предстояло заниматься не поиском руд и устройством рудников, а работать на заводах по переработке этих руд.

Несколько позже, в 1677/78 году, Христиану Марселису и второму его опекуну Андрею Бутенанту были даны новые грамоты «на рудосыские и иные промыслы»²⁷. Можно предположить, что основанием для их оформления послужила практика (не носившая всеобщего характера, но существовавшая), согласно которой с началом нового царствования прежние жалованные грамоты (в том числе на деятельность в сфере горного дела и металлургии) возобновляли. Помимо дополнительной легитимации (именно дополнительной – прежние грамоты не отменялись), это иногда позволяло с учетом новых реалий откорректировать условия, зафиксированные в имевшейся грамоте.

Грамоты, полученные Бутенантом на свое и Марселиса имя, обеспечивали законность осуществлявшейся ими хозяйственной деятельности в центре и на севере Европейской России. Они были необходимы еще и потому, что строитель-

ство и эксплуатация горно-металлургических предприятий часто встречали противодействие местного населения, особенно в случаях, когда его привлекали для работы на этих предприятиях. В этом отношении показательна грамота от 22 февраля 1784 года, адресованная олонечному воеводе Ивану Панину и дьяку Алексею Мискову. Данная на основании иска Бутенанта и Марселиса «в приезде, и в озорничестве, и в бою прикащика их и людей, и извозчиков и в похвальных словах», а также «в разорении и в грабежу заводов их», она предписывала выслать к Москве старосту Кижского погоста Олонечского уезда Костку (Константина) Попова²⁸. Разумеется, «разорение» и грабеж заводов, в котором его обвиняли, по содержанию и особенно по масштабу едва ли походили на то, что творилось на заводах Южного Урала в период Пугачевщины. Но упомянутые в документе «озорничество», избивание приказчика, «людей», извозчиков, «похвальные слова» – это, судя по всему, имело место. Бутенанту приходилось искать управу на то, что происходило в сотнях верст от места его пребывания.

Забегая вперед, скажем, что в дальнейшем отношения между заводской администрацией и крестьянами продолжали оставаться неустойчивыми. Конфликты возникали и тогда, когда владельцем заводов стал сам Бутенант, особенно они усилились, когда он добился приписки к заводам крестьян Кижского погоста. Наиболее яркой страницей в истории их противостояния стали события периода, которые в советской историографии фигурировали под названием Первого Кижского восстания (1694–1696²⁹), – тогда заводы из-за ухода с них мастеровых людей два года простаивали [4], [6: 19].

ЗАВОДЫ МАРСЕЛИСОВ ПОД ОПЕКУНСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ

Сохранившиеся документы второй половины 1670–1680-х годов представляют в качестве субъектов предпринимательской активности одного из Марселисов (редко) или две пары: Марселиса с Фандергатеном и Марселиса с Бутенантом. В тех более ранних из них, которые связаны с работой на олонечком направлении, действуют первые двое. Присоединение к ним Бутенанта происходит лишь в 1675 году, когда, как полагает Г. М. Коваленко, он становится компаньоном П. П. Марселиса и Е. Фандергатена³⁰. Как в ближайшие к этому годы складывались отношения между Бутенантом и Фандергатеном, нам неизвестно. Но едва ли критично – отец не стал бы определять в душеприказчики врагов.

В 7186 (1677/78) году Фандергатен умер, единственным опекуном остался Бутенант. В 1685 году он отправил Христиана, которому в то время было около десяти лет, в Данию для

учебы [5: 181]. Наследник пребывал там до начала 1689 года [5: 182].

После смерти Фандергатена Бутенант, опираясь на жалованные грамоты, полученные на имя П. П. Марселиса и его сына, развивал и расширял хозяйство, оставленное Христиану его отцом. На заводах Тульско-Каширской группы заметных изменений, как уже говорилось, не происходило. Единственное исключение – закладка и начало строительства (1689) железного завода на р. Дугне. Остановленное в следующем году смертью Х. Марселиса, оно прервалось, когда были построены только кузница и несколько сооружений вспомогательного назначения [13: 48], [15: 78]. В Карелии же ситуация трансформировалась радикально. По инициативе Бутенанта там изменился профиль металлургического производства. Остановив плавку меди, он организовал поиск железных руд, построил и пустил несколько доменных и железоделательных заводов [7: 33–49]. Возникновение двух первых приходится на первую половину 1680-х годов: в 1680–1681 годах был построен Устьрецкий завод, приблизительно в 1685-м – Фоймогубский [1: 169], [6: 10]³¹.

Исследователи уже задавались вопросом о причине этого технологического зигзага. Г. М. Коваленко назвал целых четыре обстоятельства, обусловивших неудачу в реализации создания медеплавильного завода в Заонежье: бедность медных месторождений, трудности их разработки, сложность технологии выплавки меди и неподготовленность строительства завода крестьянскими медными промыслами [6: 9]. Не все из перечисленного представляется нам достаточно существенным. Сравнительные исследования трудности добычи медной руды в Заонежье и на Урале нам неизвестны. Выплавка меди в технологическом плане действительно сложна, но где свидетельства того, что эти трудности не были на существовавшем медеплавильном заводе преодолены? Не исключаем, что важную роль играло качество (минеральный состав) медной руды, который самым непосредственным образом отражается на технологии выплавки, упрощая или усложняя ее. Но выяснение роли этого фактора требует специального и достаточно непростого исследования.

Вместе с тем можно указать на ряд факторов, которые должны были склонять Бутенанта к попытке построить в Карелии доменный и железоделательный завод (альтернативный медеплавильному или дополняющий его – в данном случае не важно). Помимо самоочевидных – наличия необходимых природных ресурсов и крестьянской железоделательной промышленности – обратим внимание на два, обусловленных отраслевой конфигурацией хозяйства, которым управлял Бутенант:

– долгие годы управляя предприятиями как цветной, так и черной металлургии, он, несом-

ненно, неплохо знал технологическую цепочку операций получения не только меди, но и железа;

– на стабильно работавших заводах центра Европейской России Бутенант имел мастеров доменного и железоделательного производства, которых без заключения новых контрактов мог оперативно перебрасывать на другие объекты.

Хотя Бутенант умножал промышленное хозяйство подраставшего Х. Марселиса новыми предприятиями, его отношения с опекаемым портились. Бутенант очень хорошо помнил, что П. П. Марселис

написал ево, Андрея, над всем своим имением и над заводы опекуном, тако ж де сына своего Крестьяна в малолетстве вручил ему. И приказал в духовной своей ему ведать ево, Крестьяна, и вручил ему до урочных лет³².

«Ведать», то есть распоряжаться имуществом опекаемого и им самим по собственному разумению, по мере взросления наследника, Бутенанту удавалось все хуже. Пока Христиан находился в Дании (а Бутенант стремился задержать его там по возможности дольше), для реализации планов большой помехи он не представлял. Но в дело вмешивалась его мать, вдова П. П. Марселиса Маргарита, сочетавшаяся вторым браком с полковником Павлом Менезиусом. В 1688 году она попросила стать опекуном ее сына генерала Патрика Гордона [5: 182].

Г. М. Коваленко считает, что именно с этого времени начинается борьба между ней и Бутенантом, и ведется она именно за Олонецкие заводы. Покинувший в январе 1689 года Данию и возвратившийся в Россию Христиан принял сторону матери и стал жаловаться на Бутенанта в Посольский приказ (челобитные, предполагает историк, составлялись ею) [5: 182].

Обрисованная картина в целом верна, но в деталях может быть уточнена и дополнена.

Предварительно обратим внимание на то, что, судя по завещанию, П. П. Марселис перед уходом слишком нежных чувств к супруге не испытывал, будущее своего хозяйства связывал исключительно с сыном. По словам ссылавшегося на это завещание Бутенанта, он «жену ево Маргарету Вилимову дочь, будет второе супружество примет, во всем от сына и от заводов отсек». Это, конечно, неокончательный с ней разрыв, но четко выраженная позиция в отношении того, кто из родственников, по мнению наследодателя, ему ближе. Иное отношение к ней продемонстрировал прибывший в Россию Христиан. Как через полгода после его возвращения сообщал Бутенант, он «живет с матерью своею» и во всем проявляет ему непослушание³³.

В чем конкретно оно выражалось, Бутенант коротко изложил в поданной им 11 июня 1689 года в Посольский приказ челобитной.

А ныне он, Крестьян..., – писал он, – чинитца ему во всем непослушен. И продают железо, и денги принима-

ют с матерью своею многое число, а где те денги девают – того ему, иноземцу, ведомость не дают неведомо по чьему злему научению. ... Тако ж и Иван Якимов о крестьянских и заводских делах и указах пишет на заводы к приказным людям – и ево, Ивана, они во всем слушают. И то все чинят без их великих государей указу.

Как видим, основные претензии опекуна состояли в не согласованной с ним торговле заводской продукцией, в изъятии вырученных средств из оборота, в непредоставлении ему отчетности, наконец, в создании независимого от него канала управления³⁴.

Несколько дней спустя (20 июня) Х. Марселис подал встречную жалобу. По-видимому, она была не первой. Об этом говорит отличие содержащихся в ней претензий в адрес Бутенанта от тех, которые перечислил Г. М. Коваленко. Согласно последнему, наследник «обвинял Бутенанта во всяческих притеснениях, чинимых ему в Дании, в присвоении его, Христиана, доходов, в нежелании дать отчет о деятельности заводов» [5: 182]. В новой челобитной претензии иные: в ней подобраны и систематизированы доказательства того, что Бутенант в качестве опекуна не выполняет обязанностей, порученных ему наследодателем. Христиан (или его мать) описывает эти обязанности следующим образом:

И приказал отец ево им, душеприкащиком, на пользу и к прибытку ево (наследника. – И. Ю.) все им исправляти со оставленными имением так, как бы отец ево сам жив был, и дом свой правил, и добра себе хотел заводами исправляти. Долги, что на ком есть, отыскиати, и что не плачено кому – заплатити, и все, что к тому принадлежит, исполнити и остерегати ему к прибытку³⁵.

Сравнив с текстом духовной, видим, что содержание соответствующего ее раздела передано в челобитной Марселиса в целом верно, хотя и более многословно. Но было ли завещанное исполнено надлежащим образом? Марселис утверждал, что нет. После смерти Фандергатена

опекун Андрей, не по обещанию своему, как обещался отцу ево, Крестьянову, в духовной, не токмо, чтоб старые долги отца ево ему выбрал и отыскал, что б к прибытку ево, но после де друга ево опекуна Еремея фон дер Гатена роздал чрез приказ и духовную де отца ево всяких чинов людям на тринадцать тысяч рублей с лишком, чего де было ему и роздавать по духовной и по приказу отца ево не велено и не довелось. А в духовной де отца ево написано: долги ево отыскивать, а что заплатить кому доведетца – и то заплатить, а не долги да³⁶ пожитки ево роздавать. И он де, опекун ево, позабыв обещание свое отцу ево и совесть свою, роздал такое великое число денег в долги, чево де и вовеки ему, Кресьяну, не собрать. А ему де он, опекун ево, учинил после духовной отца ево долгу, чего де было учинить не для чего, и которой де долг и по се число не заплачен. И платил с вершки с него больши, нежели заем. И оттого де ему чинитца и заводом ево великое разорение и убытки больши... Марселис просил защиты, чтобы ему «разоренному не быть»³⁷.

Как видим, жалобы на тяжелое датское детство в этом документе отсутствуют. Локация фактов – исключительно российская. Налицо этап конфликта, следующий за тем, который отразила челобитная, изложенная Г. М. Коваленко.

Неизвестно, как развивались бы события в дальнейшем, но в 1690 году 16-летний Х. П. Марселис умер, наследника не оставив. Дядя и мать Христиана были от наследства «отлучены» [5: 182]. Промышленным хозяйством, созданным тремя поколениями рода Марселисов, Е. Фандергатеном и Г. Бутенантом, государство распорядилось как выморочным. Тульские и Каширские заводы отошли в казну и вскоре были «отказаны» дяде Петра I боярину Льву Кирилловичу Нарышкину. По-иному сложилась судьба Олонецких заводов: Бутенант убедил оставить их за ним.

Подведем итоги деятельности Бутенанта по управлению заводами Х. Марселиса.

Бутенант пришел в российскую металлургию, когда ее развитие в форме мануфактур, принадлежавших преимущественно иностранным концессионерам, заканчивалось. Его деятельность завершала этот период и связывала его со следующим. И надо отдать ему должное, завершила достойно. При его (недолгое время – также и Фандергатена) опекунстве (1675–1690 годы) промышленное хозяйство Марселисов приобрело двухъядерную конфигурацию и в этой форме развивалось вплоть до его распада.

Период опекунства может быть разделен на два этапа. На первом (вторая половина 1670-х годов) состав и характер хозяйства оставались такими же, какими были на момент смерти П. Г. Марселиса. Региональные группы заводов имели несовпадающий производственный профиль: на предприятиях центра Европейской части России выпускали чугун и железо, на Олонецких – медь. Первые продолжали успешно действовать на протяжении и данного, и следующего периодов. Действовавшим оставалось и медеплавильное производство в Олонецком крае, но оно, только в 1675 году перешедшее к Марселисам, в первые годы требовало приведения в порядок и встраивания в систему их хозяйства. Группы заводов были тесно взаимосвязаны: прибыль, которую давали Тульские заводы, инвестировалась в развитие Олонецких. Наблюдаем полную аналогию демидовскому двухъядерному хозяйству, каким оно было до запуска алтайского их проекта: каждое звено решало свои задачи, при этом они друг друга в финансовом отношении подстраховывали.

На втором этапе (1680-е годы) заводами Х. Марселиса занимался один Бутенант. Анализ его предпринимательской деятельности показывает, что в этот период практически все его время занимало управление металлургическими предприятиями [1: 168]. Предприятия Тульско-

Каширской группы продолжали функционировать, и в самом конце наметилась тенденция к их модернизации: был заложен новый завод на реке Дугне. Но основная работа в этот период сосредотачивается на другом, олонецком, направлении, где Бутенантом было принято и реализовано решение стратегического уровня. Проанализировав состояние ресурсной базы в Олонецком крае, а также ресурсы (в основном кадровые) заводов центра, Бутенант пошел на изменение профиля северной группы заводов: осуществил перевод их с медеплавильного производства на доменное и железоделательное. Хотя он не был основателем металлургической мануфактуры в этом крае, именно при нем здесь была создана олонечкая железоделательная мануфактурная промышленность: построены заводы, несмотря на трудности (связанные в основном с обеспечением их рабочей силой), относительно устойчиво работавшие и приносившие прибыль. Двухъядерная конфигурация на этом этапе сохранялась. Больше того, поскольку производственный профиль заводов теперь совпадал (все были предприятиями черной металлургии), их связь укрепились: на Олонецкие заводы с предприятий старого металлургического центра отправлялись квалифицированные рабочие кадры [3: 172], [6: 11].

БУТЕНАНТ – ЗАВОДОВЛАДЕЛЕЦ

В 1690 году в силу ситуационных, не имевших отношения ни к экономике, ни к политике обстоятельств хозяйство Х. Марселиса распалось. Заводы центра Европейской части России перешли к новому хозяину и в дальнейшем без серьезной модернизации функционировали несколько десятилетий. Уместно заключить, что опекуны, в первую очередь Бутенант, «ведали» их вполне добросовестно и квалифицированно. То, что данный заводской комплекс, отделившись, остановился в своем развитии, свидетельствует не только об углублявшемся в этом районе дровяном кризисе [17], но и об отсутствии у его хозяев интереса к промышленному предпринимательству.

Это тем более очевидно при сравнении его истории при Л. К. Нарышкине с историей Олонецких заводов. Под управлением Бутенанта эта их группа бурно развивалась. Став владельцем предприятий (1692) [1: 169], он возобновил примышленное строительство. К уже существовавшим на момент передачи железным заводам добавил еще два: доменный и переделный Лижемский и переделный Кедрозерский [6: 11].

Олонецкие заводы Бутенанта проходили общие для такого рода предприятий стадии технического развития. Обратим внимание на то, что, в отличие от остальных заводов, которые были доменными и молотовыми, один из новых заводов Олонецкой группы (Кедрозерский) являлся только молотовым. Из этого следует, что мощности, которыми располагал Бутенант, с увели-

чением совокупной производительности домен на каком-то этапе перестали справляться с переделом выплавляемого чугуна. Налицо ситуация, нередкая для промышленных хозяйств, осуществлявших двухстадийную переработку железной руды: отставание энергоемкого передела чугуна от его производства. И способы разрешения проблемы, к которым прибегает Бутенант, тоже достаточно традиционны. Первый – строительство специализированных переделных заводов. Именно это предпринял владелец Олонецких заводов в конце 1690-х годов. Второй – расширение в ассортименте продукции доли чугунолитейного. Так поступит он в начале 1700-х, взявшись за отливку на своих заводах пушек и пушечных ядер [3: 173, 174], [6: 14, 15]³⁸. Пойти по второму пути было непросто в силу сопряженных с ним технологических трудностей. Но все же проще (во всяком случае, дешевле), чем построить специализированный пушечнолитейный завод.

Подъем, который Олонецкие заводы Бутенанта испытали в первые годы Северной войны, убедительно продемонстрированная их способ-

ность в короткие сроки успешно перестраивать производство, в значительной степени предопределили решение об их взятии в казну. (Обратим внимание на то, что в один год с Олонецкими (1703) в казну был взят еще один весьма успешный металлургический завод – Тульский Н. Д. Демидова, который, как и они, вскоре сосредоточился на выполнении заказов Адмиралтейства [16: 65, 66].) Предприятия Бутенанта стали базой для возникновения Олонецких Петровских заводов. Последние в годы войны, особенно в период, когда ими руководил В. И. Геннин, выделялись среди существовавших в России металлургических предприятий хорошим техническим оснащением, численностью работающих, разнообразием номенклатуры выпускаемой продукции, благодаря чему сыграли важную роль в обеспечении потребностей флота [2: 98, 102], [3: 176, 177, 194]. Успехи, которых добились Петровские заводы, были обусловлены рядом причин. Одна из них, и немаловажная, – то, что они опирались на опыт своих предшественников в этом районе – заводов Бутенанта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Арсеньев К. И. Описание Олонецких заводов, с самого их основания до последних времен, с кратким обозрением Олонецкой губернии // Труды Минералогического общества. Т. 1. СПб., 1830. С. 281–332.
- ² Рожков В. И. Горнозаводский промысел в Олонецком крае // Горный журнал. 1888. № 1. С. 290–318; Мегорский В. П. Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом. Петрозаводск: Олон. губ. тип., 1905. 24 с.
- ³ Крепостная мануфактура в России. Ч. 2: Олонецкие медные и железные заводы. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 63 с.
- ⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 855.
- ⁵ Там же. Д. 946.
- ⁶ Форстен Г. Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 356. 1904. № 11 (ноябрь). С. 70.
- ⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 188.
- ⁸ Любопытно, что в этом документе он был записан по-старому, без прибавления «фон Розенбуш». Заметим, однако, что писать его по-новому было велено только «в их царского величества грамотах, и в указах, и во всяких писмах»; на внутриприказное делопроизводство это требование не распространялось.
- ⁹ РГАДА. Ф. 50. 1690. Д. 1. Л. 18. В такой же последовательности стоят имена этих лиц в подписях к документу приблизительно того же времени – свидетельству о благородном происхождении рода Винуисов. Подпись комиссара королевского величества датского и «норверскаго» Андрея Бутенанта находится в нем перед подписью королевского величества швейцарского пребывающего при дворе их царского величества комиссара Хриштофа (т. е. Кристофа) фон Кохена (Там же. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 46об., 47).
- ¹⁰ Там же. Ф. 50. 1690. № 1. Л. 7, 18.
- ¹¹ Форстен Г. Указ. соч. С. 86, 295, 296, 303–305, 325, 342.
- ¹² Исправляем неточность Г. М. Коваленко, который, упоминая о поданной Марселисом и Фандергатеном в 1674 году просьбе разрешить им разработку руд в Заонежье, под Марселисом подразумевает лицо, тождественное подателю аналогичной просьбы в 1669 году [6: 8, 9]. Но первоначально просителем выступал другой Марселис – Петр Гаврилович, в 1672 году умерший.
- ¹³ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 21. Л. 26об. Сам документ опубликован в Дополнениях к Актам историческим. Т. 6. СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. С. 165, 166. Распорядительная помета на нем позволяет исправить утверждение Г. М. Коваленко, писавшего, что распоряжение о выдаче грамоты было дано в августе 1674 года [6: 9].
- ¹⁴ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1: Тульские и Каширские железные заводы. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 299.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 229об.
- ¹⁶ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. С. 299, 300.
- ¹⁷ Там же. С. 300.
- ¹⁸ Там же. С. 350.
- ¹⁹ Приводим ссылки на подобные факты в документах того же сборника (в скобках – номер страницы): ноябрь 1672 (350), март 1673 (420), апрель 1673 (421), февраль 1674 (423), май 1674 (438), сентябрь 1674 (436, 437), март 1675 (445).
- ²⁰ Там же. С. 245, 246.
- ²¹ Там же. С. 439, 440.
- ²² Там же. С. 336.
- ²³ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 21. Л. 27, 28.
- ²⁴ Там же. Л. 28.
- ²⁵ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. С. 461, 462.
- ²⁶ Там же. С. 354, 355.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 236. Л. 542об.–543.
- ²⁸ Там же. Кн. 243. Л. 1005об. Отношения заводской администрации и крестьян подробно рассмотрены в работе [4].

- ²⁹ С. П. Орленко период активного сопротивления крестьян относит к 1693–1695 годам [11: 259].
- ³⁰ Хотя Г. М. Коваленко и упоминает об обнаруженных им архивных материалах, свидетельствующих, «что Г. Бутенант-старший... до 1690 года был не просто опекуном Христиана Марселиса, а его равноправным компаньоном» [6: 10], ссылок на эти документы он не приводит. Не исключаем, что документы не прямо говорят об этом, а лишь допускают такую их интерпретацию. Если бы Бутенант был компаньоном в юридическом смысле слова, он бы на это сослался.
- ³¹ А. П. Глаголева, а вслед за ней Т. М. Юдина упоминают еще один завод – доменный и молотовой, построенный в 1685 году в Фоймогубской волости на Устьматке у Верхозера [3: 172], [18: 42]. Г. М. Коваленко объединяет два объекта в один: по его представлениям, на Устьматке был построен завод Фоймогубский [6: 10].
- ³² РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 21. Л. 221.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Л. 221, 221об.
- ³⁵ Там же. Л. 229об., 230.
- ³⁶ В ркп: вне долги де.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 21. Л. 230, 230об.
- ³⁸ См. также РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 32; Ф. 160. Оп. 1. 1702. Д. 19; 1703. Д. 1; 1705. Д. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Велувенкам п Я. В. Архангельск: Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М.: РОССПЭН, 2006. 312 с.
2. Глаголева А. П. Олонетские заводы в первой четверти XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 247 с.
3. Глаголева А. П. Олонетские металлургические заводы при Петре I // Исторические записки. Т. 35. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 170–198.
4. Коваленко Г. М. Борьба крестьянства Карелии с заводоладельцами во второй половине XVII в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1976. С. 164–179.
5. Коваленко Г. М. О деятельности датского резидента Генриха Бутенанта в России // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1976. С. 180–187.
6. Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. 24 с.
7. Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии. 1670–1703 гг. Л.: Наука, 1979. 103 с.
8. Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче 1682–1694 гг. // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты / Сост. Е. В. Анисимова. СПб.; Париж; М.; Нью-Йорк: Пушкинский фонд, Внешсигма, 1993. С. 53–84.
9. Лавров А. С. Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрелецком восстании 1682 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 191–199.
10. Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М.: Древлехранилище, 2004. 344 с.
11. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. 304 с.
12. Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: Сб. документов. Т. 1 / Сост. Т. Б. Соловьева, Т. А. Лаптева. М.: РОССПЭН, 2004. 520 с.
13. Стоскова Н. Н. Первые металлургические заводы России. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 106 с.
14. Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М.: Наука, 2007. 558 с.
15. Юркин И. Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула: Рарус, 1998. 327 с.
16. Юркин И. Н. Демидовы: Столетие побед. М.: Молодая гвардия, 2012. 447 с.
17. Юркин И. Н. «Дровяной кризис» XVIII в., засеки и судьба подмосковной металлургии // Тульский край: история и современность: Сб. материалов науч. конф. Тула: Изд-во ТулГУ, 1997. С. 173–178.
18. Юдина Т. М. Из истории горнозаводского производства в Олонетском крае // Вестник Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 40–44.

Yurkin I. N., S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
(Moscow, Russian Federation)

HEINRICH BUTENANT AND THE RUSSIAN METALLURGY IN THE LAST QUARTER OF THE XVII CENTURY

The article is concerned with the actions of Heinrich (Andrei Ivanovich) Butenant fon Rosenbush in the field of mining and metallurgy on the territory of Olonets region. The reasons that led to the change of the profile of Olonets industry are discussed: its transition from the production of copper to the production of iron. It is shown that the parts of the two-tier structure of the industrial economy formed by Butenant were interconnected. The evolution of this structure and the development of the Olonets group of plants after their transition to Butenant are considered. The author used both published and archival historical sources. Some of the allegations are specified and supplemented by the facts from the existing scientific literature.

Key words: Heinrich (Andrei Ivanovich) Butenant fon Rozenbush, Marselis, Winus, E. Fan der Hatén, Olonets factories of XVII century, Olonets Peter's factories

REFERENCES

1. Veluvenkamp Y. V. Arkhangelsk: Dutch entrepreneurs in Russia. 1550–1785. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 312 p. (In Russ.)

2. Glagoleva A. P. The Olonets works in the first quarter of the XVIII century. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1957. 247 p. (In Russ.)
3. Glagoleva A. P. The Olonets metallurgical works under Peter I. *Historical notes*. Vol. 35. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1950. P. 170–198. (In Russ.)
4. Kovalenko G. M. The struggle of Karelian peasants against factory owners in the second half of the XVII century. *Questions of history of the European North*. Petrozavodsk, 1976. P. 164–179. (In Russ.)
5. Kovalenko G. M. On the activities of the Danish resident Heinrich Butenant in Russia. *Questions of history of the European North*. Petrozavodsk, 1976. P. 180–187. (In Russ.)
6. Kovalenko G. M. The first metallurgical factories in Karelia (1670–1703). Abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences. Leningrad, 1977. 24 p. (In Russ.)
7. Kovalenko G. M. The first metallurgical works in Karelia. 1670–1703. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 103 p. (In Russ.)
8. Kurakin I. B. History of the Tsar Peter Alekseevich, 1682–1694. *Peter the Great. Memory lane. Diaries. Jokes*. Comp. E. V. Anisimov. St. Petersburg, Paris, Moscow, New York, 1993. P. 53–84. (In Russ.)
9. Lavrov A. S. Reports of the Danish commissioner Heinrich Butenant about Strelets uprising in 1682. *Auxiliary historical disciplines*. Vol. XXVII. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2000. P. 191–199. (In Russ.)
10. Orlenko S. P. Immigrants from Western Europe to Russia of the XVII century (the legal status and actual position). Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2004. 344 p. (In Russ.)
11. Pashkov A. M. Mining history of Karelia of the late XVIII – early XX century. Petrozavodsk, Izd-vo KGPU, 2007. 304 p. (In Russ.)
12. Privileged merchants of Russia in the second half of the XVI – the first quarter of the eighteenth century. Sat. documents. Vol. 1. Comp. T. B. Solov'eva, T. A. Laptev. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 520 p. (In Russ.)
13. Stoskova N. N. The first metallurgical plants of Russia. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962. 106 p. (In Russ.)
14. Yurkin I. N. Andrei Andreevich Winus. 1641–1716. Moscow, Nauka Publ., 2007. 558 p. (In Russ.)
15. Yurkin I. N. Demidov in Tula. From the history of formation and development of the industrial dynasty. Moscow, Tula, Rarus Publ., 1998. 327 p. (In Russ.)
16. Yurkin I. N. Demidov. A century of victories. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 447 p. (In Russ.)
17. Yurkin I. N. “Wood crisis” of the XVIII century, “zaseki” and the fate of the metallurgy of the Moscow region. *Tula region: history and modernity. The collection of materials of scientific conference*. Tula, Izd-vo TulGU, 1997. P. 173–178. (In Russ.)
18. Yudin T. M. From the history of mining industry in Olonets region. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. Series of humanities and social sciences*. 2008. No 1. P. 40–44. (In Russ.)

Поступила в редакцию 30.08.2017

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ГЕРМИЗЕЕВАкандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Омский государственный технический университет (Омск, Российская Федерация)
*vika-germ@mail.ru***ГРАЖДАНСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1906–1917)**

Губернаторы, как представители высшей областной администрации на местах, определяли основные направления в развитии региона. От их опыта, заинтересованности, инициативности зависело решение большинства задач местного значения. С 1868 года с некоторыми перерывами во главе Акмолинской области находились военные губернаторы. К началу XX века эта особенность уже не соответствовала действительности, поэтому в августе 1906 года наименование должности было изменено. В период с 1906 по 1917 год пост губернатора Акмолинской области занимало 6 человек. Среди них преобладали лица с гражданскими чинами, что напрямую было связано с изменениями 1906 года о переименовании должности. Образовательный уровень начальников области, опыт административной деятельности, срок пребывания в должности в исследуемый период соответствовали общероссийским тенденциям, что являлось одним из свидетельств процесса интеграции окраин в общеимперское пространство. Деятельность губернаторов была тесно связана с решением социально-экономических задач, с развитием культурной сферы, осуществлением надзора за административными учреждениями и должностными лицами гражданского ведомства.

Ключевые слова: губернатор, управление, Акмолинская область, степное генерал-губернаторство, администрация

Интерес российских исследователей к истории губернаторской власти начал постепенно возрастать с середины 90-х годов прошлого столетия. В качестве примера работ, вышедших за последние 20 лет, можно отметить монографию Л. М. Лысенко [5], в которой дана общая характеристика губернаторского корпуса Российской империи. Региональные аспекты проблемы представлены в исследованиях Н. П. Матхановой [8], С. В. Любичанковского [6], [7], А. С. Минакова [9] и других авторов (см.: [1], [2], [3], [11]). Большой интерес представляет коллективное издание «Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы» [10], указатель по персоналиям губернаторов Томской губернии [12]. Несмотря на наличие разнообразных исследований по представленной проблематике, стоит отметить, что отдельные аспекты пока еще затронуты недостаточно полно.

В настоящей статье обращено внимание на основные направления деятельности гражданских губернаторов Акмолинской области, занимавших этот пост с конца 1906 по март 1917 года. До августа 1906 года, согласно «Положению о Степных областях» 1868 года, во главе Акмолинской и Семипалатинской областей, входивших в состав Степного генерал-губернаторства, находились военные губернаторы. 21 сентября 1881 года должность военного губернатора Акмолинской области была переименована в гражданского губернатора, но Высочайше утвержденным 25 марта 1891 года «Положением об управлении

областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» она была вновь восстановлена. Основная цель ее учреждения связывалась с необходимостью создания условий по осуществлению единства управления. Военные губернаторы становились связующим звеном в деятельности областных и войсковых учреждений, им была предоставлена часть военно-административной власти в Сибирском казачьем войске.

Тем не менее генерал-губернаторы Степного края неоднократно поднимали вопрос о необходимости внесения изменений в наименование должностей военных губернаторов Акмолинской и Семипалатинской областей. При рассмотрении этой проблемы в Совете министров в 1906 году отмечалось, что еще 3 июня 1891 года было утверждено «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск», по которому участие администрации в казачьих делах ограничивалось исключительно пределами полицейского надзора. Поэтому присвоение начальникам областей звания военных губернаторов при неподчинении им войск не соответствовало действительному служебному положению.

В процессе обсуждения вопроса указывалось, что в соседней Томской губернии, где располагалась часть Сибирского казачьего войска, так называемая Бийская линия, присвоение звания военного губернатора не было предусмотрено. К тому же ограничение замещения высокой и ответственной административной должности пред-

ставителем военного ведомства уменьшало круг лиц, из которых можно было бы сделать выбор¹. В итоге 11 августа 1906 года военные губернаторы Акмолинской и Семипалатинской областей были переименованы в гражданских губернаторов².

В Акмолинской области с конца 1906 и до марта 1917 года на этом посту находилось 6 человек: Н. М. Литвинов, В. С. Лосевский, А. Н. Неверов, Д. Г. Явленский, П. Н. Масальский-Кошуро, В. А. Колобов. Как правило, они уже ранее занимались административной деятельностью. Н. М. Литвинов принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, служил при штабе Харьковского военного округа, впоследствии был прикомандирован к Министерству внутренних дел в Санкт-Петербурге [4: 45]. До своего назначения в Акмолинскую область В. С. Лосевский длительное время занимал должность управляющего канцелярией степного генерал-губернатора. Д. Г. Явленский был земским начальником и непременным членом губернского присутствия Ярославского губернского правления, с 1908 года занимал должность начальника отделения Департамента общих дел МВД, с 1913 года управлял канцелярией степного генерал-губернатора, после чего был назначен акмолинским губернатором³. П. Н. Масальский-Кошуро был переведен с поста харьковского вице-губернатора⁴, В. А. Колобов в 1913–1916 годах был екатеринославским губернатором.

После изменения в наименовании должностей в Акмолинской области преобладали губернаторы с гражданскими чинами. При этом чин действительного статского советника имели А. Н. Неверов, Д. Г. Явленский, П. Н. Масальский-Кошуро, В. А. Колобов; В. С. Лосевский был тайным советником. Только Н. М. Литвинов был в чине генерал-майора, что вполне объяснимо тем, что он получил назначение вскоре после внесения изменений. Таким образом, гражданские губернаторы Акмолинской области преимущественно имели чин четвертого класса, что соответствовало общероссийской тенденции. В частности, Л. М. Лысенко отмечает, что среди губернаторов Российской империи в начале XX века преобладали лица в чине действительного статского советника.

Что касается образования акмолинских губернаторов, то оно было довольно разноплановым. Например, Н. М. Литвинов получил образование в частном заведении, а затем поступил в лейб-гвардии Преображенский полк, А. Н. Неверов окончил Петровскую сельскохозяйственную академию, Д. Г. Явленский обучался в 4-м Московском кадетском корпусе и 2-м Константиновском военном училище, П. Н. Масальский-Кошуро получил юридическое образование в Московском университете. Данные факты свидетельствуют о том, что образование, получаемое претендентами на губернаторскую должность, не являлось опре-

деляющим критерием для их назначения. Например, степной генерал-губернатор Е. О. Шмидт очень хорошо отзывался о заведующем канцелярией Д. Г. Явленском и, очевидно, имел непосредственное отношение к занятию последним губернаторской должности.

Большинству (5 из 6) акмолинских губернаторов к моменту вступления в должность было от 47 до 55 лет, самым возрастным в этом списке оказался Н. М. Литвинов (60 лет).

Среди гражданских губернаторов Акмолинской области дольше всех исполнял свои обязанности А. Н. Неверов, который находился на этом посту почти пять лет (20.09.1910 – август 1915). В. С. Лосевский – около четырех лет (30.12.1906–20.09.1910), остальные – менее года. С учетом того, что деятельность трех последних акмолинских губернаторов приходилась на период 1915–1917 годов, ничего удивительного в этой ситуации нет. В условиях военного времени, а также кризиса системы управления в целом перемены губернаторов были весьма распространенным явлением для Российской империи, в том числе и на ее окраинах.

В целом имеющиеся сведения убеждают нас в том, что, несмотря на наличие критериев при выборе кандидатов на губернаторскую должность, часто они не являлись определяющими и подменялись необходимостью решения конкретной задачи (например, предотвращение недовольств различных категорий населения, знание местных условий жизни).

Особо следует остановиться на судьбе генерал-майора Н. М. Литвинова, который получил назначение осенью 1906 года и прибыл в Омск 20 ноября. Но через месяц, 15 декабря, был убит неизвестными, которым удалось скрыться⁵. Среди материалов расследования этого преступления обращает на себя внимание тот факт, что губернатор пренебрегал мерами безопасности, будучи уверенным, что в случае покушения никакая охрана ему не поможет. По свидетельству очевидцев, ежедневно по пути в Акмолинское областное правление Н. М. Литвинов разговаривал с просителями и был «человеком ровного и весьма мягкого характера, которому все здесь очень симпатизировали»⁶. Расследование этого преступления продолжалось на протяжении нескольких лет, но виновные так и не были найдены. Одна из основных версий основана на том, что убийство было подготовлено и осуществлено партией социалистов-революционеров и связано с прежней деятельностью Н. М. Литвинова на посту временного генерал-губернатора в Ставрополе. Будучи первым гражданским губернатором Акмолинской области, он не успел проявить свои способности как администратор, поэтому немногочисленные документы, связанные с его деятельностью, иллюстрируют лишь решение текущих вопросов. В местной периодической печа-

ти за подписью генерал-майора Н. М. Литвинова еще на протяжении некоторого времени после его трагической гибели можно было встретить приказы и постановления. Например, в газете «Акмолинские областные ведомости» в конце декабря 1906 года было опубликовано обязательное постановление об открытии и устройстве пивных лавок в Петропавловске⁷. Но сделать что-то серьезное на посту губернатора Н. М. Литвинов не успел.

У начальников области традиционно были специальные часы для приема. В местной периодической печати отмечалось, что А. Н. Неверов принимает просителей ежедневно, кроме праздничных и неприсутственных дней, с 9.30 до 11 утра, лиц по делам службы – с 11 до 12 часов в помещении Акмолинского областного правления⁸.

В ежегодных отчетах губернаторы неоднократно обращали внимание на неудовлетворительное состояние местной администрации, на существующие кадровые проблемы. В. С. Лосевский в 1907 году отмечал, что некоторые должностные лица «не проявляют в своей служебной деятельности работоспособности, знания дела и умения руководить», чтобы «направлять население на путь законности и порядка»⁹. Его преемник А. Н. Неверов неоднократно обращал внимание на постоянно возрастающий объем работы в областных и уездных учреждениях. Традиционно решение подобной проблемы связывалось с увеличением численности чиновников, поэтому губернатором было подготовлено ходатайство об изменении кадрового состава административных учреждений «до пределов действительной необходимости»¹⁰. Штаты Акмолинского областного правления не были пересмотрены, но в 1912 году введена должность второго постоянного члена по крестьянским делам, а 1 июля этого же года в области было учреждено 19 новых должностей становых приставов¹¹.

Большую роль губернаторы отводили сохранению спокойствия в области, тем более вышестоящие власти требовали строгой отчетности в этом направлении. В октябре 1913 года А. Н. Неверов просил начальника Омского жандармского управления Н. Н. Козлова сообщать сведения о настроении населения за каждый истекший месяц, обратив особое внимание на интеллигенцию¹².

Важное значение отводилось мероприятиям по соблагоденствованию благоприятной санитарно-гигиенической обстановки в регионе. Губернаторы не только издавали различные обязательные постановления и циркуляры, но и при помощи чинов полиции отслеживали нарушения. Согласно постановлению В. С. Лосевского, в Омске были оштрафованы лица за сваливание мусора у реки Оми, за неудовлетворительное состояние мясных лавок, столовых, дворов¹³. А. Н. Неверов в июле 1914 года в связи с появившимися случаями острых желудочных заболеваний рекомендовал городскому санитарному надзору обратить осо-

бое внимание на торговлю квасом, мороженым и фруктами¹⁴. При возникновении эпидемий и массовых заболеваний губернаторы лично контролировали, как развивалась ситуация. Основная цель поездки А. Н. Неверова в январе 1911 года по Акмолинской области была связана с посещением населенных пунктов, в которых сложилась неблагоприятная ситуация по заболеваемости цингой и тифом¹⁵.

Не были обойдены вниманием вопросы благоустройства, которые решались совместно с органами городского самоуправления. Так, в июле 1914 года А. Н. Неверов предложил принять энергичные меры по ремонту мостовых и засыпки провалов по линии водопроводных труб, образовавшихся после сильных дождей¹⁶.

Вместе со служащими ветеринарного отделения Акмолинского областного правления губернаторы следили за состоянием ветеринарного дела. Согласно циркуляру Д. Г. Явленского, после прекращения повального воспаления легких у крупнорогатого скота в Атбасарском уезде были отменены введенные ранее ограничительные меры¹⁷.

С началом Первой мировой войны большое значение придавалось вопросам, связанным с урегулированием цен на продукты первой необходимости, принимались меры по обеспечению семей лиц, призванных на войну, в сельской местности была организована помощь по уборке хлеба. Губернаторы принимали участие в различных совещаниях, посвященных решению этих проблем. Например, 4 августа 1914 года в Акмолинском областном правлении под председательством А. Н. Неверова состоялось первое совещание по оказанию помощи запасным и ополченцам области, призванным по мобилизации¹⁸. В сентябре 1914 года по распоряжению губернатора крестьянские начальники Акмолинской области¹⁹ начали работу по выявлению лиц, занимающихся в селах и деревнях тайной продажей водки²⁰. Губернаторы старались периодически выезжать в различные населенные пункты, чтобы лично познакомиться с состоянием дел на местах. В декабре 1915 года Д. Г. Явленский совершил поездку по делам службы, передав исполнение обязанностей вице-губернатору статскому советнику П. П. Кандидову²¹.

П. Н. Масальский-Кошуро, еще будучи на посту вице-губернатора в Таврической и Харьковской губерниях, стремился проводить довольно жесткую политику и требовал особого внимания к своей персоне. Судя по материалам печати, он часто оскорблял подчиненных, грозил им арестом, за что неоднократно обращал на себя внимание представителей вышестоящей власти. Получив новое назначение в Акмолинскую область 22 декабря 1915 года, он вместе с семьей прибыл в Омск и приступил к исполнению своих обязанностей 24 февраля 1916 года²². На этом посту он продолжил традиционную для него политику по

наведению порядка, в связи с чем получил противоречивую оценку своей деятельности. Тем не менее не стоит рассматривать его работу только в негативном контексте, в силу своих личностных качеств этот человек стремился управлять областью с учетом сложившихся на тот момент условий. Так, П. Н. Масальский-Кошуро в своем ответе начальнику Омского отделения жандармского полицейского управления железных дорог С. С. Улан-Полянскому о разрешении устроить 16 апреля 1916 года маскарад, вполне аргументированно указал на несвоевременность мероприятия, так как в условиях военного времени «подобные увеселения производят нежелательное тяжелое впечатление на население»²³. Деятельность этого человека на посту акмолинского губернатора совпала с Первой мировой войной, когда для решения важнейших проблем часто приходилось принимать непопулярные решения, связанные с сохранением спокойствия в регионе, борьбой с повышением цен на основные товары, со спекуляцией.

Под руководством последнего акмолинского губернатора В. А. Колобова с осени 1916 года проводились совещания с участием представителей различных ведомств, направленные на урегулирование вопросов, связанных с трудом военнопленных, о состоянии цен на продукты, о положении служащих в правительственных учреждениях. В декабре 1916 года под председательством акмолинского губернатора состоялось заседание по продовольственному делу²⁴.

В конце января 1917 года В. А. Колобов в составе общего присутствия Акмолинского областного правления решал вопросы, связанные с организацией помощи по обработке полей воинов, призванных по мобилизации²⁵. После Февральской революции 1917 года институт губернаторства в Российской империи был упразднен. 3 марта 1917 года в Омске Совет рабочих депутатов вынес решение об аресте представителей старой власти. На следующий день последний акмолинский губернатор В. А. Колобов, степной генерал-губернатор Н. А. Сухомлинов, вице-губернатор Н. И. Князев были арестованы и вскоре отправлены в Петроград.

Таким образом, к началу XX века должность военного губернатора в Акмолинской области потеряла свое прежнее значение, так как функции последнего в деятельности Сибирского казачьего войска были ограничены пределами полицейского надзора. Поэтому переименование военных губернаторов в гражданских в августе 1906 года было своевременным, позволило устранить имевшие место несоответствия и расширить круг потенциальных лиц для занятия должности.

Среди гражданских губернаторов Акмолинской области с 1906 по 1917 год преобладали лица, имевшие чин действительного статского советника (66,7 %), средний возраст при вступлении в должность был чуть более 50 лет. С 1915 года существенно сократился срок пребывания губернаторов на посту, что было во многом связано с практикой перемещения чиновников, ставшей довольно распространенной в годы Первой мировой войны. Данное обстоятельство способствовало тому, что администраторы склонны были зачастую просто выполнять распоряжения вышестоящих инстанций, рассматривая назначение как некую переходную ступень в своей карьере.

Изменение в наименовании должности не оказало существенного влияния на состав и основные направления деятельности этих должностных лиц. Акмолинские губернаторы, как и прежде, принимали активное участие в жизни края, знакомились с его социально-экономическим состоянием и нуждами, старались оперативно решать вопросы по обеспечению общественного спокойствия и безопасности. В целом их деятельность была типична для всех лиц, занимавших аналогичную должность в Российской империи. Тем не менее в исследуемый период в Акмолинской области местные власти должны были решать целый ряд специфических задач, связанных с политикой переселения, наличием большого количества инородческого населения, расширением полномочий губернаторов в связи с введением режима усиленной охраны и пр.

Деятельность гражданских губернаторов Акмолинской области заслуживает особого внимания и может стать предметом более пристального изучения с учетом имеющейся специфики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 39. Л. 2–7.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. 26. № 28233. С. 795.

³ Омский вестник. 1915. 1 сентября.

⁴ Акмолинские областные ведомости. 1916. 20 января.

⁵ Омские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 14.

⁶ Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 682. Л. 3об.

⁷ Акмолинские областные ведомости. 1906. 27 декабря.

⁸ Там же. 1910. 15 декабря.

⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 22. Л. 3.

¹⁰ Там же. Д. 115. Л. 84.

¹¹ Там же. Д. 45. Л. 14, 16.

¹² ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 84. Л. 104.

¹³ Омское слово. 1908. 30 декабря.

¹⁴ Омский вестник. 1914. 11(23) июля.

¹⁵ Там же. 1911. 13 января.

- ¹⁶ Там же. 1914. 8(20) июля.
- ¹⁷ Акмолинские областные ведомости. 1915. 30 сентября.
- ¹⁸ Омский вестник. 1914. 8(20) августа.
- ¹⁹ Крестьянский начальник – должностное лицо, осуществлявшее надзор за крестьянским общественным управлением. Институт крестьянских начальников в Акмолинской области учрежден в 1902 году.
- ²⁰ Омский телеграф. 1914. 7 сентября.
- ²¹ Акмолинские областные ведомости. 1915. 16 декабря.
- ²² Там же. 1916. 2 марта.
- ²³ ИАОО. Ф. 271. Оп. 1. Д. 7. Л. 51.
- ²⁴ Омский телеграф. 1916. 31 декабря.
- ²⁵ Омский вестник. 1917. 1(13) февраля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гермизеева В. В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 – февраль 1917). Омск, 2015. 180 с.
2. Гермизеева В. В. Акмолинский губернатор П. Н. Масальский-Кошуро: штрихи к портрету // Динамика систем, механизмов и машин. 2014. № 6. С. 195–198.
3. Ефимова В. В. «Совсем уж странный поступок»: губернатор и местные чиновники в начале XIX в. // Российская история. 2015. № 2. С. 30–38.
4. Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом / Науч. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1136 с.
5. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. 358 с.
6. Лjubichankovskij S. V. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург: ОГУ, 2007. 750 с.
7. Лjubichankovskij S. V. Новые исследования о губернаторской власти Российской империи // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 167–171.
8. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
9. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в. Орел: Издательский дом «Орлик», 2011. 488 с.
10. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. 577 с.
11. Шихатов И. П. На государственной службе. Омск: Лео, 2002. 208 с.
12. Яковенко А. В., Гахов В. Д. Томские губернаторы: Биобиблиографический указатель. Томск, 2012. 224 с.
13. Robbins Jr. R. G. The Tsar's Viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca and London, 1987. 272 p.

Germizeeva V. V., Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation)

CIVILIAN GOVERNORS OF AKMOLA REGION: MAIN ACTIVITIES (1906–1917)

The governors, as representatives of the highest regional administration on the ground, were vested with the power to determine the main directions in the development of their regions. The solution of numerous local problems depended upon their personal experience, interests, and initiatives. With some short intervals, starting from 1868, it was the military governors who were at the head of the Akmola region. By the beginning of the XXth century the practice was changed and as a result, in August of 1906, the title of the position was changed. In the period from 1906 to 1917 six people were in the position of the civil governor of Akmola region. Persons of civilian ranks in the position of the governor predominated due to the changes adopted in 1906. The changes lead to the renaming of the position. During the period under review, the educational level of the region's leaders, their experience of administrative management, and the length of the term in the office corresponded to the then existing all-Russian tendencies. It was one of the evidence of the process of integration of periphery into the all-imperial space. The governors' activities were aimed at the solution of social and economic problems, at the development of the cultural sphere, at the supervision over administrative institutions and officials of civil departments.

Key words: Governor, management, Akmola region, Steppe Governor-General, administration

REFERENCES

1. Germizeeva V. V. Provincial Administration of Western Siberia (1895 – February 1917). Omsk, 180 p. (In Russ.)
2. Germizeeva V. V. Akmola Governor P. N. Masalsky-Kosuro: strokes to the portrait. *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin*. 2014. No 6. P. 195–198. (In Russ.)
3. Efimova V. V. "A very strange act": A governor and local officials in the early nineteenth century. *Russian history*. 2015. No 2. P. 30–38. (In Russ.)
4. A Russian book of tribulation. A monument to Russian patriots who died in the fight against internal enemies. Scientific editor O. A. Platonov. Moscow, 2013. 1136 p. (In Russ.)
5. Lysenko L. M. Governors and Governors-General of the Russian Empire (XVIII – early XX century). Moscow, 2001. 358 p. (In Russ.)
6. Ljubichankovskij S. V. Provincial Administration and the problem of the crisis of power in the late imperial Russia (on the materials of the Urals, 1892–1914). Samara, Orenburg, 2007. 750 p. (In Russ.)
7. Ljubichankovskij S. V. New research on the governors' power of the Russian Empire. *Voprosy istorii*. 2011. No 10. P. 167–171. (In Russ.)
8. Mathanova N. P. The Higher Administration of Eastern Siberia in the middle of the XIX century: Problems of social stratification. Novosibirsk, 2002. 250 p. (In Russ.)
9. Minakov A. S. Governor's corps and central government: the problem of relationships based on the materials of the provinces of the Chernozem Center in the second half of the XIX – early XX century. Orel, 2011. 488 p. (In Russ.)
10. Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents. Ed. by V. V. Kononov. Tyumen, 2000. 577 p. (In Russ.)
11. Shihатов I. P. On the sovereign service. Omsk, 2002. 208 p. (In Russ.)
12. Jakovenko A. V., Gahov V. D. Tomsk governors: bibliographic index. Scientific editor N. M. Dmitrienko. Tomsk, 2012. 224 p. (In Russ.)
13. Robbins Jr. R. G. The Tsar's Viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca and London. 1987. 272 p.

Поступила в редакцию 22.05.2017

ПЕТР ПАВЛОВИЧ КОТОВ

кандидат исторических наук, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Российской Академии наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
kotovpetr@mail.ru

АРЕНДНЫЕ И ПОКУПНЫЕ ЗЕМЛИ В УДЕЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Категория удельных крестьян в России была оформлена в 1797 году. Они были обязаны обеспечивать существование младших членов императорской семьи. На Европейском Севере страны эти крестьяне составляли не менее 11 % населения. В хозяйственной жизни удельных крестьян Северного региона существенную роль играло земледелие, которое основывалось на тягловых землях. Однако существующий дефицит этих наделов в течение времени увеличивался. Недостаточность земли крестьяне пытались отчасти компенсировать оброчными и покупными угодьями. «Оброчные» участки леса, сенокосов и пашни являлись собственностью удельного ведомства, их площадь в течение времени расширялась. Они вовлекались в хозяйственный оборот крестьян на правах аренды, как правило, сроком на 4 года. Плата за аренду оброчных участков стабильно умножалась. Такая аренда оформлялась всегда на общину, и земли пускались в общий передел. Аренда конкретных участков земель оформлялась традиционно за определенными селениями без какого-либо конкурса. Преодолеть эту практику уделу не удалось. В результате многие оброчные участки потеряли свои границы среди угодий крестьян. Эти очертания были определены и земли отмежеваны только в ходе отмены крепостного права удельных крестьян в 1863 году. Удельные поселяне могли приобретать земли и в собственность. Такие сделки изначально были редки в силу, прежде всего, предложения – отсутствия собственников, готовых к продаже земельных угодий. После 1808 года, когда сделки по купле земли потребовалось оформлять на удельное ведомство, в северной удельной деревне они более не фиксировались. Аренда и приобретение угодий не получали должного развития по причине косной, основанной на феодальном принципе, политики удельного ведомства. Общая площадь оброчных и покупных участков была недостаточной и лишь отчасти компенсировала общий дефицит земли удельных крестьян Севера.

Ключевые слова: удельные крестьяне, структура земель, оброчные угодья, покупные земли

В современной России вновь становятся актуальными исследования разнообразного многовекового опыта сельскохозяйственного производства. В его основе лежало земледелие, развитие которого зависело от обеспеченности и способа распоряжения землей со стороны крестьян. Характер землепользования и землеустройства в период господства феодальных отношений обуславливался в значительной степени их принадлежностью к той или иной категории и различался по регионам огромной империи. Эти вопросы по Европейскому Северу России остаются незатронутыми по удельной деревне [1: 200–207, 290–292], [2]. Проблеме землепользования и землеустройства удельных крестьян также уделено недостаточно внимания и в целом по России. Данное обстоятельство существенным образом отражается и на ошибочном освещении результатов реформы 26 июня 1863 года.

В первой половине XIX века значительная часть удельных крестьян проживала на Европейском Севере России, где они составляли не

менее 11 % населения региона¹. Эта категория сельских жителей оформилась в России по закону от 5 апреля 1797 года, когда дворцовые владения преобразовывались в удельные². Верховным собственником удельных владений и крестьян считалась царская семья, а непосредственное управление ими возлагалось на Департамент (министерство) уделов. На местах в 1797–1798 годах были образованы 9 удельных экспедиций, в том числе Архангельская, в которую вошли все бывшие дворцовые волости Европейского Севера России. По новому «Положению о Департаменте уделов» 1808 года на Севере были созданы Архангельская и Вологодская удельные конторы (имения). В 1858 году они были объединены в Вельское имение. Территории удельных экспедиций, впоследствии – контор (имений) делились на приказы и отделения, которые функционировали на принципах крестьянского (общинного) самоуправления [6]³.

В хозяйственный оборот «удельных поселяне» Севера были вовлечены тягловые наделы, лес-

ные, «билетные», покупные и оброчные угодья. По мысли законодателя, доходы от тягловых пашен и сенокосов должны были лежать в основе существования крестьянских хозяйств. Их наличие служило основанием для обложения крестьян податями и повинностями. Наделы тягловой земли в расчете на душу были невелики. Они, по разным источникам первой половины XIX века, определялись до 2,54 дес. в Архангельской губернии, до 3,14 дес. в Вологодской губернии⁴. Положение с недостаточными тягловыми наделами усугублялось низким качеством угодий, общинными переделами и, самое главное, политикой удельного ведомства, негативная сторона которой ярко проявлялась в отношении к аренде и покупке земли удельными крестьянами.

Удельные «поселяне» Севера стремились разными способами расширить свое землепользование, в том числе и за счет аренды удельных оброчных статей, куда входили принадлежавшие уделу незаселенные земли, мельницы, рыбные ловли и лавки. Земельные угодья приносили главный доход уделу от оброчных статей. Лесные участки и неудобные земли арендовались крестьянами для выпаса скота, иногда для перелога и возведения различного рода ремесленных и промышленных заведений (мельниц, смолокурных печей, мыловарен и т. п.). Удел в начале XIX века передал часть оброчных пашен и сенокосов крестьянам, но затем принялся опять увеличивать их количество.

Данные табл. 1 свидетельствуют, что площадь оброчных земель особенно заметно умножилась в Вологодской губернии – с 3064 дес. в 1799 году до 10 328 дес. к 1863 году, или в 3,4 раза⁵. В Архангельской губернии она возросла с 4223 до 6879 дес., или всего на 62,9 %. Расширение оброчных земель, кроме пашенных, завершилось к 1857 году и объяснялось переключением основного интереса Департамента уделов на отмежеванные лесные дачи. С 1799 по 1857 год удельная оброчная пашня в Архангельской губернии увеличилась с 822 до 1125 дес., или на 36,9 %, тогда как размеры сенокоса сократились – с 3335 до 2897 дес., или на 13,2 %. Иное наблюдалось в Вологодской губернии. В ней площадь оброчной пашни возвысилась с 1102 до 3086 дес., или в 2,8 раза, сенокоса – с 911 до 1810 дес., или почти в 2 раза (см. табл. 1).

Последовавшее после 1857 года заметное увеличение оброчной пашни в удельной деревне Се-

вера было связано с общественной запашкой. Под нее в удельной деревне в 1828–1829 годах была выделена лучшая часть крестьянской тягловой пашни. Так, в Архангельском имении к сорту «хорошей» относились только 23,2 % крестьянской пашни, «средней» – 32,3 % и «плохой» – 44,5 % земли. На общественных полях 56,7 % занимали «хорошие» земли, 16,1 % – «средние» и 17,2 % – «плохие» пашни⁶.

Весь цикл работ на общественной запашке проводился удельными крестьянами в качестве натуральной повинности с целью наполнения запасных хлебных магазинов (на случай неурожайных лет). После отмены общественной запашки в 1861 году эти угодья включили в удельные оброчные статьи⁷. Тем самым удельные крестьяне Архангельской губернии накануне реформы 1863 года потеряли 1842 дес. качественной пашни, Вологодской – 2586 дес.⁸

Аренда удельных мельниц, лавок и «неудобных земель» под постройки небольших мастерских и «заводов» была индивидуальной. Пашенные, сенокосные и выгонные земли и рыбные ловли арендовались, как правило, целыми волостями или сельскими обществами⁹. Пашни и сенокосы крестьяне иногда были просто вынуждены арендовать, так как они были расположены небольшими участками среди их тягловых земель. В некоторых случаях и крестьяне, и местные удельные чиновники знали лишь о размерах существующих оброчных земель, но не могли точно определить их местоположение. Такие угодья не были отделены межами и включались в общинные переделы наряду с тягловыми землями¹⁰.

Оброчные статьи сдавались крестьянам в аренду обычно сроком на 4 года, затем происходило переоформление условий, как правило, сопровождавшееся возвышением арендной платы. Ее суммы по сравнению с основными податными сборами были невелики. Материалы табл. 2 иллюстрируют, что в целом по удельной деревне Севера аренда оброчных статей возвысилась с 3080 руб. в 1799–1802 годах до 12 160 руб. в 1859–1862 годах, или почти в 4 раза¹¹. Заметный подъем этих платежей с 1863 года до 17 095 руб., или на 40,6 %, был связан с включением в арендные отношения земель из-под общественной запашки. В остальное время арендная плата увеличивалась плавно и даже в 1827–1830 годах сокращалась относительно 1799–1802 годов. Схожая ситуация наблюдалась и по Архангельской губернии, где

Таблица 1
Площадь оброчных земель в удельной деревне Севера в 1799–1863 годах (дес.)

Год	Архангельская губерния				Вологодская губерния			
	пашня	сенокос	прочие	всего	пашня	сенокос	прочие	всего
1799	822	3335	66	4223	1102	911	1051*	3064*
1857	1125	2897	1075	5096	3086	1810	2846	7742
1863	2967	2897	1075	6879	5672	1810	2846	10326

Примечание. * – за исключением 496 участков необременной земли.

подобные платы в 1827–1830 и 1831–1834 годах были меньше по сравнению с 1803–1806 годами (см. табл. 2). В этой губернии платежи крестьян за удельные оброчные статьи в 1799–1802 годах составляли 11,4 коп. на мужскую душу (по V ревизии), в 1855–1858 годах – 24,6 коп. на душу (по X ревизии), то есть умножились примерно в 2,2 раза. В Вологодской губернии они повысились с 3,7 до 11,5 коп., или в 3,1 раза. Но в ней душевые платежи за удельные оброчные статьи были существенно ниже, чем в Архангельской губернии. Эти платежи в Вологодской губернии в 1855–1858 годах достигли уровня душевой платы по Архангельской губернии лишь за 1799–1802 годы.

В рамках 4-летних арендных периодов платежи за оброчные статьи, как правило, немного возрастали. Но иногда они могли и понижаться. В Архангельской губернии в 1851 году доходы удела от оброчных статей составляли 5687 руб., в 1854 году – 5163 руб.; в 1855 году они увеличились до 6319 руб., а через год вновь снизились до 5859 руб. В Вологодской губернии в 1845 году эти доходы равнялись 3740 руб., а на следующий год – 3691 руб.; в 1851 году они возвысились до 4224 руб. и в 1854 году вновь сократились до 3859 руб.¹² Изменения дохода удела внутри 4-летних периодов объяснялись введением новых оброчных статей, частичными пересмотрами условий аренды и редкими отказами крестьян от нее.

Удельные крестьяне Севера пытались противодействовать повышению арендной платы. На торги при сдаче удобных земель в аренду обычно являлся один крестьянин с доверенностью от целой волости, при аренде остальных статей – целовек, который традиционно пользовался конкретной статьей (мельницей, лавкой и т. д.). Другие крестьяне, по наблюдениям удельных чиновников, «считают предосудительным ее (аренду. – П. К.) перенимать»¹³. Несмотря на неоднократные попытки Департамента уделов внедрить хотя бы элементы конкуренции на арендных торгах оброчных статей и увеличить тем самым доход от них, ситуацию не удавалось изменить.

В отношении особенно оброчных пашен, сенокосов и выгонов иначе и быть не могло, чему, как ни странно, во многом способствовал сам удел. Именно он при поддержке государственных органов внедрял общинные порядки, которые в

удельной деревне Севера привели к оформлению крупных общин-волостей. Основопологающим элементом в деятельности общин являлись пределы тягловой земли. В их систему и включались удельные оброчные угодья с последующим выделением полосок, учетом душевых наделов и другими процедурами общинных переделов. Поэтому ни один общинник не мог, да и не смел, претендовать на индивидуальное пользование землей. Конкуренции на торгах со стороны соседних общин-волостей крестьяне также не опасались. Ведь они могли поступить с соседями аналогичным образом. Но главное заключалось в том, что общины-волости на Севере занимали довольно большие пространства. В случае выигрыша торгов соседям все время приходилось бы добираться до арендуемых участков по территории другой волости на дальние расстояния. Эксплуатация же выгонов в таких условиях и вовсе была невозможна. Неслучайно в отчетах удельных чиновников о результатах арендных сделок в северной удельной деревне на каждое очередное 4-летие рефреном звучало, что «торги составляли одну формальность»¹⁴.

Аренда земельных угодий удельными крестьянами Севера у других собственников фактически отсутствовала. Собственно, таковых в регионе было мало, лишь немногочисленные удельные «поселяне» юго-западных уездов Вологодской губернии соседствовали с помещичьими имениями. С другой стороны, удельное ведомство «не поощряло» аренду земель «у сторонних» владельцев.

В казенной деревне Севера арендные отношения были более развиты и отличались от аренды в удельной деревне. Во-первых, основная часть арендуемых земель приходилась здесь на сенокосы и лес; во-вторых, преобладала индивидуальная аренда в основном богатыми крестьянами; в-третьих, сроки аренды были от 2 до 20 лет [2].

Одним из способов улучшить свою обеспеченность землей и единственным вариантом индивидуально ею распоряжаться являлась для крестьян покупка угодий в собственность. Однако развитию купли-продажи земли препятствовали феодально-крепостнические порядки и законодательство. Правда, определенные возможности все-таки существовали, и отдельные дворцовые

Таблица 2
Платежи удельных крестьян Архангельской (А) и Вологодской (В) губерний за оброчные статьи в 1799–1863 годах (в среднем за год по периодам в руб. сер.)

Годы	А	В	Всего	Годы	А	В	Всего
1799–1802	2224	856	3080	1843–1846	4765	3712	8477
1803–1806	2515	980	3495	1847–1850	5356	4181	9537
1827–1830	1937	1324	3261	1851–1854	5501	4165	9666
1831–1834	2366	2022	4388	1855–1858	6071	4316	10387
1835–1838	2684	2915	5599	1859–1862	нет данных		12160
1839–1842	2964	3272	6236	1863	нет данных		17095

крестьяне Севера приобретали собственные пашни и сенокосы. По указу от 21 марта 1800 года и удельные крестьяне получали право покупки земель, но сделки должны были оформляться на имя Департамента уделов¹⁵. Такой землей имел право пользоваться только купивший ее (в помещичьей деревне это не регламентировалось), и она считалась его собственностью. В 1828 году удельным крестьянам разрешили продавать эти угодья, но только удельным крестьянам своего же приказа. Ранее даже подобные сделки запрещались¹⁶. Удел, как мы видим, не только вмешивался в дела крестьян при покупке земли, но и ограничивал их права в распоряжении купленными угодьями.

Земли в личной собственности удельных крестьян Архангельской губернии не было. В Вологодской губернии она имелась и приобреталась в основном у помещиков. Здесь из 1137 дес. земли, бывшей в собственности удельных крестьян к 1863 году, только 32 дес. (2,8 %) было куплено у крестьян других категорий, 101 дес. (8,9 %) – у купцов и 1004 дес. (88,3 %) – у помещиков. Этим объясняется, что 77 % купленных угодий находились у крестьян юго-западных уездов Вологодской губернии, где и располагалась подавляющая часть помещичьих имений в регионе. При этом свыше 21 % земли было приобретено еще дворовыми крестьянами, до перевода их в

удельное ведомство¹⁷. Из крестьян, имеющих угодья в личном владении, только Степан Бекриев из д. Гладышевской в Судромской волости и Петр Пешков из д. Нестюковской в Устькулойской волости не пользовались тягловой землей и поэтому не платили оброк в пользу удела. Остальные 68 удельных крестьян губернии владели небольшими участками земли и вынуждены были пользоваться тягловыми наделами и, соответственно, выплачивать все подати¹⁸.

Итак, основные наделы пашни и сенокоса в удельной деревне Севера приходились на тягловые земли, которых было недостаточно. Одним из способов пополнить землепользование являлась аренда земли. Однако таких угодий на Севере было немного. Арендные отношения в северной удельной деревне были не развиты, чему в немалой степени способствовали общинные отношения. Вмешательством удельного ведомства объяснялся и факт слабой распространенности покупок земельных участков крестьянами Севера. Все это, в свою очередь, отрицательно отражалось на складывании земельной собственности в удельной деревне Севера и препятствовало ее развитию. Главные причины неразвитости и земельной аренды, и купли-продажи земельных угодий заключались в господствующих феодальных отношениях, выразителем которых выступало удельное ведомство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 1. Д. 70; Оп. 5. Д. 87.

² Апреля 5 [1797 года]. – Учреждение об Императорской Фамилии // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. I–VL. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. (Далее – ПСЗРИ-1). Т. XXIV. № 17906. С. 525–569.

³ Марта 10 [1797 года]. Сенатский. – Об открытии Удельных Экспедиций в Губерниях Санктпетербургской, Московской, Смоленской, Тамбовской, Архангельской, Костромской, Казанской, Вятской и Орловской // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18423. С. 126; Мая 15 [1808 года]. Именной указ, данный Сенату. – Положение Департамента Уделов // ПСЗРИ-1. Т. XXX. № 23020. С. 226–258; Декабря 8 [1858 года]. Именной, объявленный Сенату Управляющим Министерством Юстиции. – Об учреждении Вельского удельного имения и Вельской Удельной Конторы // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. I–LV. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1881. (Далее – ПСЗРИ-2). Т. XXXIII. Отд. 2. № 33861. С. 451–452.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 67; Оп. 10. Д. 3877; Оп. 34. Д. 128; Оп. 71. Д. 2001, 2218; Оп. 74. Д. 86–99.

⁵ Таблица 1 составлена автором по: РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 67; Оп. 15. Д. 1742; Оп. 71. Д. 2218.

⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 4298; Оп. 12. Д. 2518; Оп. 16. Д. 807.

⁷ Марта 5 [1861 года]. Именной, данный Министерству Двора и Уделов. – О пересмотре существующих ныне постановлений о крестьянах удельного ведомства и о предоставлении им ныне же некоторых облегчений // ПСЗРИ-2. Т. XXXVI. Отд. 1. № 36712. С. 435–436; РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2518, 2548.

⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2421. Л. 42–43.

⁹ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 498; Оп. 13. Д. 6, 21, 23, 25, 27–48, 90.

¹⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 498. Л. 2–3.

¹¹ Таблица 2 составлена автором по: РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 11–76; Оп. 10. Д. 658.

¹² РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 55, 56, 62, 66, 68, 70.

¹³ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 73. Л. 273; Оп. 12. Д. 498. Л. 3–6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Марта 5 [1800 года]. Именной, объявленный Сенату Генерал-Прокурором. – О дозволении крестьянам удельного ведомства покупать земли у частных владельцев и совершении купчая на имя Департамента Уделов // ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19334. С. 88.

¹⁶ Мякотин В. А. Личные и имущественные права удельных крестьян // Русское богатство. 1903. № 7. С. 41–79.

¹⁷ РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 4271. Л. 19, 73–195об.; Оп. 16. Д. 832. Л. 46–54; Оп. 34. Д. 2. Л. 2–5об.

¹⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 4271. Л. 19, 73–195об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История северного крестьянства. Т. 1. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1984. 432 с.

2. И л о в а й с к и й И. Б. Арендные отношения в государственной деревне во второй трети XIX в. (по материалам Вологодской губернии) // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 года). Сыктывкар, 1981. С. 117–126.
3. К о т о в П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 1 (130). С. 18–22.

Kotov P. P., Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Institute of History and Law, Syktyvkar State University of Pitirim Sorokin (Syktyvkar, Russia)

RENTED AND PURCHASED VILLAGE LANDS OF THE TSAR FAMILY'S PEASANTS IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

A class of the tsar family's peasants was registered officially in 1797. The peasants were obliged to service to junior members of the tsar's family. In the European North of the country these peasants constituted more than 11 % of the population. The agriculture based on draught lands played a significant role in the household life of the tsar family's peasants. The existing deficit of such plots was constantly increasing. The peasants tried to compensate the lack of lands by quitrent and purchased grounds. Quitrent forests, soils and tillage belonged to the appanage departments and their territory enlarged with time. As a rule, these territories were involved into the household of peasants as leased lands for a four year term. A rental fee for quitrent lands grew constantly. The land lease was registered on a certain commonalty and the lands were common for the participants. Such land lease was always executed without any contest or tenders among participants. The lands were usually assigned to certain settlements. Appanage departments were unable to solve this problem. As a result, a lot of quitrent grounds lost their borders among peasants' lands. These borders were established and the grounds were separated only during the abolition of serfdom in 1863. Starting from that time the peasants of imperial family could purchase grounds into private ownership. Nevertheless, from the very beginning such deals were rare because none of the owners wanted to sell their grounds. After 1808, when all deals on the purchase of grounds had to be registered officially through appanage departments, they were no longer registered in northern villages. The renting and purchasing of the grounds did not revolutionize because of the inert feudal policy of the appanage departments. The total plottage of the quitrent and purchased grounds was not big enough to compensate for the overall deficit of lands allocated for the tsar family's peasants living in the North.

Key words: tsar family's peasants, structure of the grounds, quitrent grounds, purchased grounds

REFERENCES

1. A history of northern peasantry. Vol. 1. Arkhangelsk, 1984. 432 p. (In Russ.)
2. И л о в а й с к и й И. Б. Rental relationships in a state village in the second third of 19th century (according to the documents of Vologodsky province). *Agrarnye otnosheniya i istoriya krest'yanstva Evropeyskogo Severa Rossii (do 1917 goda)*. Syktyvkar, 1981. P. 117–126. (In Russ.)
3. К о т о в П. П. A tsar's family peasants on the European North of Russia: accommodation and demographic processes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2013. № 1 (130). P. 18–22. (In Russ.)

Поступила в редакцию 11.08.2017

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РУЖИНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rin@petsu.ru

ЕДИНОВЕРИЕ В РЕЛИГИОЗНОМ ЛАНДШАФТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Цель данной статьи – исследование истории единоверческих приходов Европейского Севера России. Данный пример впервые позволил выявить региональную специфику единоверия как религиозно-исторического явления, проследить его эволюцию под прессингом церковно-государственной политики и тенденций внутреннего развития. Методологическое акцентирование работы в проблемном поле религиозного ландшафта объясняет специфику выбора источников. Документы Олонецкой духовной консистории по единоверческим приходам вводятся в научный оборот впервые. Использование опубликованного и неопубликованного массива документов позволяет реконструировать религиозный ландшафт Европейского Севера России с учетом исторического опыта единоверческих общин. Объектная идентификация религиозных групп осуществлена на основе 38 культовых построек Севера России. Автор выявил два доминантных периода единоверческого храмостроительства в регионе – эпоху либеральных реформ императора Александра II, отразившую реализацию миссионерского антистарообрядческого проекта Синодальной церкви, и рубеж XIX–XX веков как проявление инициативы самих верующих. Делается вывод, что большинство единоверческих церквей региона относилось к категории сельских, однопрестольных, деревянных, имевших колокольню и приходскую школу. Анализ персоналий приходских лидеров позволил признать, что первое поколение единоверческих священнослужителей – местные крестьяне, знатоки древнерусских традиций богослужения и духовного наставничества. Усилиями прихожан единоверческих церквей были сохранены объекты сакрального наследия старообрядческих скитов и молелен Европейского Севера России. Автор приходит к выводу, что сдерживающими факторами к масштабному распространению единоверия в регионе были не только внешние события XX века, но и специфика самих старообрядческих групп, в которых преобладали не приемлющие священства согласия. Дальнейшее изучение истории старообрядных приходов Православной церкви видится особенно актуальным с учетом возрождения единоверия, активизации религиозного туризма и паломнических практик в современной России.

Ключевые слова: единоверие, единоверческий приход, старообрядчество, Европейский Север России

Современное состояние конфессионального пространства России отличается большим многообразием и социокультурной мобильностью. Среди всего комплекса причин этих процессов нельзя не отметить специфики региональных условий, в которых формируются и развиваются религиозные сообщества. В этой связи изучение конфессиональных явлений диктует необходимость применения комплексного подхода в информационно-аналитической и прогностической деятельности. Вариативными формами реализации исследований такого рода являются концепты «историко-культурный ландшафт»¹ [5], «религиозный ландшафт» [1], [13], «сакральная география» [2]. Каждый из подходов имеет свой ресурс в изучении средовых, культовых, темпоральных, антропогенных и социальных характеристик религиозных явлений.

При реконструкции истории старообрядных (единоверческих) приходов Русской православной церкви² большой потенциал имеет методика «религиозного ландшафта», предложенная про-

фессором Е. М. Главацкой. В комплексе данных по исторической географии единоверческих храмов, межрегиональных контактов приходов и эволюции общин можно увидеть единоверие как комплексное явление, как историко-культурный и этноконфессиональный феномен. Важность общественно-научных инициатив подобного рода подтверждает тот факт, что на территории современной России единоверие активно возрождается, формируя религиозный ландшафт окружающего мира новыми храмами.

Исследовательский интерес к истории единоверческих приходов на территории России стал отражением означенных явлений. Так, за последние годы в исторической науке выделилось несколько приоритетных подходов к изучению единоверия. Очень активно развивается регионалистика единоверия (С. Н. Абакумов, В. И. Байдин, Е. В. Дроботушенко, Д. С. Ермакова, В. Н. Ильин, Р. Н. Лункин, А. В. Мангиева, С. С. Михайлов, И. В. Починская, Т. С. Романюк, А. С. Ряжев, Л. Н. Суслова). Не менее

важным направлением историографии является исследование персоналий лидеров единоверия (Н. П. Зимина, В. А. Ичкерин, Р. К. Колесников, Р. А. Майоров). Проблема эволюции взаимоотношений единоверческих общин с РПЦ вызывает интерес зарубежных ученых [18], [19], [20], а также современных деятелей православия [7], [8], [10], [14]. Значительным событием в историографии стало появление обобщающих работ, систематизирующих современные представления о единоверии [6], [9]. Однако нельзя не признать, что при всех достоинствах указанных работ история единоверческих приходов в регионе Европейского Севера России в них не отражена. Отдельные аспекты темы имеются в трудах, посвященных региональной истории старообрядчества [4], [11], [12], [16], [17]. Таким образом, целью данного исследования является изучение истории единоверия в масштабе религиозного ландшафта Европейского Севера России. Реализация поставленной цели видится через разрешение комплекса задач: выявление географии единоверческих приходов, динамики храмостроительства, анализ специфики общин в региональном контексте, оценка особенностей формирования и деятельности единоверческого причта. Географические рамки исследования определяются границами Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской и Санкт-Петербургской губерний в преамбуле советского и постсоветского районирования. Хронологические рамки работы соотносятся с периодом существования единоверческих храмов как центров приходской жизни общины означенного региона. Применение историко-сравнительного, проблемно-хронологического и статистического методов исследования позволяет воссоздать картину изучаемого явления в комплексе определяющих факторов.

Акцентирование работы в проблемное поле религиозного ландшафта объясняет специфику выбора источникового массива. Его основу составили опубликованные источники историко-статистического характера (данные из «Памятных книжек» губерний, «Памятных книг» епархий, «Краткие исторические описания приходов и церквей» региона, материалы «Епархиальных ведомостей»³). Помимо этого использовалась делопроизводственная документация приходов, отчетные материалы миссионеров, клира, формулярные ведомости, описи единоверческих церквей, отложившиеся в архивных фондах⁴. Большая часть из них вводится в научный оборот впервые. Особую группу источников составило эпистолярное наследие – письма архиепископа Аркадия (Федорова). Указанный комплекс источников информативен, сопоставим для сравнения, позволяет реконструировать историю единоверия в его региональной специфике.

В связи с восстановлением приходской жизни единоверческих общин в современных границах

Европейского Севера (Усть-Цильма, Павлово-на-Неве, Санкт-Петербург) исследования подобной тематики представляются весьма актуальными. Активизация религиозного туризма⁵ и паломнических практик в регионе⁶ вносит в работу практический компонент.

Информационный массив⁷, имеющийся в нашем распоряжении, позволяет выявить наличие 38 единоверческих церквей в исторической ретроспективе религиозного ландшафта Европейского Севера России. Их локализацию внутри региона можно представить следующим образом:

Архангельская губерния

Предтеческая (остров Лепо), Зосимо-Савватиевская (Кемь), Преображенская (Подужемье), Никольская (Усть-Цильма), Никольская (Кудьма);

Новгородская губерния

Никольская (Никола), Никольская (Глухая Горюшка), Покровская (Виджа), Феодоровская (Соловьево), Успенская (Нароново), Казанская (Антипино), Георгиевская (Крутец), Троицкая (Ям Крестцы), Тихвинская-Пантелеимоновская (Тихвин);

Вологодская губерния

Петропавловская (Подчерье), Никольская (Домшино), Казанская (Покча);

Олонецкая губерния

Покровская (Повенец), Троицкая (Семчезеро-Кумчезеро), Вознесенская (Паяницы), Зосимо-Савватиевская (Сяргозеро), Преображенская (Ежезеро), Богословская (Волосово-Трофимовская), Никольская (Троицкое-Семеновская), Никольская (Преслениха);

Санкт-Петербургская губерния

Сретенская (Петербург), Никольская-Миловская (Петербург), Благовещенская (Петербург), Дмитриевская (Петербург), Покровская (Петербург), Никольская (Петербург), Мариинская (Петербург), Алексиевская (Петербург), Никольская (Немятово), Никольская (Кубасово), Петропавловская (Петропавловское), Георгиевская (Болоцкое), Дмитриевская (Бор).

Первичный анализ информационного ресурса свидетельствует о доминировании посвящения храмов святителю Николаю Чудотворцу, что достаточно традиционно для сакральных объектов в религиозном ландшафте Европейского Севера. В городской среде была значительная доля каменных построек культового значения. Наиболее распространенным примером сельского храма единоверческих общин Севера была однопрестольная деревянная церковь (четверик), обшитая тесом под двускатной крышей, венчавшейся восьмиконечным крестом. Организация пространства таких храмов решалась традиционно – в единстве Земного и Небесного. Эстетика и святость мира, сотворенного Богом, подчеркивалась выбором места для Церкви как Божьего

дома (высокий берег реки, озера). Объектное пространство внешнего комплекса построек включало колокольню, а в ряде случаев – некрополь (Волковский и Большоохтинский в Петербурге, Единоверческий-Пантелеимоновский в Тихвине, Георгиевский в Болотском). Архитектурные особенности при воплощении единоверческих церквей Европейского Севера России объяснялись во многом местоположением постройки в местном ландшафте. Ряд храмов являлся сакральным объектом еще до того, как получил статус единоверческого. В этом случае он перестраивался для нужд религиозной общины из «намоленного» места – молитвенного дома, издавна почитаемого старообрядцами, например часовни. Примерами такого «преемства» стали единоверческие церкви в Немазово, Кудама, Домшино, Тихвине. Помимо естественного обветшания зданий, доминантным фактором к «поправке» культовых построек служили разрушительные пожары. Так было в истории единоверческих храмов в Крестцах, Тихвине, Домшино. Сакрализация внутреннего пространства церквей усиливалась его наполнением антиминсами, употребляемыми в богослужении до трагических событий церковного раскола. Среди икон, богослужебных книг и утвари единоверческих храмов Европейского Севера России нашли спасение многие святыни из разоренных старообрядческих скитов (Выгорецкий, Великопоженский, Чаженгский⁸) [4: 16–18], [11: 235]. Часть икон знаменитой моленной вытегорских купцов-старообрядцев Шалапановых была сохранена в сакральном пространстве единоверческой церкви села Ежезеро⁹.

Большим разнообразием отличались единоверческие храмы Санкт-Петербурга. Это были творения выдающихся зодчих, таких как В. И. Беретти, К. И. Брандт, А. А. Мельников, И. В. Штром. Ряд проектов петербургских архитекторов нашли воплощение в сельском ландшафте Севера. Примером этого стали здания единоверческих церквей села Бор (архитектор К. Г. Резцов) и села Немазово (архитектор М. А. Шурупов). Однако в целом архитектура единоверческих храмов Европейского Севера России была достаточно традиционна, соотносима с приоритетами храмостроения региона или стандартами «образцовых проектов»¹⁰. Среди сохранившихся примеров такого рода можно упомянуть Богословскую церковь Волосовского единоверческого прихода¹¹.

В большинстве своем региональные центры единоверия были соотносимы с границами крупных старообрядческих локусов. Особенно заметно это было в Старорусском, Крестецком, Череповецком, Кемском, Повенецком уездах, Приильменском и Усть-Цилемском ареалах, в селениях при реках Волхов, Онега, Печора, Тихвинка, Чагода. В ряде случаев локусы примыкали к крупным инорегиональным центрам единове-

рия, таким как Солецкий (Псковская губерния), Чердынский (Пермский край), Пошехонский (Ярославская губерния). Благодаря статистическим экспедициям чиновников Министерства внутренних дел (Ю. К. Арсеньев, П. И. Мельников-Печерский), к середине XIX века власти владели более точной информацией о масштабах распространения староверия во многих территориях, в том числе в Новгородском крае.

В принятии единоверия как варианта адаптации старообрядцев к условиям «гонений» большую роль играл экономический фактор – наличие прочных торговых контактов между общинами. Особенно заметно это было в координирующей роли Петербурга, имевшего корпоративные и конфессиональные связи с единоверческими общинами Тихвина, Домшино, Крестцов, Подужемья. Первый опыт знакомства с единоверием многие жители северных территорий России получили от посещения единоверческих храмов северной столицы: «...был в Петербурге, побывал в единоверческом храме за праздничным богослужением и был очарован любезною его сердцу стариною»¹². Судя по документам, старообрядцы Олонецкого края сблизились с единоверием также через общины Петербурга. Еще до того, как в Олонецкой губернии появились единоверческие приходы, жители Повенецкого, Пудожского и особенно Петрозаводского уездов регулярно «были у исповеди и Святого причастия в Никольской церкви Петербурга; позднее при их содействии был открыт единоверческий приход в Семчезеро»¹³. Единоверческие священники Петербурга освящали многие храмы Севера, например Георгиевскую церковь села Болотское, а в храмах Петербурга служили выходцы из Новгородской и Олонецкой епархий. В числе депутатов I Всероссийского собора православных старообрядцев, проходившего в Петербурге, были представители крупнейших центров единоверия на Севере России – священники Афанасий Мартынов, Владимир Боголюбов, Сергей Миловидов, а также миряне¹⁴.

Анализируя топографию единоверия на Европейском Севере России, нельзя не отметить, что появление общин шло волнообразно. В условиях влияния государственно-церковной политики по «искоренению раскола» для представителей торгового-промышленных групп единоверие становилось вынужденной мерой, дававшей возможность легализации правового статуса. Оказывая давление и откровенные репрессии по отношению к лидерам старообрядческих общин, власти склоняли верующих к принятию единоверия [11: 234–235]. Такие примеры можно проследить в истории единоверческих приходов Усть-Цильмы и Крестцов.

Специфичность единоверия в ландшафте Европейского Севера России проявилась еще и в том, что половина единоверческих храмов появ-

вилась уже после прекращения масштабных преследований старообрядцев, в эпоху императора Александра II. В центрах единоверия той эпохи (Екатеринбург, Москва, Казань) начался процесс активного поиска конфессиональной идентичности [9: 236–265]. Развитие единоверия на Севере было во многом результатом миссионерской деятельности синодальной церкви. Яркий пример таких инициатив – труды митрополита Исидора (Никольского) и архиепископа Аркадия (Федорова). Так, например, деятельность архиепископа Аркадия по использованию единоверия в деле «уврачевания раскола» была успешно апробирована еще в Пермском крае. Но воссоединять старообрядцев с Церковью через единоверие следовало, по его мнению, «с осторожностью, с благоразумием, любовью, заботливой наблюдательностью, выбросив из головы все полицейские меры»¹⁵. Убежденный, что «единоверческой церкви без прихожан строить не для чего»¹⁶, архиепископ Аркадий старался использовать даже самое малое «побуждение» жителей к принятию единоверия. При строительстве храмов владыка активно привлекал разные источники финансирования: средства Синода, помощь местных и инорегиональных благотворителей. Чаще всего «жертвователями» становились известные представители купечества – И. И. Касьянов, А. В. Красильников, И. А. Насонова, Е. В. Терентьев, М. П. Пименов. Так, например, приход Усть-Цилемской Никольской церкви получил значительную финансовую поддержку от чердынских купцов Алиных, чей торговый дом был «поставщиком Двора Его Императорского Величества».

Единоверческие приходы региона находились на территории обширного пространства с деревнями, разбросанными друг от друга на десятки верст. Природный ландшафт приходов (озера, болота, реки) создавал существенные препятствия для регулярного посещения священниками единоверческих общин. Национальный состав целого ряда территорий (Карелия, Коми) отличала полиэтничность, создающая, помимо прочего, языковой барьер для миссионерской проповеди. При этом круг обязанностей единоверческого причта в окружении старообрядческих сообществ был очень большим. Помимо длительного уставного богослужения древнерусским чином, это было пощение о школьном деле в приходе, миссионерские беседы, постоянные «разъезды» по делам треб. Давние традиции радикальных старообрядческих толков в регионе («федосеевцы», «скрытники», «нетовцы») накладывали отпечаток на специфику религиозности местного населения, при которой «помянуть умерших в храме на проскомидии, служить панихиду и литию не принято»¹⁷. Источники свидетельствуют, что при формировании причта единоверческих приходов власти старались учитывать мнение самих жителей. Поэтому представители первого

поколения священников в таких приходах на Европейском Севере были в большинстве своем выходцы из крестьян, «обратившиеся из раскола на правах единоверия» и знавшие старообрядческие традиции уставного богослужения. Так на Севере России появились целая плеяда единоверческих священников – Василий Бузин, Димитрий Кошев, Иоанн Малышев, Петр Марков, Иосиф Шамаков, Иоанн Чупров. Так, например, еще до принятия сана Иосиф Шамаков «управлял клиросом в Топозерском скиту, отлично знал богослужение, устав и пение по крюкам»¹⁸. Из крестьян был и священник Никита Маклюнов¹⁹, давший начало целой династии священнослужителей, трудившихся в единоверческих приходах Европейского Севера России. По мнению владыки Аркадия, отец Никита отличался всем необходимым для единоверческого священника.

Ему не нужно учиться у кого-либо ни читать, ни петь по крюкам, ни священнодействовать; он трудолюбив, терпелив, воздержан, чист, не двоязычен, не сквернослов, имеет таинство веры в чистой совести²⁰.

Выходцам из духовного сословия в единоверческих приходах приходилось не менее сложно, поскольку необходимо было постигать не только специфику древнерусского богослужения, но и особенности мировоззрения своей паствы. Всеобщее уважение снискали многолетние труды в единоверческих приходах Севера России таких священников, как Иоанн Богословский, Павел Ильинский, Николай Линдозерский, Сергей Миловидов, Александр Соболев, Петр Челмогорский, Георгий Фортунатов. Неслучайно подвижническую деятельность многих из них сравнивали со «свечой в темной комнате, которая горит и светит, вызывая уважение раскольников»²¹.

В распространении единоверия на территории региона не менее важная роль отводилась школьному делу.²² Первые опыты в реализации данной деятельности наталкивались на целый комплекс проблем: большие расстояния, которые приходилось преодолевать детям с риском для жизни в условиях ландшафта и климата Севера, нехватку теплой одежды, обуви и еды, отсутствие специального помещения для школы. У представителей старшего поколения местных жителей при этом отмечалось явное «несочувствие» к светскому характеру образования, вызывала нарекание «непригодность» учебников со «сказочками и песенками». Гораздо больше приветствовались факты чтения детьми старопечатных книг, а также помощь причту в пении на клиросе²³.

Обобщая первый опыт распространения единоверия на Европейском Севере России, священники отмечали трудности объективного и субъективного характера. При этом «упорство» старообрядцев

можно извинить, ведь тяжелее всего для человека расставаться с религиозными убеждениями, которые прививались в душе его с ранней молодости и окрепли в продолжение целых десятков лет²⁴.

Несмотря на отсутствие массового «сочувствия» единоверию среди старообрядцев Севера, миссионеры были убеждены в том, что «это единственный донныне и самый верный способ единения заблудших с Церковью»²⁵.

Рубеж XIX–XX веков был очень важным периодом в общероссийской и региональной истории единоверия [15]. Казанский собор епископов 1885 года провозгласил «тождество Единоверия с Православием»²⁶. Однако диалог, наметившийся между государством и единоверческими общинами во второй половине XIX века, не реализовался отменой клятв на старые обряды и обретением единоверческого епископата. Это «стеснение» вызвало разочарование многих верующих.

Юбилей 100-летнего существования единоверия в России стал поводом к осмыслению его «исторических судеб»²⁷. На этом фоне Указ императора 17 апреля 1905 года «Об укреплении основ веротерпимости» усилил надежду на дарование старообрядным приходам РПЦ желаемых прав, на «равночестное употреблению на практике того и другого обряда, смотря по желанию верующих»²⁸.

Религиозный ландшафт Европейского Севера России стал отражением этих процессов. На рубеже XIX–XX веков новые храмы и единоверческие общины появились в Новолодожском уезде (Бор), в Поморье (Подужемье), на северо-востоке страны (Подчерье, Покча). Особенно заметно это явление коснулось территории Новгородского края. Свидетельством динамичных процессов по расширению религиозного ландшафта в данном регионе стали сообщества православных старообрядцев в селах Виджа, Соловьево, Нароново²⁹. По данным официальной статистики, из всех представителей Европейского Севера России, принявших единоверие в 1900 году, жители Новгородского края составили 92,45 %³⁰. Поскольку большинство храмов этого времени создавалось уже «тщанием» самих прихожан, то возникает закономерный вопрос о причинах изменения такой мотивации выбора. На наш взгляд, значительную роль в этом имел проповеднический авторитет православного миссионера, иеромонаха Варсонофия (Лебедева). Отличное знание старопечатных книг, бережное уважение к уставному богослужению позволили ему вести убедительные дискуссии среди наставников и рядовых старообрядцев. Его организаторский талант и пастырский авторитет способствовали появлению единоверческих храмов, миссионерских курсов, участию в работе первых всероссийских старообрядческих съездов³¹. В 1918 году Варсонофий, тогда уже епископ Кирилловский, стал в числе

первых жертв богоборчества, приняв мученическую кончину³².

Многие миссионеры, трудившиеся среди старообрядцев, отмечали позитивную роль единоверия: «Прежде раскол был силен, в настоящее время мало заметен»³³. Но, посещая приходы, миссионеры замечали проявление признаков «оскудения веры в народе», «упадок живой религиозной жизни в различных слоях общества»³⁴. Однако при наступлении каких-либо чрезвычайных обстоятельств (природные катаклизмы, болезни и т. п.) люди снова обращались к Богу, являя примеры массового раскаяния. Так, например, летом 1903 года Домшинскую волость, славившуюся по России высокопородистым животноводством, постигла эпидемия «сибирской язвы» у скота. Экономическая стабильность большинства семей оказалась под угрозой. После гибели случайно заразившихся от животных односельчан у жителей началась настоящая паника. Вологодский епархиальный миссионер Аполлинарий Заплатин был свидетелем этих событий.

По случаю бедствия народ с быстротой потока устремился в храм, где священник домшинской единоверческой церкви Александр Соболев призвал усерднее помолиться Господу Богу об избавлении от праведного гнева, моровой язвы и безропотно переносить наказание Божие, посланное за наши грехи³⁵.

Примечательно, что общая трагедия стала не только фактором возрождения религиозности, но и мощным объединительным началом, нивелируя конфессиональные разногласия. Перед лицом всеобщей беды в крестных ходах и молебнах участвовали все группы верующих: православные, единоверцы, старообрядцы.

Анализируя опыт миссионерской деятельности в религиозном ландшафте Европейского Севера России, большинство священников искренно верили в необходимость подобной миссии.

Я учу темное зырянское население истинам христианского вероучения и нравоучения, – писал о. Степан Ключков, – я веду полемику со старообрядцами, оберегаю православное население от разных заблуждений, располагаю старообрядческое население к школе, веду беседы о повиновении власти и закону, о пьянстве народном, о медицине, агрономии, о сбережении лесов. О чем только не приходится говорить миссионеру в захолустных уголках нашего севера... Я верю в свое дело, верю, что не напрасно расходуя свои силы³⁶.

Самую существенную трансформацию религиозный ландшафт Европейского Севера России претерпел в 1920–1940-е годы. Этому предшествовало важнейшее событие, к которому стремились православные старообрядцы на протяжении многих лет. Летом 1918 года патриарх Тихон (Беллавин) совершил епископскую хиротонию архимандрита Симеона Шлеёва, а старообрядные приходы РПЦ получили свой епископат [3]. В сложившихся обстоятельствах попытка консолидации силами III Всероссийского съезда

единоверцев и «Деяние» Временного патриаршего Священного синода, признавшего равноспасительность старого обряда, уже не могли противостоять разрушению приходской жизни. К этому привел целый комплекс факторов: антирелигиозные акции против священнослужителей и мирян, неприятие компромиссов «обновленчества», массовые закрытия храмов, миграционные процессы, реализация индустриально-аграрных проектов советской власти, включение региона в зону боевых действий Великой Отечественной войны. Старообрядные приходы Севера России оказались в условиях, разрушающих экономическую стабильность общин, традиционные формы бытового уклада, прочность социальных связей и легальную возможность вероисповедания. Однако во внутренней структуре религиозного ландшафта Европейского Севера России это происходило постепенно, имело внутрорегиональные и темпоральные особенности. Большинство единоверческих церквей Ленинграда были закрыты и снесены к началу 1930-х годов. Сохранилось лишь здание Никольского храма на улице Марата, но оно подверглось полной десакрализации. 8 января 1937 года его двери были открыты в качестве Музея Арктики. К 1930 году был закрыт старообрядческий некрополь в Тихвине, а чуть позже разобрана ее сакральная доминанта – Пантелеимоновская церковь. В ландшафте сельской местности Европейского Севера единоверие оказалось более устойчивым. Свидетельством данного обстоятельства является то, что большинство сельских единоверческих церквей на Севере действовало дольше городских храмов. Основная часть из них была закрыта в 1930-е годы. При этом десакрализация объектов не привела к полному разрушению религиозных зданий, поскольку большинство их продолжало использоваться «в народно-хозяйственных целях» (клуб, склад и т. п.). В условиях оккупационного режима 1941–1943 годов действовала Никольская церковь села Кубасово в Ленинградской области. Репрессии против духовенства активизировали богослужебную практику «мирского чина». Закрытие храмов возродило в среде верующих значение домашних моленных. В условиях такого агрессивного воздействия внешней среды многие единоверцы переосмыслили ситуацию с точки зрения апокалиптических предзнаменований наступления «последних времен». Следствием такой парадигмы стало возвращение к традиционным практикам «таиться и бегать», спасая веру.

Деформация историко-культурного ландшафта Европейского Севера России в послевоенный период оказала не менее разрушительное воздействие на сакральные объекты единоверия. На дне Подужемского водохранилища осталась Преображенская церковь. В 1970–1980-х годах сгорели храмы в Ежемозере на Вологодчине и Болотском в Новгородской области. В полуразру-

шенном состоянии до наших дней дошли первые единоверческие церкви Каргополья в деревнях Трофимовская и Семеновская. Лидеры единоверия не отвергали возможности таких событий, но опасались не столько политических перемен, сколько всеобщей «лености и равнодушия, когда будет развеяно по ветру то, чем жило старообрядчество»³⁷. Но признать исчезновение единоверия из религиозного ландшафта Европейского Севера современной России было бы ошибочным. В границах Республики Коми восстановлена и действует Никольская церковь Усть-Цильмы. Возрождены храмы в Крестцах Новгородской области и в Пресленихе Архангельской области. Продолжается воссоздание церкви села Немятово на территории Ленинградской области. Во всей полноте церковной жизни развиваются старообрядные приходы РПЦ на территории Петербурга и области в селе Павлово-на-Неве.

Таким образом, православные старообрядцы (единоверцы) были и есть – составная часть религиозного ландшафта Европейского Севера России. Развитие этих сообществ протекало в рамках социально-экономических и общественно-политических тенденций общероссийского уровня, но имело ряд специфических проявлений регионального характера. Как явление демографическое, единоверие на Севере не было массовым. Оно имело последователей в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой и Петербургской губерниях. Места компактного проживания православных старообрядцев были соотносимы с региональными локусами староверия, а также экономически развитыми центрами того времени. Сравнение демографических и профессиональных данных религиозного ландшафта позволяет сделать вывод о полиэтническом составе единоверия на территории Севера России. Это были представители карел (Повенецко-Кемский ареал), коми (Усть-Цилемский локус) и русских. В течение первой половины XIX века единоверческие общины Европейского Севера были единичны и фиксировались преимущественно в городах. Большая часть этих сообществ возникла как следствие адаптации к «стеснительным мерам» властей по отношению к старообрядческому социуму. Объектную идентификацию единоверческих групп региона можно составить на основе культовых построек с учетом динамики их появления в религиозном ландшафте Севера России. Половина единоверческих церквей региона была построена в эпоху либеральных реформ императора Александра II. В большинстве своем появление храмов стало реализацией единоверия как миссионерского проекта РПЦ по «уврачеванию раскола». Храмостроительство осуществлялось на средства Синода и внешних благотворителей. Первое поколение священнослужителей данных церквей представляла категория местных жителей, выходцев из крестьянского сословия,

знатоков древнерусских традиций богослужения и духовного наставничества. Вторым этапом распространения единоверия на Европейском Севере России стал рубеж XIX–XX веков. Это проявилось в хромосозидательной деятельности самих общин как проявление ситуации личностного конфессионального выбора верующих. В исторической ретроспективе существования единоверия на Севере России удалось выявить 38 храмов. Большинство относилось к категории сельских, однопредельных, деревянных, имевших колокольню и приходскую школу. Усилиями прихожан единоверческих церквей были сохранены объекты сакрального наследия старообрядческих скитов и молелен. Сдерживающим фактором к масштабному распространению единоверия на

Европейском Севере России стали не только внешние события XX века, но и специфика самих старообрядческих групп, в которых преобладали не приемлющие священства согласия.

Дальнейшее изучение истории единоверия в религиозном ландшафте Европейского Севера России может осуществляться в нескольких направлениях. В контексте активизации историко-культурного и религиозного туризма региона практическую значимость имеет создание подробных карт, выполненных с помощью ГИС-технологий. Экспедиционная деятельность к сохранившимся объектам сакральной истории будет способствовать их комплексному исследованию и активизировать общественно-научные усилия по спасению религиозного ландшафта Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые международные Шёгреновские чтения: Сб. ст. СПб.: Европейский Дом, 2016. 422 с.
- ² Далее РПЦ.
- ³ «Архангельские епархиальные известия» (далее АЕИ), «Архангельские епархиальные ведомости» (далее АЕВ), «Вологодские епархиальные ведомости» (далее ВЕВ), «Новгородские епархиальные ведомости» (далее НЕВ), «Олонецкие епархиальные ведомости» (далее ОЕВ).
- ⁴ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО), Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК), Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО), Национальный архив Республики Коми (далее ГУРК НАРК), Государственный архив Новгородской области (далее ГАНО).
- ⁵ Евразийский межнациональный проект «Караван Дружбы».
- ⁶ Луцковская Е. Ф. Дорога в Амбургский скит как средство коммуникации и объект эстетического восприятия // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. СПб.: ГУМРФ им. С. О. Макарова, 2015. С. 176–186.
- ⁷ Сводные данные источников: ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 591; Д. 868. Л. 29; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 9461. Л. 22–25, 496, 986; ГАНО. Ф. 480. О. 1. Д. 4013. 423 л.; ГУРК НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 335. 34 л.; Д. 353. Л. 808–829; НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 8/49. 223 л.; Д. 9/14. 290 л.; Д. 12/19. 228 л.; НАРК. Ф. 591. Оп. 1. Д. 1/9. 32 л.; ВЕВ. 1885. № 4. С. 43–44; АЕИ. 1887. № 3. С. 17; № 7. С. 18; АЕВ. 1893. № 19. С. 428; 1894. № 7. С. 144; № 24. С. 397; ВЕВ. 1885. № 4. С. 43–44; 1915. № 5. С. 127–129; 1914. № 8. С. 1921–95; ОЕВ. 1903. № 23. С. 809–813; 1904. № 1. С. 9–14; № 2. С. 48–52; № 3. С. 74–77; 1910. № 12. С. 239–244; № 13. С. 266–270; НЕВ. 1876. № 16. С. 199–317; № 17. С. 329–343; Земля Невская православная: православные храмы пригородов, районов С.-Петербургской и Ленинградской области. СПб.: Лики России, 2006. 312 с.; Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. СПб., 1884. С. 466–467; Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2. Архангельск, 1895. С. 211–395; Вып. 3. 1896. С. 112–118; Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1868. СПб., 1868. С. 183–187; Памятная книжка по С.-Петербургской епархии на 1899 год. СПб., 1899. С. 201–469; Церковно-исторический атлас Вологодской области / Авт.-сост. Н. М. Макдонская. Вологда: Древности Севера, 2007. Т. 1. 256 с.
- ⁸ НАРК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 63/22. Л. 75–120.
- ⁹ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 9/14. Л. 242–246.
- ¹⁰ Атлас проектов и чертежей сельских построек, изданный от департамента сельского хозяйства М.Г.И. СПб., 1853. 36 с.
- ¹¹ Храмы России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://temples.ru/card.php?ID=18417> (дата обращения 11.12.2017).
- ¹² ВЕВ. 1914. № 10. С. 192.
- ¹³ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 13/33. Л. 2–33; Оп. 14, Д. 44а/26. Л. 2об.
- ¹⁴ Труды Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев) / Сост. иерей Е. Саранча, Н. Кузин. [Переизд.]. Москва: [б. и.], 2012. 565 с.
- ¹⁵ Субботин Н. И. Аркадий, архиепископ Пермский и Петрозаводский и некоторые его сочинения против раскола. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1890. С. 242, 275.
- ¹⁶ Там же. С. 272.
- ¹⁷ ОЕВ. 1910. № 13. С. 266–268.
- ¹⁸ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 8/49. Д. 35–37.
- ¹⁹ Там же. Л. 206.
- ²⁰ Субботин Н. И. Аркадий, архиепископ Пермский и Петрозаводский... С. 145.
- ²¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 15/10. Л. 2.
- ²² О преподавании Закона Божия в единоверческой школе // Православный собеседник. 1870. Т. 1. С. 263–266.
- ²³ НАРК. Ф. 25. Оп. 9. Д. 1/12. Л. 4.
- ²⁴ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 8/49. Л. 55об.
- ²⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 20/4. Л. 28об.
- ²⁶ Шлеёв С., свящ. Единоверие и его столетнее организованное существование в Русской Церкви. СПб.: Типолитография В. В. Комарова, 1901. С. 71.
- ²⁷ Жмакин В. И. Начало единоверия // Христианское чтение. 1900. № 12. С. 978–1004; Лебедев Е. Е. Очерк по истории и статистике единоверия с обзором существующих о нем мнений и приложениями. М., 1904; Легатов И., свящ. О современных нуждах единоверия и о мерах для сближения старообрядцев с Православною Церковью. Архангельск, 1905;

- Митрофан (Абрамов), инок. Единоверие и его значение. Почаев, 1906; Пичугин Л. Ф. О единоверии в русской церкви. (Уния единоверия): Полемика. очерк. М.: Археодоксия, 2009; Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века: Очерки из новейшей истории. М., 1904; Чельцов М., свящ. Единоверие за время столетнего существования его в Русской Церкви, 27 окт. 1800 – 27 окт. 1900 г.: (Очерки из истории единоверия). СПб., 1900.
- ²⁸ Шлеев С., свящ. Единоверие... С. 71.
- ²⁹ ГАНУ. Ф. 480. О. 1. Д. 4013. Л. 30.
- ³⁰ Ведомость о числе лиц, присоединившихся к православию в 1900 г. СПб.: Синодальная типография, 1903. С. 50–51.
- ³¹ Первый Всероссийский единоверческий съезд. СПб., 1912. 96 с.
- ³² Игум. Дамаскин (Орловский), Е. Р. Стрельникова. Варсонофий (Лебедев Василий Павлович) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. VI. С. 673–675.
- ³³ ВЕВ. 1916. № 20. С. 393.
- ³⁴ ВЕВ. 1914. № 10. С. 240.
- ³⁵ ВЕВ. 1903. № 15. С. 445–447.
- ³⁶ ОЕВ. 1914. № 8–9. С. 216.
- ³⁷ Голос церкви. 1918. № 2. С. 62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазцова Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. 2008. № 4. С. 76–82.
2. Гуров М. Б. «Священное место» в сакральной географии: определение границ термина // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4–3 (28). С. 95–110.
3. Дроботушко Е. В., Ланцова Ю. Н. Вопросы о единоверии на Поместном соборе православной российской церкви 1917–1918 гг. и Сибирское единоверие // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 29–35.
4. Дронова Т. И. Борьба православной церкви по искоренению староверия в Усть-Цилемской волости в период правления Николая I (1825–1855) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 9 (174). С. 14–20.
5. Калущков В. Н. Культурно-ландшафтное районирование Русского Севера: постановка проблемы // Рябининские чтения – 2007. Петрозаводск, 2007. С. 54–57.
6. Кауркин Р. В., Павлова О. А. Единоверие в России (от зарождения идеи до начала XX в.). СПб.: Алетей, 2011. 199 с.
7. Костромин К. Есть ли у единоверия свой исторический путь // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 184–186.
8. Кравецкий А. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2012. 708 с.
9. Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 338 с.
10. Первушин М. В. Единоверие до и после митрополита Платона (XVII–XX вв.) // Угreshский сборник. Труды преподавателей Николо-Угreshской православной духовной семинарии. 2012. № 2. С. 120–142.
11. Пивоварова Н. В. Старообрядческие моленные и скиты Новгородской губернии в середине XIX в. По материалам РГИА // Новгородский исторический сборник. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. Т. 12 (22). С. 233–247.
12. Плассина Н. Е. Великопожский скит в период правления Николая I // Известия Коми научного центра УрОРАН. Сыктывкар, 2016. № 2 (26). С. 75–83.
13. Савицкая О. Н., Назарова М. П. Теоретико-методологические проблемы изучения религиозного ландшафта // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 158–162.
14. Саранча Е., св., Миролюбов И., св., Зиминова Н. П. Краткий очерк истории Единоверия. М.: Линия График, 2009. 125 с.
15. Секирин А. А. Миссионерские съезды и миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в борьбе с расколом старообрядчества и сектантством во второй половине XIX века // Христианское чтение. 2017. № 3. С. 278–298.
16. Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. 296 с.
17. Хрушкая Л. Н. Из истории единоверческого прихода в с. Усть-Цильма (сер. XIX – нач. XX в.) // Вторые Мяндинские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции: В 2 т. / Отв. ред. Т. Ф. Волкова. Т. 1. Сыктывкар, 2010. С. 218–229.
18. Marsden T. The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers, 1841–1855. Oxford, 2015. 304 p.
19. Paert I. Old Believers, religious dissent and gender in Russia, 1760–1850. Manchester, 2003. 257 p.
20. White J. Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918 // Russian History. 2016. № 43. P. 181–208.

Ruzhinskaya I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

EDINOVERIE IN THE RELIGIOUS LANDSCAPE OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

The purpose of this article is to study the history of Edinoverie parishes of the European North of Russia. This example has helped to reveal regional specifics of this belief for the first time. Our study approaches Edinoverie as a religious-historical phenomenon. The evolution of Edinoverie was traced to the time when religious groups practicing this belief experienced high pressure conditioned by the policy of the church and the state of that time. The pressure was also determined by developing internal trends. The specificity of the chosen sources is explained by the methodological approach employed in the study of the texts on the researched problem. The documents of Olonets Ecclesiastical Consistory on Edinoverie parishes are introduced into the scientific circulation for the first time. The published and unpublished array of documents enables the author to reconstruct the religious landscape of

the Russian European North, taking into account the historical experience of Edinoverie parishes. The object identification of the studied religious groups was conducted on the basis of 38 religious structures of Northern Russia. The author has identified two dominant periods of the church buildings' construction by Edinoverie parishioners of the region. One of these periods is the era of liberal reforms introduced by the Emperor Alexander II. It was the time when the Synod of the Church was in the process of implementing an anti-Old Believers project. The second period included a time period between the XIX–XX century. It was the time of manifestation of believers' initiative. Most of the common faith churches in the region belonged to the category of rural, single-pedestal, wooden, bell tower structures with a parish school. The author studied personalities of local parish leaders and revealed that the first generation of Edinoverie clergy came from the community of local peasants. They were well versed in ancient traditions of worship and experienced in spiritual counseling. The objects of sacred heritage of the Old Believers' monasteries and chapels of the European North of Russia were preserved by the parishioners of Edinoverie churches. The author comes to a conclusion that the historical (external) events of the 20th century and the specifics of the Old Believers groups had been deterrent to the large-scale propagation of Edinoverie in the region. Further studies of the history of the Old Believers' parishes of the Orthodox Church are seen as particularly relevant given the revival of Edinoverie, the intensification of religious tourism, and pilgrimage practices in modern Russia.

Key words: the Edinoverie, the Edinoverie' parish, Old Believers, the European North of Russia

REFERENCES

1. Glavatskaya E. M. The religious landscape of the Urals: the phenomenon, the problems of reconstruction, research methods. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2008. No 4. P. 76–82. (In Russ.)
2. Gurov M. B. "Sacred place" in sacred geography: defining the boundaries of the term. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2016. No 4–3 (28). P. 95–110. (In Russ.)
3. Drobotushenko E. V., Lantsova Yu. N. Questions about Edinoverie, the local Council of the Russian Orthodox Church 1917–1918 and Siberian Edinoverie. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2017. No 3. P. 29–35. (In Russ.)
4. Dronova T. I. The struggle of the Orthodox Church for the elimination of old believers in Ust-Tsilma parish in the reign of Nicholas I (1825–1855). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016. No 9 (174). P. 14–20. (In Russ.)
5. Kalutskov V. N. Cultural and landscape zoning of The Russian North: problem statement. *Ryabininskie chteniya – 2007*. Petrozavodsk, 2007. P. 54–57. (In Russ.)
6. Kaurkin R. V., Pavlova O. A. Edinoverie in Russia (starting from the idea conception to the beginning of XX century). St. Petersburg, Aletyya Publ., 2011. 199 p. (In Russ.)
7. Kostromin K. Is a common belief a historical path? *Khristianskoe chtenie*. 2012. No 3. P. 184–186. (In Russ.)
8. Kravetskiy A. The Church's mission in an era of change (between preaching and dialogue). Moscow, 2012. 708 p. (In Russ.)
9. Palkin A. S. Edinoverie in the middle of XVIII – early XX century: national context and regional specifics. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2016. 338 p. (In Russ.)
10. Pervushin M. V. Edinoverie before and after Metropolitan Platon (XVII – XX centuries). *Ugreshskiy sbornik. Trudy prepodavateley Nikolo-Ugreshskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*. 2012. No 2. P. 120–142. (In Russ.)
11. Pivovarov N. V. Old believers melannie and monasteries of Novgorod Province in the mid-nineteenth century On the materials of the RGIA. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. 2011. No 12 (22). P. 233–247. (In Russ.)
12. Plaksina N. E. Velikopolsky skit during the reign of Nicholas I. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrORAN*. 2016. No 2 (26). P. 75–83. (In Russ.)
13. Savitskaya O. N., Nazarova M. P. Theoretical and methodological problems of studying religious landscape. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. No 4. P. 158–162. (In Russ.)
14. Sarancha E., Mirolyubov I., Zimina N. P. A short history of Edinoverie. Moscow, Liniya Grafik Publ., 2009. 125 p. (In Russ.)
15. Sekirin A. A. Missionary meetings and missionary activities of the Russian Orthodox Church in the fight against the schism of old believers and sectarianism in the second half of the XIX century. *Khristianskoe chtenie*. 2017. No 3. P. 278–298. (In Russ.)
16. Siberia and the Russian North: problems of migrations and cultural interactions (XVII – beginning of XXI century). Novosibirsk, Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2014. 296 p. (In Russ.)
17. Khrushskaya L. N. From the history of the old rite parish in the village of Ust-tzilma (ser. XIX – beg. XX.). *Vtorye Myandinskije chteniya: Materialy respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: V 2 t. Vol. 1*. Syktyvkar, 2010. P. 218–229. (In Russ.)
18. Marsden T. The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers, 1841–1855. Oxford, 2015. 304 p.
19. Paert I. Old Believers, religious dissent and gender in Russia, 1760–1850. Manchester, 2003. 257 p.
20. White J. Orthodox Old Belief: Edinoverie as a Movement for Religious Rejuvenation in the Russian Church, 1905–1918. *Russian History*. 2016. No 43. P. 181–208.

Поступила в редакцию 27.12.2017

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ САВИЦКИЙ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
sawiz@onego.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКИМИ ИСТОРИКАМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «КРЫМСКОЙ ВЕСНЕ» 2014 ГОДА В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ДЛЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Данная статья является первым специальным исследованием по освещению сюжетов «крымской весны» 2014 года как практической проблемы школьной педагогики. В ней анализируется учебная литература и дискуссии педагогов и историков-исследователей о путях представления событий 2014 года в школьном курсе истории, показывается фактологическое и методическое обеспечение данного сюжета. Автор приходит к выводу, что среди историков, создающих учебные пособия для школ и освещающих события «крымской весны», лидирующее место принадлежит специалистам по истории XVII–XVIII веков, а среди педагогов – воспитателям патриотизма и религиозных традиций в духе традиционного консерватизма. Наиболее проблемными аспектами является разработка терминологического и дидактического материала, а также вопроса о причинных связях «крымской весны», обычно относимых к киевским событиям и антиконституционному перевороту. При этом авторы склонны недооценивать роль местных общественных организаций в борьбе за самоопределение Крыма, что производит впечатление борьбы внешних сил за обладание полуостровом.

Ключевые слова: Крым, преподавание истории, воспитание патриотизма, гражданское общество, учебные пособия, краеведение

Изучение истории современной России невозможно без анализа «крымской весны» 2014 года. Дело не только в том, что она встряхнула российское общество и дала толчок развитию патриотизма; без выявления причинно-следственных связей этого события невозможно объяснить ряд тем не только в высших, но даже в общеобразовательных учреждениях. Так, образуются лакуны в разделе о развитии СССР – Российской Федерации в начале 1990-х годов, экономическом и внешнеполитическом развитии современной России в школьном курсе «История», а также сюжеты международного права в курсе «Обществознание». На своем примере автор данной статьи знает, как аккуратно приходилось объяснять выпускникам школ причины особых правил приема в вузы для уроженцев Крыма в условиях борьбы за бюджетные места. Все это делает изучение крымских событий в системе общего образования весьма актуальным.

Объектом изучения являются не события в Крыму 2014 года, а формирование представления о них в российском обществе на примере работы со школьниками. Включение сюжетов о «крымской весне» в учебные пособия несет не только познавательный интерес; происходит формирование мировоззрения молодежной аудитории, воспитание ее положительного отношения к действиям со стороны государства и различных общественных структур; закладывается алго-

ритм дальнейшего самостоятельного поведения нового поколения граждан.

Забота о содержании учебников истории проявилась у российских авторов сразу после принятия Крыма в состав России. Наиболее обстоятельной стала статья Т. В. Кудрявцевой (Санкт-Петербург), проанализировавшей освещение «крымских» тем с X века в советских и российских школьных учебниках [11]. Претендуя лишь на «сопоставительный анализ» их содержания, автор сделала акцент на издания, включенные в Федеральный перечень 2015 года и отражающие официальные точки зрения на прошедшие события. Т. В. Кудрявцева не стремилась показать всю палитру мнений современных российских историков о принятии Крыма в состав России, но справедливо указала на недооценку составителями правовых доводов в пользу России. Поэтому цель предлагаемой статьи – проанализировать содержание более широкого спектра педагогических публикаций 2014–2017 годов, выделяя особенности освещения авторами фактического материала, причинно-следственных связей и роли отдельных лиц в событиях «крымской весны». От какого базиса можно исходить? Необходимо учитывать, что история Крыма давно стала объектом отдельного изучения в различных учебных пособиях. Ее наиболее полное освещение за последние годы сделано в двухтомном учебнике известного крымского краеведа, директора од-

ной из симферопольских школ В. П. Дюличева, выпущенном в 2005 году на русском языке [5], [6]. Это полноценное учебное пособие, содержащее не только строго структурированный текст и визуальный ряд, но и контрольно-измерительные материалы (вопросы с заданиями), терминологические словари по отдельным параграфам, хронологические и другие таблицы, фрагменты исторических документов и многочисленные карты-схемы для самостоятельной работы учащихся. Современный период автор довел до 1998 года. При этом дидактический материал второй части гораздо сложнее первой, что обусловлено взрослением пользовательской аудитории.

Учебник В. П. Дюличева стал ярким примером пророссийского сознания в тогда еще украинском Крыму. Автор практически игнорирует влияние Украины на Крым в период с 1954 года, ориентируясь на общесоюзный исторический фон и политику Москвы. Зато период с 1991 года потребовал от историка большой аккуратности не только потому, что современные ему события тогда еще не стали в полном смысле историей, но и из-за политической борьбы между крымским и украинским руководством, которую автор стремился представить подрастающему читателю как можно более толерантно. В частности, при освещении деятельности единственного в истории крымского президента Ю. Мешкова автор отмечает его неумелое руководство политическим процессом в Крыму и чрезмерную надежду на помощь со стороны России, которая так и не последовала [6: 269]. Одновременно в учебнике показаны попытки киевской власти найти компромисс с крымским руководством на фоне политического кризиса 1990-х годов. Хорошей иллюстрацией к этому стала Конституция Крыма 1998 года, зафиксировавшая особый статус автономной республики в составе унитарной (!) Украины [6: 271]. Подобный взвешенный подход выводит значение работы В. П. Дюличева далеко за рамки традиционного краеведения. Свой вклад внесли и другие крымские авторы, возмущенные ревизией исторического прошлого украинскими историками [13].

Высокий профессионализм крымских учителей-историков был отмечен российскими авторами. При этом раздались призывы о повышении политической ответственности историков-краеведов перед обществом. Так, по мнению московского историка А. Ю. Морозова, «урок Крыма в том, что местная учебно-краеведческая деятельность может сработать и против государства. Следовательно, за ней необходим более строгий контроль, а у нас здесь беспорядок» [14: 10]. Каким образом уважаемый автор представлял себе «строгий контроль», можно лишь догадываться – в год написания цитируемой статьи он публиковал свои работы о периоде сталинизма 1940-х годов. Мысль А. Ю. Морозова о потенциальном

антигосударственном характере краеведческой литературы, несомненно, интересна, но при этом нужно уточнить, что в данном конкретном случае само государство (то есть Украина) вело политику вразрез с интересами региона.

Весенние события 2014 года поставили перед российскими историками новые задачи, сделав крымскую тему едва ли не самой популярной наряду с сочинской олимпиадой и очередным юбилеем Победы. «Пробуждение» общества, резкий взлет рейтинга президента, зарубежная критика российской политики определили магистральное назначение изучения «крымской весны» – развитие патриотизма среди молодежи.

Одним из первых исследований в этом направлении стала публикация И. С. Даровских (г. Киров). Автор проанализировала понятие «патриотизм», сделав акцент на его понимании как готовности поступиться личными интересами во благо Отечества, а также на индивидуальности переживания этого чувства, лежащего в основе человеческого отношения к окружающему миру. Особое значение в воспитании патриотизма при этом отводится изучению исторического прошлого своей страны [3: 1800]. Близким по смыслу является и акцентирование роли Крыма в религиозной истории православной России [7], [15]. Опубликованы сценарии уроков, посвященных истории Крыма, с целью воспитания патриотизма среди школьников, в том числе причудливо иллюстрирующие выход Крыма из состава Украины из-за просьбы президента Януковича о защите его жизни и безопасности [12]. При такой подаче информации даже религиозная трактовка «крымской весны» 2014 года в качестве чуда не выглядит менее реалистичной [7].

Однако необходимо понимать, что сознание современной молодежи все же отличается от поколений XX века. Падение «железного занавеса» разнообразило систему ценностей, и далеко не все готовы жертвовать своими вполне конкретными интересами ради аморфного «общего блага». В частности, настораживает трактовка понятия «патриотизм» как способности восстановить страну в качестве мировой державы (все империи рано или поздно разрушаются). Современное поколение очень прагматично, и понимание патриотизма необходимо переводить в более предметное русло. Помимо традиционного описания воинских подвигов прошлых веков крымская тематика может предложить гораздо более широкий круг вопросов для воспитания патриотизма: положение и права русскоязычного населения в зарубежных странах, толерантное отношение к другим культурам, охрана и использование богатейшего историко-культурного наследия и экологических ресурсов полуострова. А дальнейшая модернизация мест молодежного отдыха (не только «Артека») может превратить

Крым в мощную «машину» для развития патриотических настроений среди молодежи.

Ярким примером вполне материального понимания патриотизма является публикация московского историка Л. С. Усовой, написанная еще до осенних событий 2013 года в Киеве. Анализируя пророссийские настроения в Севастополе, автор указывает на ежегодные поступления в бюджет города из России почти 20 млн долларов и экономические связи части местной элиты с Россией на фоне систематического ослабления заинтересованности нашей страны в расширении своего влияния на Украине к лету 2013 года [22: 126, 133]. Работа Усовой является примером немногочисленных отечественных исследований, указывающих (пусть иногда и намеками) на противоречивую роль нашей страны в судьбе Украины, что несколько не снижает степень их здоровой патриотической направленности. Хочется верить, что новому поколению российских историков будет и дальше присуща смелость называть вещи своими именами.

На сегодняшний момент воспитание патриотизма осложняется экономическим кризисом и частичной международной изоляцией, которые легко увязываются с последствиями принятия Крыма в состав Российской Федерации. Если к этому добавить другие внутренние проблемы и отсутствие какого-либо анонсируемого «светлого будущего», то почва для патриотизма будет видаться весьма зыбкой. Отсюда и поиск других, нематериальных стимулов к воспитанию патриотизма. Так, по мнению М. В. Сафоновой (г. Барнаул), при воспитании патриотизма на основе воссоединения Крыма с Россией «важен эмоциональный фактор, поскольку эмоции оказывают мотивирующее влияние на результативность деятельности» [21: 216]. Однако воспитателям подобного патриотизма необходимо иметь в виду, что, провозглашая его основанным на общечеловеческих ценностях, они автоматически подразумевают необходимость учета оппозиционных точек зрения. А для успешного противостояния «чужому» патриотизму все же необходимо наличие четкой рациональной концепции. Это особенно актуально в том случае, если «ученик является не только объектом педагогического воздействия, но и субъектом поиска ответов на сложные вопросы истории и современности» [21: 215]. Необходимость «научить учеников вести дискуссию, искать аргументы, анализировать разные точки зрения» была отмечена и Т. В. Кудрявцевой [11: 25].

Другим направлением развития педагогической мысли является изучение конкретных исторических сюжетов, приведших к «крымской весне». Авторами справедливо отмечается, что «крымская тематика способна сфокусировать в восприятии ребенка пространство и время становления и развития нашей страны, демонстри-

руя активную включенность России в мировую историю и культуру от глубокой древности до современности» [16: 9]. При этом в условиях ожесточенной информационной войны важно создать своеобразную модель событий 2014 года, отвечающую национальным интересам и удобно включающуюся в современную систему образования.

С этой целью сюжет о присоединении Крыма к России нашел отражение на последних страницах учебника В. А. Шестакова для учащихся 11-х классов (углубленный уровень), оперативно изданный в 2014 году и рекомендованный Министерством образования и науки Российской Федерации как соответствующий ФГОС. Занимая в целом страницу текста, описание присоединения Крыма стало концентратом государственной точки зрения на произошедшие события. Из него школьники узнают, что передача Хрущевым в 1954 году Крымского полуострова Украинской ССР произошла «из конъюнктурных соображений» с нарушением «ряда советских законов». Причинами референдума о статусе Крыма и последующего вхождения полуострова в состав России указаны захват власти в Киеве оппозицией (в том числе «националистами и фашиствующими молодчиками») и отмена ею ряда законов (в том числе гарантирующих права русскоязычного населения). В итоге «историческая ошибка была исправлена, жители Крыма вернулись в родное государство» [23: 394–395].

Однако при внимательном чтении текста можно выявить нестыковки автора с официальной точкой зрения. Во-первых, сами описываемые события он называет присоединением (а не принятием) Крыма к России, что имеет разный смысл [18], [19]. Во-вторых, в отношении Н. С. Хрущева отсутствует какая-либо ирония, присутствовавшая в президентском Послании: словно предчувствуя, что незаконность актов 1954 года будет оспариваться даже российскими исследователями, В. А. Шестаков обтекаемо ссылается на нарушение «ряда советских законов». Наконец, ему удалось указать на «всеобщее недовольство коррупцией» прежней киевской власти, которое в конечном итоге и спровоцировало раскол страны; «фашиствующие молодчики» лишь воспользовались этим недовольством. Опытный мастер составления текста, В. А. Шестаков косвенно показал противоречия в оценках событий 2014 года, и лишь отсутствие каких-либо заданий к этой части параграфа порождает сомнение в соответствии данного издания смыслу ФГОС.

Стремление вовлечь молодежь в победную эйфорию «крымской весны» быстро набирало темп. Уже в начале апреля 2014 года была подписана в печать брошюра специалиста по истории России XVII – начала XVIII века К. А. Кочегарова. Автор анализирует крымско-российские исторические связи с X века, демонстрируя хорошее знание

фактического материала по истории 1991–2014 годов и озаглавив соответствующий раздел «На пути к воссоединению». Со стороны профессионального историка подобная формулировка выглядела странно, так как спроецировала современную политическую ситуацию в пусть недалекое, но все же прошлое. Хронику процесса воссоединения автор дает с севастопольского митинга 23 февраля до выхода Послания Президента РФ Федеральному Собранию 18 марта 2014 года, справедливо назвав прошедшие события «важнейшим рубежом нашей истории» [10: 44].

Однако быстрота создания брошюры сильно сказалась на ее качестве. Самой досадной особенностью работы стала демонстративно узкая источниковая база: автор использует исключительно цитаты из Послания Президента Российской Федерации, причем в очень больших объемах. Немудрено, что «за кадром» остался федеральный закон о принятии Крыма в состав Российской Федерации от 21 марта 2014 года, а также целый ряд сюжетов 1991–2014 годов. Более заметно влияние Послания на подбор упоминаемых персоналий: автор проводит практически прямые параллели между личностями двух Владимиров – из X и XXI веков. Это право автора, хотя невольно возникает вопрос о роли третьего Владимира (Ленина) в сохранении Крыма под советской властью. Применительно же к событиям последних десятилетий в пособии игнорируется роль местных лидеров (например, президента Ю. Мешкова), зато акцентируются патриотизм россиян (в лице адмирала И. Касатонova) и антироссийская направленность украинской политики.

Быстрота издания помешала даже сопоставить Послание с реальным ходом событий: так, автор пишет о наличии человеческих жертв в ходе событий февраля – марта 2014 года [10: 40], хотя текст Послания говорит о бескровном характере воссоединения. Кроме того, автор допускает терминологические неточности: так, под термином «Третья оборона Севастополя» он подразумевает весь период 1991–2014 годов [10: 39], хотя сами крымчане относят его лишь к февральско-мартовским событиям 2014 года. Не успел автор подготовить и дидактический материал, включив в издание лишь вопросы и задания для обсуждения. К сожалению, рассчитанное на работников образования, пособие не содержит графических карт Крыма, глоссария, списка рекомендуемой литературы – всего того, что реально помогло бы учителям совершенствовать свое мастерство. Однако при всех указанных недостатках К. А. Кочегаров стал первым профессиональным историком, интегрировавшим материал о «крымской весне» в учебную практику российского образования.

Наиболее активную просветительскую (в том числе телевизионную) деятельность продолжил

известный российский историк, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН Г. А. Санин – специалист по международным отношениям XVII–XVIII веков. К сожалению, его учебное пособие для учителей на момент написания данной статьи доступно только в электронном виде (в том числе на сайте издательства), лишено какого-либо дидактического материала и призвано служить лишь текстом для заучивания.

С самого начала назвав Меотиду Каспийским морем, а Херсонес – Херсоном [20: 7–8], автор в дальнейшем дает насыщенную фактами, аккуратно выверенную хронику развития полуострова и российско-крымско-украинских отношений. События «крымской весны» он прослеживает от начала киевских беспорядков в ноябре 2013-го до вступления в силу закона о принятии Крыма в состав России 21 марта 2014 года. К сожалению, сконцентрировавшись на действиях В. Януковича, автор полностью игнорирует февральские события в Крыму до ночи с 26 на 27 число. Это выводит из поля зрения читателя роль местных общественных организаций и усиливает роль российских военных, прибытие дополнительных сил которых в Крым автор отрицает. Позиция не очень последовательная, учитывая, что факт ввода дополнительных сил (не превышавших предыдущих договоренностей с Украиной) не отрицался даже президентом. Далее автор отмечает, что первоначально вопрос о воссоединении с Россией не являлся актуальным, но был поднят из-за давления киевских властей в начале марта [20: 73]. При таком подходе российская сторона не выглядела агрессором, полностью придерживаясь концепции о защите прав русскоязычного населения на территории иностранного государства, пока итоги референдума не подтолкнули Крым к принятию в состав России.

Создание новой модели крымской истории шло быстрыми темпами. В сентябре 2014 года под эгидой Российского военно-исторического общества вышел сборник «История Крыма», проследивший развитие полуострова от эллинизма до современности и сделавший явный акцент на эволюции христианской (в том числе католической) цивилизации [8]. На этом фоне вторжение исламской культуры (которой, однако, посвящены несколько десятков страниц) воспринимается как досадное недоразумение.

Раздел о современных событиях написан московским историком А. Н. Романовым. Предварительно охарактеризовав роль Крыма в составе независимой Украины как «головную боль Киева», автор предложил свою трактовку текста для будущих учебников. По его мнению, процесс воссоединения Крыма с Россией можно ограничить событиями 11 марта – 1 июня 2014 года, включив сюда принятие новой Конституции Крыма и прекращение использования украинской гривны [17: 454–455]. С целесообразностью последнего

нет смысла спорить, однако автор совершенно обходит вниманием февральские события на полуострове. После критики киевского Майдана он переходит к описанию действий государственной власти Крыма, игнорируя роль гражданского общества в происходивших событиях и не указывая ни одной фамилии крымских политических или общественных деятелей.

Недостаточное внимание историков-исследователей к изучению причинно-следственных связей заставляет учителей истории самим конструировать логическую цепочку, убеждая учащихся в правоте российской стороны. Например, учитель истории и обществознания одной из школ Старого Оскола высказал точку зрения о том, что «Украина в период 1954–2014 гг. осуществляла лишь административное управление» Крымом. По его мнению, так как юридически значимые документы, включившие Крым в состав Украины, якобы отсутствуют, то и суверенитет России над Крымом сохранялся [9: 20]. Оригинальнее этой позиции может быть лишь точка зрения военного историка А. Б. Широкограда о «двадцатитрехлетней оккупации Крыма» Украиной [24: 223]. Подобные инсинуации способны лишь сбить с толку читателей, невольно задумывающихся о других переданных Украине бывших российских территориях.

Несмотря на повышенный интерес к крымской проблеме, практически все авторы сознавали, что включение крымских сюжетов в школьные учебники – дело хоть и недалекого, но будущего. Требовалась слишком большая переоценка накопленного материала. То, что древнейшим городом страны сразу стала Керчь, – не самое сложное изменение в уже сложившейся системе; требовалась переоценка политики Хрущева, Ельцина и ряда других сюжетов. Поставить гриф Министерства образования на конкретном учебнике истории – значит воспитать целое поколение школьников в определенном духе, привить ему систему ценностей, в настоящее время не совпадающую с зарубежным мнением о российской агрессии. Поэтому авторы ищут выход в создании пособий, не заменяющих, но помогающих официальным учебникам. Таким изданием в 2015 году стала книга исследователя истории религии Б. Г. Деревенского, позиционируемая как школьный путеводитель [4]. Подобный статус избавил автора от составления дидактического материала и позволил изложить основные сюжеты крымской истории в свободной форме. Высочайшего качества полиграфия, низкая цена и продажа не только в интернет-магазинах, но и через известную сеть супермаркетов реально «приблизили» Крым к читателю, а описание событий 2014 года явно отличалось от общепринятых в данное время. Как и подобает в данном случае писателю, Б. Г. Деревенский описывает «крымскую весну» яркими и точными фразами, которых избегали до этого

большинство российских авторов. Отталкиваясь от государственного переворота в Киеве как от причины последовавших крымских событий, автор показывает активную роль крымских татар в столкновениях 26 февраля и их убедительную (хоть и временную) победу. Появившиеся ночью над правительственными зданиями после захвата их спецназом российские флаги автор называет «сигналом для пророссийских активистов», хотя в рамках международного права это называется совсем по-другому (до референдума о вхождении в состав России оставалось еще несколько недель). Последующие события автор называет воссоединением Крыма с Россией, ожидаемым большинством крымчан еще с 1990-х годов. Они повлекли за собой ухудшение отношений с Западом, повышение роли России на международной арене и спасение Крыма от кровавых вооруженных столкновений [4: 74–78]. Но особенностью пособия является визуальный ряд к описываемым событиям. Он включает три цветных фотографии: подписание договора о принятии Крыма в состав России в Кремле, митинг 26 февраля у здания Верховного Совета Крыма с явным преувеличением флагов Евромайдана и... курултай крымских татар с крупным изображением их лидеров, включая двух руководителей «Меджлиса» [4: 74–78]. Запрет деятельности этой организации в России в следующем после публикации 2016 году и заочный арест ее лидера за подрыв основ государственной безопасности России поставил автора школьного пособия в неловкое положение: в тексте не хватает упоминания о том, что именно данные лица были в числе инициаторов экономической блокады Крыма. Очень заметно, что автор симпатизирует российской стороне, но подбор им изобразительного материала отражает лишь личный интерес писателя к исламу и его толерантное отношение к другим точкам зрения.

Таким образом, на сегодняшний день объяснение событий 2014 года в учебных пособиях уже можно определить как актуальный вопрос педагогических дискуссий, тесно связанный с политическим влиянием и опытом предыдущих исторических исследований. Среди историков, занимающихся этим вопросом, первенствующее место принадлежит специалистам по международным отношениям XVII–XVIII веков (преемственность современных событий с внешней политикой того периода спорна, но удобна), а среди педагогов – воспитателям патриотизма и религиозных традиций. К сожалению, современные авторы пока не озаботились созданием полноценного дидактического материала для учебных пособий, несмотря на наличие хорошего опыта у крымских краеведов. Известна лишь одна работа последних лет, содержащая контрольно-измерительные материалы в форме проблемно-поисковых заданий, хотя уровень их сложности

вряд ли соответствует заявленной студенческой аудитории [1]. При этом наиболее проблемным аспектом являются причинные связи «крымской весны», обычно относимые к киевским событиям и антиконституционному перевороту.

Остается совершенно обойденным вопрос о терминологическом определении событий 2014 года в учебной литературе. Дело не только в путанице между терминами «принятие», «присоединение» или «вхождение»; в самом Крыму «крымская весна» традиционно называется «русской весной». Это необходимо упоминать в учебных пособиях, претендующих на федеральный статус и рассчитанных в том числе на крымских школьников. Однако, учитывая, что термин «русская весна» охватывает все события на Юго-Вос-

токе Украины (в границах начала 2014 года), его значение действительно еще сложно определить ввиду незавершенности процессов.

Кроме того, многие авторы склонны недооценивать роль местных общественных организаций в борьбе за самоопределение как Севастополя, так и самой Автономной Республики Крым, что производит впечатление борьбы внешних сил за обладание полуостровом. Важно понимать, что Крым – это не только природа и памятники; это активное гражданское общество, доказавшее свое право на суверенитет. В какой степени обучение этому выгодно государству – другой вопрос, однако без описания борьбы людей за свои права адекватного освещения крымских событий 2014 года быть не может.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ванюшкина Л. М., Тихомиров С. А., Дракина И. К. Крым – наш! Рабочая тетрадь конкурсных заданий для студентов // Вопросы культурологии. 2016. № 10. С. 62–69.
2. Вовк А. С. Первая годовщина героической крымской весны 2014 года. Сценарий радиопередачи по программе «Быть гражданином России» // Духовно-нравственное воспитание. 2015. № 8. С. 4–7.
3. Даровских И. С. Воспитание патриотизма у школьников на примере факта воссоединения Крыма с Россией // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–8. С. 1799–1802.
4. Деревенский Б. Г. Крым: прошлое и настоящее. Школьный путеводитель. СПб.: Балтийская книжная компания, 2015. 96 с.
5. Дюличев В. П. Крым. История в очерках. Симферополь, 2005. 496 с.
6. Дюличев В. П. Крым. История в очерках. XX век. Симферополь, 2005. 344 с.
7. Заярная Л., Вовк А. С. Крым – наш дом. Интегрированный урок // Духовно-нравственное воспитание. 2015. № 8. С. 47–50.
8. История Крыма: Коллект. моногр. / Под ред. С. З. Кодзовой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 464 с.
9. Кокшаров Н. А. Историко-правовые аспекты воссоединения Крыма и России в 2014 году // Право и проблемы функционирования современного государства: Сб. материалов 12-й междунар. научно-практ. конференции. Махачкала: ООО «Апробация», 2015. С. 20–21.
10. Кочегаров К. А. Крым в истории России: Методическое пособие для учителей общеобразовательных организаций. М., 2014. 48 с.
11. Кудрявцева Т. В. История Крыма в советских и российских учебниках в свете представления о праве и справедливости // История Крыма в научных исследованиях и музейных собраниях. К 205-летию Феодосийского музея древностей: Труды Всероссийской научно-практ. конф. Феодосия, 2017. С. 20–25.
12. Лыкова Н. Н. Патриотическое воспитание как условие духовно-нравственного пути становления здоровой нации // Национальное здоровье. 2016. № 1–2. С. 168–190.
13. Моисеев Л., Марциновский П. Россия в украинских учебниках истории. Новое видение или проявление конкуренции на идеологическом рынке? Взгляд из Крыма // Старые и новые образы в современных учебниках истории. М., 2003. С. 89–90.
14. Морозов А. Ю. История Крыма в украинских и крымских учебниках истории: уроки для России // Преподавание истории в школе. 2015. № 1. С. 9–11.
15. Наумова Л. В., Шафажинская Н. Е. Формирование личности младшего школьника в Республике Крым на основе культурно-православных ценностей и культурно-исторических традиций // Теоретические и методические проблемы развития современного образования. М., 2016. С. 411–414.
16. Новицкая М. Ю. Крым в историко-культурном содержании начального общего образования: от Древней Руси к Российской Федерации // Начальная школа. 2016. № 10. С. 8–15.
17. Романов А. Н. Георгиевские цвета снова над Крымом. Воссоединение Крыма с Россией. 2014 год // История Крыма: Коллект. моногр. / Под ред. С. З. Кодзовой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 452–461.
18. Савицкий И. В. Российская историография о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 43–50.
19. Савицкий И. В. Терминологические определения крымских событий 2014 года в российской и украинской историографии и публицистике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 149–151.
20. Санин Г. А. Крым. Страницы истории: Пособие для учителей общеобразовательных организаций. М.: Просвещение, 2015. 80 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://catalog.prosv.ru/item/7118> (дата обращения 30.04.2017).
21. Сафонова М. В. Воспитание патриотизма в школе на основе воссоединения Крыма с Россией // Проблемы социально-гуманитарного образования на современном этапе модернизации российской школы: Материалы IV междунар. научно-практ. конф. Барнаул: Изд. АГПУ, 2015. С. 214–216.
22. Усова Л. С. Историческая преемственность традиций российского патриотизма в Севастополе // Патриотизм как идеология возрождения России: Сб. ст. и докл. М.: РИСИ, 2014. С. 124–134.
23. Шестаков В. А. История. История России [XX – начало XXI вв.]. 11 класс: Учебник для общеобразоват. организаций: углубленный уровень / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: Просвещение, 2014. 399 с.
24. Широкорад А. Б. Крым – 2014. Как это было? М.: Вече, 2016. 352 с.

Savitskiy I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

DEVELOPMENT OF THE 2014 “CRIMEAN SPRING” CONCEPT BY RUSSIAN HISTORIANS IN THE STUDY GUIDES FOR GENERAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article is the first special study of the issue of 2014 “Crimean Spring” events’ presentation as a practical problem of school pedagogics. The author analyses educational literature and discussions conducted by educators and historians on the ways of presenting the events of 2014 within school history lessons. The factual materials on the event in focus together with methodological support are demonstrated. The author came to a conclusion that historians specializing in the history of XVII–XVIII centuries prevail among the authors of schoolbooks written about the “Crimean Spring”. Among educators covering the topic are educators of patriotism and religious traditions inspired by traditional conservatism. The most challenging problems are the terminology, didactic materials, and the issue of the cause and effect relationships between the “Crimean Spring” and the anti-constitutional coup in Kiev. The authors are prone to underestimate the role of the local non-governmental organizations in the struggle for self-determination of the Crimea. As a result such approach creates an impression of the fight waged by the external forces for the possession of the peninsula.

Key words: Crimea, teaching history, patriotic upbringing, civil society, training materials, local history

REFERENCES

1. Vanyushkina L. M., Tikhomirov S. A., Drakina I. K. The Crimea – ours! Workbook of competitive tasks for students. *Voprosy kul'turologii*. 2016. No 10. P. 62–69. (In Russ.)
2. Vovk A. S. The First Anniversary of the Heroic Crimean Spring 2014. Script of broadcast on program “To Be a Citizen of Russia”. *Spiritual and moral education*. 2015. No 8. P. 4–7. (In Russ.)
3. Darovskikh I. S. School students’ patriotic education on the example of the reunion of the Crimea and Russia. *Fundamental research*. 2014. No 11–8. P. 1799–1802. (In Russ.)
4. Derevenskiy B. G. Crimea: The Past and the Present. School Guide. St. Petersburg, 2015. 96 p. (In Russ.)
5. Dyulichyev V. P. Crimea. History essays. Simferopol, 2005. 496 p. (In Russ.)
6. Dyulichyev V. P. Crimea. History essays. XX century. Simferopol, 2005. 344 p. (In Russ.)
7. Zayarnaya L., Vovk A. S. The Crimea is Our Home. Integrated lesson. *Spiritual and moral education*. 2015. No 8. P. 47–50. (In Russ.)
8. History of Crimea. Moscow, 2015. 464 p. (In Russ.)
9. Koksharov N. A. Historical and legal aspects of reunification of the Crimea and Russia in 2014. *Right and problems in the functioning of the modern state. Proc. 12th Int. Symp.* Mahachkala, 2015. P. 20–21. (In Russ.)
10. Kochegarov K. A. Crimea in the History of Russia: Study Guidelines for Comprehensive Education Facilities. Moscow, 2014. 48 p. (In Russ.)
11. Kudryavtseva T. V. The history of the Crimea in the Soviet and Russian textbooks in connection with the idea of law and justice. *History of Crimea in scientific research and Museum collections. To the 205th anniversary of the Feodosia Museum of antiquities*. Feodosiya, 2017. P. 20–25. (In Russ.)
12. Lykova N. N. Patriotic education as a condition of the spiritual and moral way of the healthy nation development. *National health*. 2016. No 1–2. P. 168–190. (In Russ.)
13. Moiseenkova L., Martsynovsky P. Russia in Ukrainian Textbooks on history. New Vision or Ideological Market Competition? Crimean Perspective. *Old and new Images in Modern History Textbooks*. Moscow, 2003. P. 89–90. (In Russ.)
14. Morozov A. Yu. History of Crimea in the Ukrainian and Crimean history books: Lessons for Russia. *The teaching of history in schools*. 2015. No 1. P. 9–11. (In Russ.)
15. Naumova L. V., Shafazhinskaya N. E. Building up Personalities in Primary Schools of the Republic of Crimea based on Orthodox Cultural Values, Cultural and Historical traditions. *Theoretical and methodical problems of development of modern education*. Moscow, 2016. P. 411–414. (In Russ.)
16. Novitskaya M. Yu. The Crimea in Historical and Cultural Contents of Primary Education from Ancient Russia and up to the Russian Federation. *Elementary School*. 2016. No 10. P. 8–15. (In Russ.)
17. Romanov A. N. Colors of St. George in Crimea. Reunion of Crimea and Russia. The Year 2014. *History of Crimea*. Moscow, 2015. P. 452–461. (In Russ.)
18. Savitskiy I. V. Russian historiography about the Crimea entering the Russian Federation in 2014. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 3 (164). P. 43–50. (In Russ.)
19. Savitskiy I. V. Terminological definitions of the Crimean events of 2014 in Russian and Ukrainian historiography and opinion journalism. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2017. No 5 (79). P. 149–151. (In Russ.)
20. Sanin G. A. Crimea. Chapters of History: Guide for General Education Facility Teachers. Moscow, 2015. 80 p. Available at: <http://catalog.prosv.ru/item/7118> (accessed 30.04.2017). (In Russ.)
21. Safoнова M. V. Rearing Patriotism at School based on Crimea Rejoining Russia. *Problems of Social and Humanity Training at the Stage of Russian School Modernization. Proc. 4th Int. Symp.* Barnaul, 2015. P. 214–216. (In Russ.)
22. Usova L. S. Russian Patriotic Traditions’ Succession in Sevastopol. *Patriotism as Ideology of Russia Renaissance*. Moscow, 2014. P. 124–134. (In Russ.)
23. Shestakov V. A. History. Russian History [XX – early XXI century.] 11th Grade: Advanced Textbook for General Educational Facilities. Moscow, 2014. 399 p. (In Russ.)
24. Shirokorad A. B. Crimea – 2014. How did it all happened? Moscow, 2016. 352 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.06.2017

НИКОЛАЙ РАВИЛЬЕВИЧ СЛАВНИТСКИЙкандидат исторических наук, главный научный сотрудник,
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
slavnitski@bk.ru

ССЫЛКА В ОЛОНЕЦКУЮ ГУБЕРНИЮ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (по материалам архива Министерства юстиции)

В статье на основе документальных материалов, сохранившихся в фонде Министерства юстиции, которые впервые вводятся в научный оборот, рассматриваются случаи высылки политических противников монархии в Олонецкую губернию в 1903–1904 годах. Цель исследования – проследить судьбы людей, оказавшихся в ссылке в этой губернии, а также выявить, каким образом они оказывались именно тут. До начала русско-японской войны отправление в эту губернию было нечастым явлением, а вот в 1904 году, когда северные области стали единственным местом ссылки, численность политически неблагонадежных в Олонецкой губернии стала увеличиваться. Кроме того, часть ссыльных, которые должны были отправиться в Сибирь, оказались, как отмечалось выше, в северных областях, в том числе и в Олонецкой губернии. В те годы в данной области оказались люди самых разных социальных групп, принадлежавшие к разным партиям. В этом плане Олонецкая губерния практически не отличалась от остальных областей, использовавшихся для политической ссылки. Среди тех, кто был отправлен в ссылку по докладом министерства юстиции, преобладали молодые люди (и были совсем юные). Это объясняется, наверное, тем, что отправление в Олонецкую губернию относилось к числу наиболее мягких наказаний, поэтому там оказывались те, кого считали прикнущим к революционным группам «по глупости».

Ключевые слова: политическая ссылка, Олонецкая губерния, Петрозаводск

На рубеже XIX–XX веков высылка в Олонецкую губернию политических противников монархии не была распространённой. Тех, кого считали наиболее опасными, отправляли в Восточную Сибирь. Более мягким наказанием считалась высылка в Архангельскую или в Вятскую области, а наиболее легким – в Вологодскую губернию. Примерно так же воспринималась и высылка в Олонецкую губернию.

Сразу оговоримся – во всех случаях, о которых речь пойдет в данной работе, людей отправляли в ссылку «в административном порядке» (то есть внесудебном). Подобные дела решались императором по представлению министра юстиции, который получал от министерства внутренних дел материалы дознания и составлял доклад, где сообщал суть дела, а также писал свои предложения, какое наказание назначить каждому участнику дела. Император, как правило, утверждал доклад, после чего он принимал силу закона (это считалось «высочайшим повелением»). В таких случаях за человеком сохранялись все его сословные права, но место его проживания ограничивалось, а также за ним учреждался надзор полиции. Грубо говоря – человека просто обязывали переехать в другое место. Ехать полагалось за свой счет, но, если у ссыльного не было денег, он мог обратиться в полицию и отправиться в ссылку за казенный счет («по этапу») вместе с другими ссыльными.

Ограничения, безусловно, были, и в первую очередь они были связаны с надзором. По прибытии на место документы у ссыльных отбирались, и им выдавался вид на жительство, жить им полагалось в «определённом тому месте», при этом временные отлучки разрешались по уважительным причинам и при «одобрительном поведении поднадзорного». Разрешение на временную отлучку выдавали местный начальник полиции (в пределах уезда), губернатор (в пределах губернии) или министр внутренних дел (в случае выезда в другую губернию) [4: 98]. Полиция, естественно, имела право входа к таким людям в любое время и в любое время могла производить обыски. Они могли наблюдать «за действиями, поведением и местожительством поднадзорного, удостоверяться днем и ночью, находится ли он дома» [4: 97]. И в то же время на ссыльных накладывался ряд ограничений с точки зрения работы. Им запрещалась: всякая педагогическая деятельность, в том числе и обучение учеников ремеслам и искусству, чтение публичных лекций, участие в публичных заседаниях ученых обществ, выступления в публичных сценических представлениях, содержание типографий и библиотек, торговля книгами, а также содержание трактирных и питейных заведений. Врачебная или акушерская практика могла быть дозволена с разрешения министра внутренних дел. На практике это, правда, повсеместно нарушалось, и многие ссыльные ра-

ботали репетиторами, а также в земских учреждениях, особенно в статистических отделах. Те, кто не мог иметь собственных средств к существованию, могли получать пособие от казны (для дворян и представителей интеллигенции в те годы полагалось 6,50 рубля в месяц, для рабочих и крестьян – 3,50 рубля, но на практике суммы устанавливались разные). Однако пособия могли лишиться в том случае, если считали, что поднадзорный уклоняется от занятий «по лености, дурному поведению или привычке к праздности» [2: 128]. Здесь все зависело от местного начальства. Но ссыльные вообще особо не рассчитывали на это пособие и старались найти работу. Собственно, прожить на это пособие (особенно рабочим и крестьянам) в северных городах было трудно – в первую очередь из-за высоких цен на квартиры (обыватели тогда поднимали цены по причине наплыва ссыльных, а их становилось все больше, к тому же в те годы из-за русско-японской войны в Сибирь никого не ссылали), а также высоких цен на рыночные продукты¹. К дворянам при этом отношение было более снисходительным, им практически всегда назначалось пособие от казны [1: 57], да и местное общество их воспринимало как своих. К тому же и полицейские чины зачастую «держали в голове», что человек, принадлежащий к привилегированному сословию, в их городе находится временно и вскоре уедет в столицу.

Из упомянутых выше докладов министра юстиции первых лет XX столетия мы выделим тех людей, что были высланы в Олонецкую губернию в 1903–1904 годах. Это были как люди, входившие в те или иные группы, так и «одиночки», которые самостоятельно вели революционную пропаганду (или просто были заподозрены в таковой). Императору примерно раз в неделю представляли на утверждение список таких людей, в котором указывались их данные, кратко – суть дела и предложение министра юстиции, какое наказание к ним следует применить. Монарх утверждал весь список целиком.

Первым из «одиночек», отправленных в Олонецкую губернию, стал Степан Антонович Сесоров – 22-летний мещанин, окончивший курс сельскохозяйственного технического училища и работавший землемером во Владимирской губернии. Там он весной 1902 года

сблизился в целях пропаганды с ремесленниками, приглашал их в занимаемую им квартиру для конспиративных собеседований, во время коих излагал сущность социалистических учений и указывал на необходимость трудящемуся классу добиться улучшения своего положения путем устройства стачек и уличных демонстраций...

и вскоре был задержан полицией. Рассмотрев дело 2 июля 1903 года, решили выслать его в Олонецкую губернию сроком на три года².

В том же месяце в олонецкую ссылку отправился князь Вячеслав Александрович Кугушев (1863–1944) – довольно известный революционер, выпускник Лесного института в Санкт-Петербурге, впервые арестованный в 1884 году, а в 1888 году привлеченный к дознанию в связи с принадлежностью к обществу «Социал-демократический» (то есть к одной из первых социал-демократических организаций). Тогда ему было вменено в наказание предварительное заключение³, после чего он вернулся в Уфимскую губернию, где работал помощником лесничего. В 1901 году он стал плотно сотрудничать с социал-демократами, и именно в его имении был учрежден Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров [3: 151] (на Урале эти две партии в то время выступали единым фронтом – в первую очередь по причине специфики хозяйственной жизни региона). Затем он попытался отправиться за границу, чтобы наладить связи с эмигрантами [3: 151], но, когда находился в Москве, его заподозрили «в политической неблагонадежности» и задержали, а при обыске обнаружили «тетрадь с запрещенными статьями и стихотворениями, несколько нелегальных листов»⁴. В ходе дознания пришли к выводу, что Вячеслав Александрович, «состоя членом Уфимской земской управы, он находился в сношениях с лицами политически неблагонадежными и оказывал им материальную поддержку»⁵. В докладе отмечается интересная деталь: по сообщению министра, В. А. Кугушев подал прошение об облегчении своей участи, «выражая раскаяние в своих заблуждениях»⁶ (как известно из его дальнейшей судьбы, ничего подобного не произошло, и на его положение в революционной среде это прошение никак не повлияло). Его роль в создании партии социал-демократов и социалистов-революционеров, по всей видимости, осталась следствию неизвестной (судя по обтекаемой формулировке, приведенной выше), и было решено выслать его в Олонецкую губернию сроком на 5 лет⁷.

23 июля 1903 года было утверждено дело, представленное министром юстиции, о деятельности «тайного сообщества», образовавшегося среди «интеллигентной молодежи города Москвы». Это были студенты, которые, по сути дела, решили пойти по стопам первых народников и занялись социалистической пропагандой («путем устных бесед и распространения произведений подпольной литературы») на московских заводах и фабриках. В состав этой группы входили: 21-летний потомственный почетный гражданин Владимир Александрович Алексеев (студент Московского университета), 21-летний дворянин Борис Борисович Веселовский (бывший студент Московского технического училища), 27-летний крестьянин Иван Егорович Кольцов (токарь) и 22-летний крестьянин Герасим Григорьевич Канкорин (литейщик). Судя по всему, двум сту-

дентам удалось наладить связи с рабочими, но развернуться у них не получилось. Поэтому и наказание было довольно мягким: всех перечисленных людей выслали в Олонецкую губернию сроком на три года⁸.

21 января 1904 года было утверждено отправление в Олонецкую губернию двух человек – 20-летний мещанин Р. Б. Левиной и 24-летнего крестьянина И. Е. Правдина. Первая из них работала портнихой, установила связи с партией «Бунд», в апреле 1903 года занималась «социалистической агитацией среди местного трудящегося населения» и призывала ремесленников принять участие в праздновании 1 мая. И. Е. Правдин, работавший плотником в Одессе, занимался практически тем же самым: 7 апреля разбросал по городу прокламации⁹.

А через несколько дней началась русско-японская война. И 30 января иркутский генерал-губернатор направил телеграмму в Главное тюремное управление с просьбой:

приостановить отправку из европейской России в пределы вверенной ему губернии административно-высылаемых за государственные преступления, так как военное ведомство, в виду объявленной мобилизации, отказалось в назначении конвоиров для сопровождения политических арестантов, а Якутский тракт занят передвижением запасных воинских чинов¹⁰.

Аналогичная (по сути) бумага – о необходимости прекращения водворения поднадзорных в восточной Сибири – была направлена в министерство внутренних дел. Поэтому всех политически неблагонадежных лиц стали отправлять в северные губернии России. Естественно, при этом Олонецкая губерния стала более широко использоваться в качестве места для ссылки.

3 марта туда было решено отправить 26-летнего крестьянина Афанасия Семеновича Иванова, работавшего пекарем. Он весной 1903 года распространял в Одесском уезде «преступные издания»¹¹.

17 марта – 19-летнего мещанина Василия Дмитриевича Алферова («окончил 6 классов реального училища, дает уроки») и его ровесника, сына купца Николая Никитича Осипова («не окончил полного курса гимназии, определенных занятий не имеет»). Они вместе с 22-летним сыном священнослужителя А. А. Архангельским в 1902 году примкнули в Пензе к местному комитету партии социалистов-революционеров и занялись антиправительственной пропагандой среди сельского населения губернии¹².

Партия эсеров являлась продолжательницей дела народников, и агитация среди крестьян в ее программе занимала важное место. В Пензе партийная группа возникла еще в 1895 году (стараниями П. П. Крафта), просуществовала до 1898 года, а в 1901-м стала формироваться снова и в следующем году была преобразована в комитет¹³.

Именно тогда в этой губернии началась планомерная работа среди крестьянства, и упомянутые выше революционеры были среди первых, отправившихся «в народ» и оказавшихся в поле зрения полиции. Арестовать всех членов комитета ей не удалось, поэтому к марту 1904 года решили вопрос лишь с этой маленькой группой среди «одинок».

7 апреля Олонецкая губерния была назначена местом ссылки 27-летнему крестьянину Петру Васильевичу Андрееву, работавшему литейщиком. Он был задержан в апреле 1903 года в Сувалкской губернии (в Польше, на границе с Пруссией) вместе с Г. С. Финкельштейном при попытке тайно перейти границу, и при обыске у них было обнаружено «3400 запрещенных изданий»¹⁴. Его товарищ еще в 1901 году был арестован как один из руководителей антиправительственного кружка в Кишиневе и должен был быть выслан в Восточную Сибирь, но смог скрыться. Теперь ему «продлили срок надзора» и отправили в Архангельскую губернию (вместо Сибири)¹⁵.

28 апреля было подписано распоряжение об отправлении в Олонецкую губернию 22-летнего сына купца Хаима-Иосифа Рыбака и 23-летнего крестьянина Адама Викторовича Осецкого. Первый из них был студентом Киевского университета и входил в состав «союза объединенных землячеств», а второй работал переплетчиком. У него осенью 1902 года была обнаружена нелегальная литература, и в ходе дознания выяснилось, что получал он ее именно от Х.-И. Рыбака. В данном случае и того, и другого решили выслать в одну область¹⁶.

Тогда же было подписано распоряжение о подчинении надзору полиции в Олонецкой губернии 31-летней дворянке Антонине Александровне Мякотиной, работавшей учительницей и входившей в состав Санкт-Петербургской группы социалистов-революционеров. В конце 1902 года она «занималась социалистической пропагандой среди фабричного населения столицы, формировала тайные кружки и раздавала участникам таковых запрещенные брошюры и листки»¹⁷. В январе 1903 года ее арестовали, но раскрыть всю группу полиция не смогла, поэтому дело Антонины Александровны рассматривалось «в индивидуальном порядке».

Отметим, что за год до этого в ссылке оказался ее старший брат – известный историк Венедикт Александрович Мякотин, являвшийся преподавателем в Императорском Александровском лицее. В 1901 году он поддерживал столичных студентов во время их протестов, поэтому оказался на заметке у полиции, а когда у него произвели обыск (в служебном помещении), то обнаружили «свыше 100 недозволенных к обращению сочинений и рукописей нелегального характера». После этого его арестовали и в мае 1903

года отправили в ссылку в Новгородскую губернию¹⁸.

В том же месяце Олонецкую губернию стали назначать местом для ссылки и тех революционеров, которые входили в состав различных групп. Это бывало после каких-то действий групп рабочих – забастовок, акций солидарности, «беспорядков» и т. п. В частности, 15 июля 1903 года

рабочие паровозного депо на станции Шорапань, Закавказских железных дорог, самовольно прекратив занятия и вооружившись палками, направились на станцию Квирилы, где, соединившись со служащими в местных мастерских и образовав толпу около 200 человек, сплошной массой двинулись к Сакарскому казенному питомнику.

При этом они шли под красным флагом и призывали трудящихся «поддержать бакинских рабочих». Демонстранты были разогнаны полицией, и многие оказались арестованы. Тех, кого признали «зачинщиками», решили выслать в Архангельскую губернию (8 человек), а самого молодого из них – 19-летнего дворянина Николая Шатберова, работавшего слесарем, отправили в Олонецкую губернию¹⁹.

21 апреля к отправлению туда же был определен еще один одессит – 23-летний крестьянин Сергей Евтихеевич Прудков, работавший слесарем и застигнутый на сходке ремесленников в феврале 1903 года, в ходе которой обсуждались прокламации Одесского комитета российской социал-демократической рабочей партии²⁰.

И в тот же день было подписано распоряжение о высылке в Олонецкую губернию 22-летнего крестьянина Егора Андреевича Жирина – писмоводителя, входившего в состав группы, занимавшейся распространением революционной литературы в Пензенской губернии (отдельно от эсеров, о которых мы упоминали выше)²¹.

Спустя неделю рассматривалось дело о пропаганде в Лодзи, которую вели члены Польской социалистической партии среди рабочих фабрик и заводов (образовали среди них несколько тайных кружков, снабжали рабочих запрещенными сочинениями, призывали к борьбе с капиталистами и правительством). К дознанию было привлечено 13 человек, большинство из них решили отправить в Вологодскую губернию, руководителей (В. И. Славека, И. А. Цишевского и С. М. Козловского) выслали в Архангельскую, а два человека оказались в Олонецкой. Это были 22-летний крестьянин Антон Флорианович Цоннер (ткач) и 24-летний мещанин Людомир Михайлович Прясецкий (рабочий)²².

Летом того же года высылка в северные губернии практически прекратилась. Более того, пошла серия амнистий (первая была объявлена после рождения наследника престола, затем новый министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский стал ходатайствовать о прощении – несовершенно-

летних (то есть, лиц, не достигших 21-летнего возраста), а также тех, у кого сроки ссылки были небольшими). Поэтому некоторые из высланных в том же году были освобождены, другие поселились в различных городах Олонецкой губернии (к примеру, В. А. Кугушев бежал из ссылки в 1905 году [3: 152]).

Из документов о помиловании в 1905 году известно и о других людях, отбывавших ссылку в Олонецкой губернии. Крестьянин Адам Людвигович Козловский («католик, женат, имеет 7 детей, грамотный, земледелец»), по данным полиции, примкнул «к образовавшемуся в январе 1902 года в посаде Говоров Остроленского уезда тайному кружку, присвоившему себе наименование “Товарищество просвещения народа”, занимался противоправительственной пропагандой среди местного сельского населения...» и в июле 1903 года был отправлен в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции сроком на 4 года. В 1904 году его по каким-то причинам освобождать не стали, и лишь в январе 1905 года, когда он подал прошение «об облегчении участи», ему разрешили вернуться домой²³.

В феврале 1905 года был помилован 37-летний крестьянин Семен Иванович Небезин («православный, женат, имеет 5 детей, грамотный, земледелец»), занимавшийся распространением запрещенной литературы в Таврической губернии и отправленный в Олонецкую под надзор полиции в апреле 1904 года²⁴.

В марте аналогичная мера была применена к 50-летнему крестьянину Василию Петровичу Зубрилову (что интересно, он являлся выходцем из дворянского сословия и учился ранее в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве), тоже высланному в 1903 году за антиправительственную пропаганду²⁵. В упомянутых трех случаях речь шла о зрелых людях, крестьянах, которые, скорее всего, случайно оказались в антиправительственном движении.

Подводя итоги, сделаем еще одну оговорку. Перечисленные выше люди – это не все ссылки, оказавшиеся в те годы в Олонецкой губернии. Высылкой «политических» занималось также министерство внутренних дел, и сведений о них в нашем распоряжении пока немного. Известно, к примеру, что в 1904 году в Пудож был выслан Н. И. Аляктритский, обвинявшийся в связях с партией социалистов-революционеров²⁶. Кроме того, часть ссылных, которым была назначена ссылка в Сибирь, оказалась, как отмечалось выше, в северных областях, в том числе и в Олонецкой губернии. Таковым, в частности, стал Михаил Иванович Калинин, высланный в феврале 1904 года в восточную часть Сибири²⁷, но оказавшийся в Олонецкой губернии, о чем свидетельствует надпись на наличнике в пересыльной избе в деревне Мяндусельга под Повенцом (этот наличник

хранится в Национальном музее Республики Карелия, выражаю благодарность научному сотруднику М. Ю. Данкову за информацию о нем).

М. И. Калинин стал впоследствии наиболее известным из ссыльных, оказавшихся в те годы в Олонецкой губернии. С 1919 года он возглавлял ВЦИК, с 1922 года – ЦИК СССР, с 1938 года – председатель Президиума Верховного совета, то есть являлся главой государства. Значительный вклад в победу революционных движений и становление советской власти сыграл и В. А. Кугушев. После побега из ссылки он стал членом партии конституционных демократов, причем в 1906 году был избран членом Государственного совета, являлся одним из руководителей местных организаций партии в Самаре и Уфе. Но в годы Гражданской войны вернулся в состав партии большевиков, работал в комитетах помощи голодающим, а в 1920-е годы – в банке.

Профессиональным революционером после ссылки осталась А. А. Мякотина. Вернувшись в Санкт-Петербург, она снова включилась в работу партии эсеров, находилась на нелегальном положении и лишь в 1920-е годы отошла от политической деятельности, до 1937 года (когда была репрессирована – расстреляна по приговору «тройки») работала библиотекарем в Ленинграде.

Б. Б. Веселовский после того, как отбыл ссылку, занялся научной и преподавательской деятельностью, написал ряд работ об истории земских учреждений, после революции 1917 года работал в Центроархиве и Госплане СССР, продолжая при этом преподавательскую деятельность. Судьбы других людей, побывавших в ссылке в Олонецкой губернии, к сожалению, неизвестна, по крайней мере, пока.

Среди тех, кто был отправлен в ссылку по докладам министерства юстиции, преобладали молодые люди (были и совсем юные). Это объясняется, наверное, тем, что отправление в Олонецкую губернию относилось к числу наиболее мягких наказаний, поэтому там оказывались те, кого считали примкнувшим к революционным группам «по глупости». Вполне вероятно, что кто-то из них после ссылки действительно отошел от антиправительственной и революционной деятельности.

В то же время в олонечкой ссылке оказались представители самых разных социальных групп: дворяне, почетные граждане, мещане, крестьяне (отметим, что все они были грамотными), принадлежавшие к разным партиям (преимущественно социалистического направления). В этом плане Олонецкая губерния практически не отличалась от остальных областей, использовавшихся для политической ссылки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ильинский М. В. Архангельская ссылка. СПб., 1906. С. 38.
- ² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 454. Л. 430–431.
- ³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 455. Л. 367.
- ⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 455. Л. 368.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. Л. 369.
- ⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 455. Л. 512–514.
- ⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 59, 62.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 131.
- ¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 200.
- ¹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 213–214.
- ¹³ Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. С. 64, 76.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 305–306.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 390.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 391.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 455. Л. 75.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 249–250.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 328–329.
- ²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 334.
- ²² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 359–364.
- ²³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 459. Л. 25.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 459. Л. 29–30.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 459. Л. 80.
- ²⁶ Нарбеков Н. Н. И. Алякртский // Каторга и ссылка. 1931. № 6. С. 203.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 457. Л. 109.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинин Д. А. Трудовая деятельность как элемент повседневной жизни административных политических ссыльных в конце XIX – начале XX в. (на материалах Вятской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 56–62.
2. Логачева-Пилецкая М. Архангельская ссылка и побеги в 1900-х годах // Каторга и ссылка. 1930. № 7. С. 126–137.

3. Писаренко Э. Е. Кадет князь В. А. Кугушев // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 150–156.
4. Токарева С. Н. Полицейский надзор в Российской империи // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 94–104.

Slavnitsky N. R., State Museum of History of St. Petersburg
(St. Petersburg, Russian Federation)

THE EXILE TO OLONETS PROVINCE ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION (ON THE ARCHIVE MATERIALS OF THE MINISTRY OF JUSTICE)

On the basis of documentary materials preserved in the funds of the Ministry of Justice, cases of the expulsion of the monarchy's political opponents to Olonets Province in 1903–1904 are considered. The archive materials are introduced into the scientific circulation for the first time. The purpose of the study is to trace the fate of people exiled to this province and to reveal the reasons of their expulsion. Before the beginning of the Russo-Japanese War, the deportation to this province was an infrequent phenomenon, but in 1904, when the northern regions became the only place of the exile, the number of politically unreliable people in Olonets Province began to increase. In addition, part of the exiled, who were supposed to go to Siberia, were sent into the northern regions, including Olonets Province. People from different social groups and of different political persuasions were brought into the region. In this respect the province did not very much differ from other areas used for the political exile. Young (and very young) people predominated among those who were exiled on the reports of the Ministry of Justice. This is probably explained by the fact that the exile to Olonets Province was one of the most gentle punishments. Therefore, those who joined revolutionary groups "out of stupidity" happened to be among the exiled.

Key words: political exile, Olonets province, Petrozavodsk

REFERENCES

1. Kalinina D. A. Labour as a part of everyday life of the politically exiled in the late XIX – early XX centuries (Vyatka province). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2009. No 117. P. 56–62. (In Russ.)
2. Logacheva-Piletskaya M. Arkhangelsk exiles and forces labor camps in the 1900s. *Katorga i ssylka*. 1930. No 7. P. 126–137. (In Russ.)
3. Pisarenko E. E. Cadet Prince V. A. Kugushev. *Voprosy istorii*. 1997. No 2. P. 150–156. (In Russ.)
4. Tokareva S. N. Police surveillance in the Russian Empire. *Voprosy istorii*. 2009. No 6. P. 94–104. (In Russ.)

Поступила в редакцию 02.05.2017

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА КАЛИНИНА

научный сотрудник, Российский этнографический музей
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kalinina_ol@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВО-ПЕЧОРСКОГО КРАЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Статья посвящена религиозной идентичности населения Печорского района Псковской области после Второй мировой войны (1945–1991). Целью исследования являются характеристика и анализ трансформации традиционного религиозного сознания, выраженного через конкретные православные практики. Объектом исследования является локальная общность, состоящая из русского и финно-угорского населения, находившаяся до 1940 года вне сферы влияния советской модели секуляризации. Автор приходит к выводам об устойчивости местной православной традиции, базировавшейся на деятельности Псково-Печерского монастыря и 14 никогда не закрывавшихся церквей, и сосуществовании церковных практик с привнесенными идеологическими установками коммунистического режима. Внешним проявлением изменений, происходящих в общественном сознании, являлись сравнительная редкость и нерегулярность посещения храма и частичная редукция религиозных практик. Религия являлась одним из основных маркеров локальной идентичности местных жителей, четко отличавших себя от приезжих атеистов в советский период.

Ключевые слова: религиозная идентичность, Печорский район, православие, Псково-Печерский монастырь, церковно-приходская жизнь, атеистическая пропаганда

Религиозность в советском обществе – тема в настоящее время актуальная, представляющая интерес для специалистов различных областей. Предметом данного исследования является религиозная идентичность населения Псково-Печорского края в 1945–1991 годах. На примере локального сообщества, проживающего на пограничной территории, неоднократно менявшей в течение XX века свой административно-политический статус, рассматриваются константы и изменения религиозного сознания в условиях атеистической пропаганды после Второй мировой войны. Объектом исследования является все население региона, которое выступает в качестве этнолокальной общности, существующей в едином культурно-бытовом пространстве [7: 103]. Религиозная идентичность понимается как форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании своей принадлежности к определенной религии, формирующей представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм и вырабатывающей определенные практики [5: 223], [14: 17], [15]. Источниковой базой исследования являются устные нарративы местных жителей, собранные автором во время этнографических экспедиций 2007–2016 годов (около 120 интервью), а также материалы архивов (ГАПО и ГАНИПО)¹. В качестве информантов были опрошены различные группы населения: жители г. Печоры, деревень и хуторов; коренное население и «приезжие», русские и сету², представители разного поло-возрастного состава. Самым старшим информантом являлась

женщина 1921 года рождения, самыми молодыми – школьники 7–12 лет. Для раскрытия темы религиозной идентичности применялся метод «глубинного» неструктурированного интервью, а также «включенное наблюдение» во время религиозных действий, праздников, поминальных практик. Вопросы разрабатывались с учетом результатов современных антропологических и этнологических исследований в области религиозной культуры в России [2], [4], [9], [10], [11]; в качестве образца готового опросника была использована программа сбора полевого материала «Православие и русская народная культура» [3]. Тема раскрывается через личные переживания, рефлексии и эмоции информантов.

Современный Печорский район Псковской области – это бывшая западная окраина Псковской губернии, находившаяся в 1920–1940-х годах в составе независимой Эстонской Республики (Печорский уезд, Петсеримаа); краткий период нахождения в составе Эстонской ССР (1940) сменился немецким оккупационным периодом (1941–1944). В 1945 году был образован Печорский район в составе Псковской области. Перечисленным вехам локальной истории соответствует и местная устоявшаяся хронология XX века: «эстонское время», «немецкое время», «советское время». Устойчивая и непрерывная церковная традиция является отличительной чертой культуры населения Печорского района. «Здесь без Церкви не жили просто-напросто» (А. Н. К., русская, Печоры, 1958 г. р.). Жители регионов, находившихся до 1939 и 1940 годов вне состава

СССР, являлись носителями религиозной (очень разной в силу исторических обстоятельств) традиции. В Псково-Печорском крае значение и роль Православной церкви были очень велики. Этот факт объясняется активной миссионерской позицией Псково-Печерского Свято-Успенского мужского монастыря, основанного в конце XV века на границе Московии и земель Ливонского ордена, а также деятельностью никогда не закрывавшихся православных приходских храмов. Большинство населения края (русские и сету) было воспитано в традициях православия. Для лютеранского меньшинства (эстонцы, латыши) в «эстонский период» были построены лютеранские церкви в Печорах (1926) и д. Лавры (1921–1922) [12: 256].

После вхождения Печорского края в состав Псковской области в представлении местного населения продолжала существовать незримая граница между «советской Россией» или просто «Россией», которая начиналась за д. Тешевицы и своим «печорским» миром, тяготеющим к ментальной культуре южной Эстонии. Это представление было очень устойчивым и сохранялось весь период существования СССР. *«Когда с России приезжали русские, всегда местные русские не любили российских русских. У них мышление другое о жизни»* (Л. М. Л., сету, Печоры, 1937 г. р.). Среди черт, отличающих приезжих от местных, информанты в первую очередь отмечали атеизм, религиозное невежество – не умеют вести себя в храме, не носят нательный крест, не молятся. Со своей стороны жители других районов Псковской области – носители советской идеологии – с недоверием относились к печорянам. *«Не езди в Печоры, там поны ходят по дорогам, забирают сразу к себе в монастырь, и жизни там тебе не будет»* (Е. В. Д., русская, Печоры, 1963 г. р.).

Во второй половине XX века на территории Печорского района было самое большое число функционировавших православных приходов Псковской области. Действовало 14 церквей в следующих деревнях: Кулье, Лисье, Тайлово, Залесье, Малы, Печки, Сенно, Паниковичи, Лавры, Даличино (Юшково), две в Старом Изборске и две в г. Печоры³. Согласно статистике 1978 года, всего в области было 86 действующих церквей, из них в Пскове – 4, в Псковском и Порховском районах – по 9, в Дновском и Палкинском – по 5, в Гдовском и Плюсском – по 4; в остальных районах функционировало не более 1–3 церквей в каждом⁴. Продолжал свою деятельность Псково-Печерский монастырь. Следует отметить, что никогда не закрывалась и лютеранская церковь Святого Петра (единственный лютеранский храм, действовавший в советский период в Псковской области).

Ритм жизни местного православного населения определялся церковным календарем с его периодами постов и мясоедов, двунадесятых и престольных праздников, днями поминовения усопших с обязательным посещением кладбищ

и т. д. Храмы, помимо своих непосредственных пастырских и духовных обязанностей, выполняли важные социальные функции, являлись неотъемлемой составляющей культурного ландшафта. В «эстонский» и «немецкий» периоды устоявшиеся локальные религиозные практики не претерпели коренных изменений. Автономная православная церковь Эстонии, провозглашенная в 1920 году, в 1923 году подчинилась Константинопольскому патриархату, в ведении которого официально находились православные приходы Печерского уезда – 32 тыс. русских прихожан и 15 тыс. сету [1: 90]. Религиозное воспитание осуществлялось на уровне семьи, школы и приходского храма. Политика интеграции печорского населения в культурную среду Эстонии на уровне Церкви выражалась в усиленном внимании к вопросу языка богослужений: произошло разделение приходов по языковому принципу, введены богослужения на эстонском языке для сету. В «немецкий» период власти не интересовались местными религиозными практиками, требуя в целом от Церкви лояльности и идеологической поддержки⁵.

После взятия Печор советскими войсками в августе 1944 года и перехода Печорского края из состава Эстонии в РСФСР был взят официальный курс на советизацию населения. Однако переход от традиционных мировоззренческих установок к идеалам коммунистического общества, в котором религии отводилось место ненужного атавизма, не был резким. *«Преодолеть церковное наследие прошлого за короткий срок не представляется возможным»* – указано в отчете уполномоченного по делам Русской православной церкви в Псковской области за 1970 год⁶. В информационных отчетах о религиозности в области за 1945–1960 годы печорское духовенство характеризуется как влиятельная и авторитетная для местного населения группа людей, а церковно-приходская жизнь в целом как активная⁷. В первые послевоенные годы церковные праздники отмечались с размахом, сопровождалась крестными ходами, молебнами в домах и на улицах. На храмовый праздник Псково-Печерского монастыря Успение Божьей Матери в 1948 году собралось около 15 тыс. человек⁸.

Общая ситуация потепления церковно-государственных отношений в СССР в последние годы ВОВ и послевоенный период позволяла сохранять местную приходскую жизнь без резких изменений. Политика жесткого контроля и ограничения деятельности касалась в основном не рядовых прихожан, а священно- и церковнослужителей. Старшее поколение (1920–1930-х годов рождения) не вспоминает никаких репрессий по отношению к себе, связанных с посещением церкви.

Мне никто в церковь не запрещал ходить (М. П., сету, д. Соколово, 1921 г. р.). *Все равно, как родители, дедушки-бабушки говорили, мы делали. А это пофиг было. Традиция есть традиция. Спокойно – не спокойно,*

но ходить в церковь – ходили. Уж как-нибудь (Л. М. Л., сету, 1937 г. р.; В. П. Л., русский, 1934 г. р., Печоры).

Конец 1950-х годов в СССР ознаменовался новым этапом борьбы с религией. На XXII съезде КПСС (октябрь 1961 года) Н. С. Хрущевым была провозглашена возможность построения коммунизма в обозримом будущем. Согласно разработанной в 1961 году «Инструкции по применению законодательства о культах», на местах начала осуществляться политика ограничений и запретов, непосредственно касавшихся прихожан: введен квитанционный учет исполнения треб с обязательной фиксацией паспортных данных верующих, запрет на исполнение треб на дому кроме отдельных исключений, запрет на организованные паломничества к святым местам и др. [8: 322–333], [13: 359–383]. В Печорах был запрещен знаменитый Успенский крестный ход вокруг стен монастыря (восстановлен в 1990 году). Одной из знаковых вех борьбы государства с церковью этого периода являлась попытка ограничения колокольного звона в 1961–1962 годах.

Колокольный звон как феномен христианской культуры, многозначный символ, источник сакрального звука, во все времена являлся сильнейшим средством воздействия на людей. В советском законодательстве о культах он прямо не указывался в качестве инструмента религиозной пропаганды, и запрещение должно было происходить по хорошо разработанной схеме согласно формулировке: «если это вызывает необходимость и поддерживается населением» [13: 373]. Соответственно в тех районах СССР, где еще оставались действующие храмы, стали проходить собрания для обсуждения вопроса о вредном воздействии колокольного звона на советских граждан. Их итогом должны были стать ходатайства местных исполнительных комитетов Советов народных депутатов перед областными комитетами, которые, в свою очередь, возбуждали ходатайства о запрете колокольного звона перед Советом министров СССР. В деле о прекращении колокольного звона в Псково-Печерском монастыре и церквях города подшиты протоколы общих собраний сотрудников школы-интерната, детских садов, отделения сбербанка, пожарной части, хлебоприемного пункта, городской больницы, трикотажной фабрики, хлебокомбината и др.⁹ Суть большинства выступлений сводится к констатации неуместности колокольного звона в коммунистическом обществе. В качестве доводов были произнесены казенные фразы, которых требовала сложившаяся ситуация: звон мешает культурному отдыху трудящихся, затрудняет работу педагогов и врачей, верующие могут молиться без звона и т. д. Те же самые доводы повсеместно произносились на подобных собраниях во всех населенных пунктах СССР, где еще сохранились действующие церкви и монастыри, например в Архангельской области [6]. Встре-

чаются и вовсе курьезные заявления «...такой звон у нас до настоящего времени напоминает период 5 века до н. э.»¹⁰ Среди заявлений следует отметить те, что сделаны людьми пришлыми, приехавшими в Печоры:

В первые дни жизни моей в Печорах меня очень угнетал колокольный звон¹¹. Я удивился, когда прибыл в город Печоры, что до сих пор еще в полную силу здесь работают церкви и имеется монастырь... Проводятся религиозные обряды, как крещение, венчание, а также много рабочего времени отнимают служители церкви у колхозников и рабочих в связи с всевозможными религиозными праздниками¹².

Примечательно, что печоряне далеко не всегда голосовали единодушно за прекращение колокольного звона. Как правило, в каждом коллективе (кроме педагогических и военных) находилось несколько человек, воздержавшихся или проголосовавших против; выкрикивали с места «есть закон, так запрещайте звон, а он нас не беспокоит»¹³. В редакции газеты «Печорская правда» 24 человека высказалось за и 3 – против; 42 служащих Печорского горсовета, горкомхоза и домоуправления проголосовали за, а 8 – против; более всех проявили строптивость работники трикотажной фабрики – из 510 присутствовавших 25 проголосовало против и 16 воздержалось. Это неудивительно, учитывая преобладающий женский состав коллектива фабрики и тот общеизвестный факт, что женщины составляют подавляющее большинство прихожан в церкви. «Ну, мужчины, сколько я помню, почти не ходили. Ходили все-таки женщины. А мужчины – это редкость» (В. И. С., русская 1963 г. р., д. Залесье). Решением исполкома Печорского городского Совета от 5 марта 1962 года было постановлено удовлетворить просьбы трудящихся и просить исполком Псковской области возбудить ходатайство о запрещении колокольного звона¹⁴. Об этом свидетельствует архивный документ, но на деле колокольный звон сохранился. По всей видимости, специального решения Псковского облисполкома по этому вопросу так и не было принято. В 1960-х годах Псково-Печерский монастырь получил широкую известность у международной общественности, к которой мог апеллировать наместник монастыря архимандрит Алипий (Воронов), ветеран ВОВ, неоднократно заявлявший о готовности братии защищать монастырь с оружием в руках. Современные воспоминания печорян об эпизоде с запретом колокольного звона достаточно смутные: «ну что-то там было такое». По устному свидетельству В. С. Я. (1932 г. р.), занимавшей в те годы должность председателя районной плановой комиссии, в райисполкоме также было проведено собрание, на котором все присутствующие поддержали авторитетное мнение одного из выступавших: «А мне колокольный звон не мешает!» Колоколь-

ный звон являлся привычным аудиальным фоном для местных жителей.

Я здесь родилась на Псковской улице, вставала и укладывалась спать под звон колоколов (Е. В. Ц., русская, 1965 г. р., Печоры); И вот эта пасхальная неделя, мы уже настолько привыкали, что даже не замечали, что эту всю неделю трезвонили колокола (В. И. С., русская, 1965 г. р., д. Залесье).

Хранителями местной религиозной традиции выступали старики – представители «эстонского поколения» и старше. Именно они составляли основную массу прихожан в церквях советского периода. При ответах на вопросы о том, как протекал день престольного праздника, информанты, как правило, упоминают бабушек и дедушек, уходивших утром этого дня в церковь. Женщины среднего возраста оставались дома и были заняты приготовлением праздничного стола. Мужчины среднего возраста на церковные службы практически не ходили: *«Мужья, отцы – коммунисты/партийные все»* (Н. А., русская, 1958 г. р., д. Рассолово). Воспитанные родителями в традициях досоветской эпохи, представители поколения 1940–1950-х годов жили и работали в соответствии с государственными идеологическими установками. Люди вступали в Коммунистическую партию для комфортного существования и карьерного роста, однако этот факт не входил в противоречие с их религиозными убеждениями. Естественно, церковь, отделенная от государства, отошла для них на второй план, а религиозные практики осуществлялись не столь часто, как прежде.

Родители в церковь тоже не часто ходили. Когда работали, ходить тоже было некогда. А вот когда на пенсию, наверное, тогда больше появилось времени, тогда стали ходить (В. И. С., русская, 1963 г. р., д. Залесье).

Не ходили в церковь убежденные коммунисты (как правило «пришлые»), а также местные, занимавшие высокие статусные посты (чиновники, милиционеры, педагоги), – опасались общественного осуждения и каких-либо санкций со стороны профсоюза, партийной организации и т. д. Вне церкви должна была воспитываться молодежь. *«Так мы ж уже другое поколение, когда нам вообще нельзя было даже в церковь ходить. Нам вот так вот отбили от церкви»* (В. И. С., 1963 г. р.). На школу возлагалась обязанность формирования антирелигиозного мышления у подрастающего поколения. Каждый учитель был обязан «вводить атеистический элемент» в канву своего урока. *«И в школе нам все время говорили, что в церковь идут только неграмотные люди»* (Л. К., наполовину русская, наполовину сету, 1956 г. р., Печоры). В обязанность педагогов входили обязательный инструктаж о запрете посещения учениками храмов во время религиозных праздников (Пасха, Успение Богородицы в монастыре) и осуществление контроля за его выполнением.

Родителей, бравших детей с собой на всенощную, ожидал выговор на работе. Однако, как правило, «контролеры», сами воспитанные в местной традиции (*«И как-то учителя у нас были в основном-то местные»* – Е. В. Д., русская 1963 г. р., Печоры), смотрели на происходящее сквозь пальцы. Информанты, бывшие в рассматриваемый период учениками, вспоминают о процедуре выговора присутствовавших на литургии учеников классными руководителями, как об обязательной формальности. В большей степени описываемая ситуация касается жителей крупных населенных пунктов (Печоры, Новый Изборск, Изборск). В сельской глубинке надзор со стороны советской общественности был не столь строг или его не было вовсе. Наряду с общественным воспитанием продолжало существовать и домашнее. Во многих домах висели иконы, хранилась литература религиозного содержания.

В сложившейся мировоззренческой картине населения Псково-Печорского края крещение и отпевание являлись логичными началом и концом мирской жизни каждого человека. Детей крестили за закрытыми дверями храмов или на дому, нередко в отсутствие главы семьи, который мог высказаться против. *«Все делалось, но делалось втихаря»* (Н. В. Р., русский, 1947 г. р., Печоры). Как правило, инициаторами крещения выступали бабушки и матери. Они же прививали детям начатки религиозного воспитания: рассказывали библейские истории, многих водили в храм до семи лет, учили молитве. Важную роль в воспитании детей играли крестные – по традиции ими становились братья и сестры родителей. Примечательно, что даже в случае отсутствия крещения и проведения торжественной регистрации новорожденного в соответствии с советской обрядностью так называемые почетные родители, в обязанности которых вменялось помогать вырастить из ребенка честного гражданина и патриота, в семье именовались крестными (Е. В. Ц., русская, 1965 г. р., Печоры).

После перехода в статус «школьник» ребенок попадал в активную сферу общественного воспитания. Родители занимали позицию молчаливого несогласия или нейтралитета в отношении господствовавшей идеологии. Были и семьи, в которых родители 1920–1930-х годов рождения запрещали своим детям вступать в пионерскую/комсомольскую организацию. По воспоминаниям печорян 1950–1960-х годов рождения, даже в период их учебы в школе были некоторые ребята, не участвовавшие в пионерском движении. Помимо коренных жителей района, это могли быть и дети из приезжих семей. Печоры, как город при действующем монастыре, всегда воспринимался местом, обладающим особой святостью: и в советскую эпоху под стенами монастырской крепости селились православные верующие, приезжавшие из самых разных уголков страны.

Со слов печорянки Л. К., 1956 г. р., в ее классе училась девочка из такой приезжей набожной семьи – в школе она носила длинное платье, а на улице – платок. Местные мальчишки дразнили ее богомолкой.

В последний путь печорян провожали также в церкви. Жительница д. Залесье вспоминает, как сильно поразили ее гражданские похороны учительницы литературы: *«А было удивительно, потому что больше никого не помню, чтобы так хоронили, мимо церкви»* (В. И. С., русская, 1963 г. р.).

Таинства причащения (евхаристия) и исповеди (покаяния) в народной церковной практике, сложившейся к началу XX века в России, совершались не реже одного раза в год [2: 243], [4]. Эта традиция продолжала существовать в Псково-Печорском крае во второй половине XX века. Как правило, старшее поколение ходило на исповедь и причастие по церковным праздникам (Пасха, Троица, престольный праздник), в день именин, перед важным событием в жизни. Детей водили на причастие до семи лет:

Свекровь водила сыновей до семи лет в церковь, они исповедовались, причащались. До семи лет она имела право ими распоряжаться как угодно. В семь лет они пошли в школу, все, ходить туда нельзя (Е. В. Д., русская, 1963 г. р., Печоры).

Информанты д. Залесье рассказывают о традиции причащения детей в последний день летних каникул, 31 августа.

Устоявшиеся религиозные практики продолжали существовать во многих семьях в редуцированном виде: например, Великий пост не соблюдался, но все члены семьи ничего не ели в субботу перед Пасхой (А. Н. К., русская, 1958 г. р., Печоры), заходили в храм по праздникам, но всю службу не стояли. Приезжая на сельские кладбища в дни поминовения усопших, обязательно посещали храм. Из информационного отчета Уполномоченного по делам религии Псковской области за 1970 год:

...обстановка остается все еще сложной, и влияние, оказываемое религией на некоторые слои населения, весьма ощутимо. Значительная часть населения все еще отправляет религиозные обряды, посещает молитвенные собрания, соблюдает и празднует церковные праздники, оказывает финансовую поддержку церкви¹⁵.

Родители, воспитанные в двойной системе ценностей – государственной советской идеологии и домашней религиозной морали, в вопросе воспитания собственных детей обошлись без категоричного настаивания на соблюдении теми церковных норм и практик.

В церкви мы не умели себя вести, не понимали много (В. И. С., 1965 г. р.). Папа заходил в храм Сорока Мучеников, свечечки ставил всегда... И, конечно, он воздыхал, видя и мою жизнь, и брата (Е. В. Ц., 1965 г. р.).

Школа и средства массовой информации способствовали размыванию религиозного сознания

у молодежи. Чем ближе подходила дата Пасхи, тем больше появлялось заметок в газете «Печорская правда» о вреде религиозных праздников, антинаучной сущности библейских текстов, негигиеничном обычае целования икон, способствующем распространению инфекции, и т. д. На школьных уроках и в сельских клубах проводились беседы на темы «Почему плачут иконы», «Чудеса без чудес» и т. д.¹⁶ Чтобы отвлечь молодежь от посещения церкви в дни больших церковных праздников, в Печорах устраивались яркие зрелищные мероприятия. Такое повышенное внимание к церковной тематике разжигало детское любопытство: *«Я помню, вот мы в школе, вот Пасха, нам интересно вот просто, просто узнать, что же там делается»* (Т. Н. К., русская, 1953 г. р., д. Верхний Крупск). С постепенной утратой понимания сути церковной жизни у поколения 1960-х годов рождения оставалось восприятие церкви как важной составляющей местной культуры, традиции.

И вот когда младший сын женился, они венчались, я стояла сзади и смотрю, что Витя как-то ничего не соображает, ничего не понимает... Вот в этом моя тоже вина. Я их не приучила (В. А. Д., русская, 1941 г. р., Изборск). Мы ходили на Пасху, как на, прости Господи... Умудрялись сначала в ресторане посидеть, а потом уже посмотреть веселее (Е. В. Ц., русская, 1965 г. р., Печоры).

Ситуация начала меняться в конце 1980-х – начале 1990-х годов в связи с трансформацией государственно-конфессиональных отношений. В 1990 году вышел закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», который разрешил факультативное изучение религии в общеобразовательных учебных заведениях. В этот период чрезвычайно активизировалась миссионерско-катехизаторская деятельность Псково-Печерского монастыря. *«И в монастыре так эти, я так считаю, что заманивали как-то, привлекали как-то детей, молодежь»* (Т. Н. К., русская, 1954 г. р., Печоры). В Печорах были созданы воскресная школа, детско-юношеский хор, иконописный класс, начались факультативные занятия по основам православной культуры в детских садах, школах и среди взрослого населения. В наступившую для людей советской формации эпоху духовно-нравственных исканий печорянам была предложена уже хорошо разработанная и знакомая с детства модель православной идентичности. Представители иных конфессий (лютеране, баптисты, евангельские христиане, мусульмане) и атеисты, проживающие в Печорском районе, оказались также включены в локальную «монастырскую» культуру, в которой Псково-Печерская обитель является историческим, духовным, эстетическим, воспитательным центром, источником финансирования и гарантом успешного туристического бизнеса района. В сельской округе, удаленной от монастыря, роль духовно-воспитательного центра играл приходской храм, и здесь многое зависело

от личной инициативы и харизмы священника. В целом в конце 1980-х – начале 1990-х годов заметно активизировалась местная церковная жизнь и значительно повысился уровень образования населения в сфере православной догматики.

Именно религия являлась одним из основных маркеров локальной идентичности местных жителей, четко отличавших себя от приезжих атеистов в советский период. В сознании местного населения существовали две мировоззренческие системы: одна была основана на традиции, прочно связанной с церковной культурой, другая – привнесена новой властью, пропагандировавшей философию научного атеизма. Эту ситуационную двойственность сознания хорошо иллюстрирует приведенный выше пример – реакция населения на попытку запрета колокольного звона в 1960-х годах: запротоколированные выступления свидетелей о высказывании большинства – «за», устные свидетельства – «против». Для представителей поколения 1920–1930-х годов рождения церковно-приходская жизнь продолжала существовать без видимых изменений; поколение 1940–1950-х годов рождения совмещало религиозное мировоззрение с этическими установками коммунистической идеологии, результаты процесса размытия религиозного сознания наблюдаются у поколения шестидесятников. Отсутствие целостной системы религиозного воспитания, антире-

лигиозная позиция школы советского образца и средств массовой информации постепенно приводили к утративанию понимания сути церковной жизни печорянами, рожденными в СССР; однако храм по-прежнему оставался для них важной культурной доминантой, символом локальной идентичности и связи поколений. Неизменным оставалось представление о необходимости крещения детей, отпевании умерших, соблюдении исповеди и причастия, посещениях церквей и монастыря во время праздников и в дни поминовения усопших. Частично сохранялась традиция религиозного воспитания в семьях, но передача религиозного опыта носила бессистемный характер. В целом можно говорить о сохранении религиозности на «пассивном» уровне. Внешним проявлением изменений, происходящих в общественном сознании, являлась сравнительная редкость и нерегулярность посещения храма взрослым населением в период гражданской активности, внутренним – редукция представлений о необходимости соблюдения религиозных практик вне церковного пространства (постов, домашней молитвы). Факт наличия действующих, никогда не закрывавшихся храмов и Псково-Печерского монастыря не давал угаснуть церковной традиции, а изменения в конфессиональной политике государства в 1980-е годы привели к повышению уровня религиозного самосознания населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Псковской области, Государственный архив новейшей истории Псковской области.

² Сету (сето) – финно-угорская общность, проживающая в Печорском районе Псковской области и в юго-восточной Эстонии. Сету говорят на языке, близком южно-эстонскому диалекту, исповедуют православие.

³ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 102. Л. 2. Преображенский храм в д. Колпино был закрыт в 1961 году, действует вновь с 1990 года.

⁴ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 285. Л. 5.

⁵ Часть православных приходов Эстонии подчинялась Константинопольскому патриархату (митрополит Александр Паулус), а часть – Московскому (экзарх Прибалтики митрополит Сергей Воскресенский). Официальное присоединение Эстонской Апостольской церкви к Русской православной церкви Московского патриархата произошло в 1941 году. После занятия Эстонии немецкими войсками митрополит Александр Паулус заявил о повторном переходе в юрисдикцию Константинопольского патриархата. В 1944 году произошло окончательное присоединение православных приходов Эстонии к РПЦ. Параллельно продолжала существовать ЭАПЦ в эмиграции.

⁶ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 185. Л. 28.

⁷ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 18, 30, 88, 102 и др.

⁸ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 47.

⁹ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120.

¹⁰ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 11.

¹¹ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 6.

¹² ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 14.

¹³ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 23.

¹⁴ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 3.

¹⁵ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 185. Л. 5.

¹⁶ ГАНИПО. Ф. 2629. Оп. 5. Д. 10. Л. 41. Д. 16. Л. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архимандрит Тихон (Секретарев). Врата небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2007. 800 с.
2. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.
3. Громыко М. М., Кузнецов С. В., Буганов А. В. Православие в русской народной культуре: направление исследований. Программа сбора полевого этнографического материала по теме «Православие и русская народная культура» // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 60–84.
4. Громыко М. М. Покаяние в народной жизни. Понятие греха и кары Божьей // Православная жизнь русских крестьян в XIX–XX веках. Итоги этнографических исследований / Ред. кол.: Т. А. Листова, С. В. Кузнецов, Х. В. Поплавская. М.: Наука, 2001. С. 202–228.

5. Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: Икар, 2012. 306 с.
6. Молодов О. Б. О запрете колокольного звона в Архангельской области в 1950–1980-е гг. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3. (40) Т. 1. С. 18–21.
7. Новожиллов А. Г. Население Псково-Печерского края как этнолокальная группа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. № 3. С. 94–110.
8. Пospelовский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 1996. 403 с.
9. Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011. 368 с.
10. Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии: Сб ст. / Под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб.: ЕУСПБ, 2006. 304 с.
11. Форум: антропология религии (1–2) // Антропологический форум. 2017. № 34–35. С. 11–124, 11–128.
12. Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. История Евангелическо-Лютеранской церкви на северо-западе России. 1917–1945. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 381 с.
13. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Вече: Лепта, 2010. 480 с.
14. King P. E. Religion and identity: the role of ideological, social and spiritual contexts // Applied Development Science. 2003. Vol. 7. No 3. P. 197–204.
15. Schäfer H. W. Religiöse Identität – ein Netzwerk von Dispositionen // Politik und Religion. Religiöse Identitäten in politischen Konflikten. Herausgeber: I.-J. Werkner, O. Hidalgo (Hrsg.). Wiesbaden: Springer VS, 2016. S. 15–24. DOI: 10.1007/978-3-658-11793-1_2.

Kalinina O. V., Russian museum of ethnography (St. Petersburg, Russian Federation)

RELIGIOUS IDENTITY OF THE POPULATION OF PECHORY DISTRICT IN PSKOV REGION DURING SOVIET TIMES

The article is concerned with the religious identity of the population in Pechory district of Pskov region after the World War II (1954–1991). The purpose of the research is to characterize and analyze the transformation of traditional religious consciousness. The transformation was expressed through orthodox practices. The object of the study is a local community consisting of the Russian and Finno-Ugric population. The community was not covered by the Soviet model of secularization. During the Soviet period, the citizens of Pechorsky District were the keepers of continuous ecclesiastical traditions, which were based on the activity of Pskovo-Pechersky Monastery and 14 churches of the region. Religious practices of the community coexisted with the discourse of the Communist regime. Less frequent and more occasional attendance of the church, reduction of religious practices signified of the changes happening among parishioners. During the Soviet times, religion was one of the main markers of the local community's identity by which it separated itself from the coming atheists.

Kew words: religious identity, Pechory district, Orthodoxy, Pskovo-Pechersky Monastery, parish life, atheistic propaganda

REFERENCES

1. Arkhimandrit Tikhon (Sekretarev). The gates of heaven. History of Pskovo-Pechersky Dormition monastery. Pechory, Svyato-Uspenskiy Pskovo-Pecherskiy monastyr' Publ., 2007. 800 p. (In Russ.)
2. Bernshtam T. A. Parish life of the Russian countryside: Essays on church ethnography. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2005. 416 p. (In Russ.)
3. Gromyko M. M., Kuznetsov S. V., Buganov A. V. Orthodoxy in Russian national culture: research direction. The program of collecting field ethnographic material on the topic "Orthodoxy and Russian national culture. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1993. No 6. P. 60–84. (In Russ.)
4. Gromyko M. M. Repentance in people's life. The concept of sin and God's punishment. *Orthodox life of Russian peasants in the 19th–20th centuries. Results of ethnographic research*. Eds.: T. A. Listova, S. V. Kuznetsov, H. V. Poplavskaya. Moscow, Nauka Publ., 2001. P. 202–228. (In Russ.)
5. Krylov A. N. Religious Identity. Individual and collective assertiveness in the post-industrial space. Moscow, Ikar Publ., 2012. 306 p. (In Russ.)
6. Molodov O. B. About the prohibition of bell-ringing in Arkhangelsk region in the 1950s-1980s. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No 3 (40). Vol. 1. P. 18–21. (In Russ.)
7. Novozhilov A. G. The population of Pskov-Pechersky region as ethnocultural group. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2009. Series 2. History. No 3. P. 94–110. (In Russ.)
8. Pospelovskiy D. The Orthodox Church in the history of Russia, Russia and the USSR. Moscow, Bibleysko-Bogoslovskiy Institut sv. apostola Andreyana Publ., 1996. 403 p. (In Russ.)
9. Parish and community in contemporary Orthodoxy: the root system of Russian religiosity. Eds.: A. Agadzhanian, K. Russele. Moscow, Ves' mir Publ., 2011. 368 p. (In Russ.)
10. Dreams of the Mother of God. Studies in Anthropology of Religion. Eds.: Zh. V. Kormina, A. A. Panchenko, S. A. Shtyrkov. St. Petersburg, EUSPB., 2006. 304 p. (In Russ.)
11. Forum: anthropology of religion (1-2). *Antropologicheskiiy forum*. No 34–35. P. 11–124, 11–128. (In Russ.)
12. Shkarovskiy M. V., Cherepenina N. Yu. History of Evangelical Lutheran Church in North-West Russia. 1917–1945. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2004. 381 p. (In Russ.)
13. Shkarovskiy M. V. Russian Orthodox Church in the 20th century. Moscow, Veche, Lepta Publ., 2010. 480 p. (In Russ.)
14. King P. E. Religion and identity: the role of ideological, social and spiritual contexts // Applied Development Science. 2003. Vol. 7. No. 3. P. 197–204.
15. Schäfer H. W. Religiöse Identität – ein Netzwerk von Dispositionen // Politik und Religion. Religiöse Identitäten in politischen Konflikten. Herausgeber: I.-J. Werkner, O. Hidalgo (Hrsg.). Wiesbaden: Springer VS, 2016. S. 15–24. DOI 10.1007/978-3-658-11793-1_2.

Поступила в редакцию 01.11.2017

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАНОВ

аспирант 2-го года обучения кафедры истории и права социально-гуманитарного института, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Российская Федерация)

dmipanov@yandex.ru

**АРТЕЛЬ НА МУРМАНСКОМ РЫБНОМ ПРОМЫСЛЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(1920-е годы)**

Рассматривается одна из наименее изученных тем региональной истории Мурманска – процесс изменения социально-экономической деятельности основной единицы мурманских рыбных промыслов – артели. Предпринята попытка рассмотреть роль государства во всех сферах деятельности артели, от непосредственной организации и заканчивая сбытом уловов. Автором приводятся определения артели и ее отличительных признаков как в дореволюционный, так и в советский период, анализируется роль государства в процессе организации промысла, в снабжении артелей продуктами и промысловым инвентарем, а также условия вступления в артель и круг прав и обязанностей ее работников. В статье содержатся архивные данные, многие из которых впервые вводятся в научный оборот и на основе которых впервые предпринята попытка всестороннего рассмотрения и изучения деятельности артели на мурманских рыбных промыслах. В советский период на мурманских рыбных промыслах государство играло первостепенную роль во всем процессе организации промысла и артели как основной промысловой социально-экономической единицы промыслов. Происходил этот процесс через систему местных органов власти и государственных предприятий. В советский период впервые артель получает юридическое обоснование, точно определяется круг лиц, которые могли вступать в артель, определялись их права и обязанности. Деятельность артели носила комплексный характер и заключалась не только в ловле рыбы тресковых пород, в отличие от дореволюционного периода, но могла включать и лов камбаловых пород, морских млекопитающих.

Ключевые слова: артель, промысел, пай, устав, портопункт, Мурман

Вопрос, связанный с промысловыми объединениями, имеет достаточно внушительную историографию. Дореволюционная историография в основном представлена этнографическими заметками, серьезных научных трудов в тот период было издано немного. Наибольший интерес представляют работы Н. Я. Данилевского¹, П. С. Ефименко² и А. Я. Ефименко³, Н. М. Книповича⁴. Данные исследования отличало от остальных трудов дореволюционного периода использование материалов экспедиций, в которых авторы сами принимали участие, а также более широкое использование статистических материалов. Стоит отметить, что эти работы до сегодняшнего дня не потеряли своей актуальности. Вновь данная проблема становится объектом исследования историков начиная с 1960-х годов. И. Ф. Ушаков в работе, посвященной покругу на мурманских рыбных промыслах [17], касался «артельного» вопроса. Последний у исследователя сводился к покругной артели, а начиная с 90-х годов XIX века – к артелям на паях, вольнонаемным артелям. И в дальнейшем в своих более поздних работах И. Ф. Ушаков остался на прежних позициях [18].

Н. А. Кораблев (см.: [8], [9], [10]) также касался вопроса, связанного с промысловыми объединениями мурманских рыбных промыслов в дореволюционный период. От работ предыдущих

исследователей его работы отличает большая разработанность вопросов, связанных с покругом: характеристика договора покруга, как устного, так и письменного, размер оплаты и доходов покругенников, распределение обязанностей в артели и т. п.

Т. А. Бернштам [1] также касалась вопроса, связанного с промысловыми объединениями мурманских рыбных промыслов. Она добавила к классификации типов промысловых артельных объединений, предложенных еще А. Я. Ефименко, семейный тип артели. Исследователь впервые затронула вопрос о формах артелей, однако не раскрыла его в полной мере.

А. Ю. Юрченко в статье, посвященной развитию артельных отношений на мурманском промысле [19], приводит составленную им классификацию артелей, прослеживая их изменение, начиная с момента зарождения мурманских промыслов и до конца XIX века. Данную классификацию отличает от классификации Т. А. Бернштам более детальная типология артельных форм промысловых объединений.

С. А. Никонов в ряде своих работ (см.: [11], [12], [13]), посвященных промысловому освоению Кольского полуострова монастырями, также касается вопроса, связанного с промысловыми объединениями мурманских рыбных промыслов.

Исследуемый период относится к XVI–XVIII векам, когда промысловые объединения мурманских рыбных промыслов сводились к покрутной артели, где организатором зачастую выступал тот или иной монастырь.

Вышеуказанные работы были целиком посвящены дореволюционному периоду. Спектр затрагиваемых в работах исследователей вопросов был достаточно широким, но остались белые пятна. В частности, практически ни в одной работе не делалась попытка дать характеристику более частным типам артели, осветить вопросы взаимоотношения артели и государства.

Изучение промысловых объединений на мурманских рыбных промыслах в период 1918–1920-х годов имеет достаточно короткую историю. В довоенный период серьезных научных трудов по исследуемой теме не издавалось. Можно упомянуть только два сборника рассказов и воспоминаний непосредственных участников становления и развития мурманских промыслов в начальный советский период⁵, а также статью и небольшую работу мурманского краеведа В. К. Алымова⁶. В послевоенный период стали появляться публикации, связанные с историей становления советской власти на Мурмане (см.: [2], [3], [4]), восстановлением экономики края после интервенции ([6], [7], [14]), защищались диссертации, связанные с индустриализацией Кольского полуострова [5], развитием производительных сил края в довоенный период (см.: [15]). В данных работах интересующий нас вопрос затрагивался в минимальном объеме. Особняком стоит лишь статья В. В. Силина [16]. Это была первая попытка раскрыть внутренние социально-экономические механизмы промысловых объединений на Мурмане.

В настоящей работе автор попытался дать как можно более развернутую характеристику одной из наименее исследованных тем в истории отечественных морских промыслов – истории промысловых объединений на мурманских рыбных промыслах в советский период. Содержание статьи в своем основном объеме базируется на материалах Государственного архива Мурманской области (ГАМО). Именно в данном архиве содержатся фонды Мурманского областного управления рыбных и звериных промыслов (Р-69); Исполнительного комитета Мурманского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и рыболовных депутатов (Р-213); Исполнительного комитета Мурманского окружного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов Ленинградской области (г. Мурманск) (Р-162); Мурманского окружного управления народно-хозяйственного учета Ленинградской области (Р-325), содержание которых наиболее полно подходит для раскрытия темы.

Охарактеризовав историографию проблемы, необходимо обратить внимание на ключевые по-

нятия темы. Под термином «артель» в советский период понималось объединение ловцов-одиночек и ловецких групп какого-либо селения для урегулирования взаимоотношений добывающего рыбака и потребляющего государства⁷. Данное понятие в корне отличалось от дореволюционного содержания термина (объединение лично свободных людей для производства промыслов, где распоряжение итоговым продуктом промысла (итоговый улов или деньги, вырученные за продажу улова, за минусом издержек) происходит исходя из типа и формы артели между самими артельщиками, без участия государства).

Артель на мурманских рыбных промыслах в дореволюционный период – это промысловое объединение, которое занималось только ловом рыбы, в основном трески. В советский период артель могла объединять группы ловцов морских зверей, рыбы тресковых пород, семги⁸. Членами подобных организаций могли становиться граждане и женского, и мужского пола, достигшие шестнадцатилетнего возраста⁹. Однако до восемнадцати лет такие члены артели не имели права участвовать в управлении ее делами. Исключить из артели можно было только двумя третями ее членов. При вступлении в артель никаких членских или паевых взносов не производилось, все оборудование артели предоставляло государство в лице Областьрыбы или Райрыбы (бесплатно или сдавало в наем), взамен большую часть улова артель была обязана сдать государству по определенной цене. Таким образом, артель полностью теряла какую-либо независимость, превращаясь в подконтрольную государству единицу. Артель отчитывалась перед соответствующими инстанциями о ходе промысла, об изменениях внутри нее, о расходовании операционных средств, полученных от государства. Каждый из членов организации принимал участие в ее работе только личным трудом. Если какая-либо группа ловцов не выполняла план по добыче, то ответственность ложилась на всех членов артели, а не только на эту группу. В этом случае недостаток плана по одному виду промысла старались заменить другим видом добычи¹⁰. В отличие от дореволюционного периода, когда образование артели на мурманских рыбных промыслах осуществлялось частными лицами, в советский период государство активно участвовало в этом процессе.

На Мурмане, в каждом портопункте, государство в лице Райрыбы и других организаций стремилось к созданию коммунальной и/или трудовой артели¹¹. Причем если в портопункте (становище, фактории) имелось более двух артелей, то государство все равно стремилось к уменьшению числа артелей, укрупняя их в процессе слияния. Возможно, осуществляя данный процесс, государство уже имело в виду будущую колхозную систему.

В тех же факториях, где малочисленность населения не позволяла создать даже одну артель и одиночные ловцы не имели возможности присоединиться к артелям в других факториях, последние заключали обязательство на сдачу уловов промысла с Райрыбой и другими организациями, после чего получали возможность снабжаться наравне с другими артелями¹².

Рыбаки, которые записывались в артели, становились на учет в Райрыбе, принимавшей на себя ряд обязательств по освобождению промышленников от трудовой и военной обязанности и т. п. Если промышленник, вступавший в артель, имел в своей собственности промысловую снасть, то он был обязан передать ее организации¹³. Рыбаки, не пожелавшие вступать в артели, а также заключать какие-либо договоры о поставке своих уловов, исключались из юридического поля промыслов. Возможность получить разрешение на лов у них была, но, если они были вне артелей или договоров, они лишались материальной базы обеспечения. Они не могли получить набор продуктов по льготным ценам, не освобождались от трудовой и воинской повинности, не получали промысловую одежду и инвентарь, не могли рассчитывать на льготный или бесплатный ремонт своего промыслового судна и т. д. Деятельность артелей регулировалась и контролировалась. Регулированию подлежала не только внутренняя жизнь артели, но и все ее контакты с какими-либо органами и учреждениями. Достигался этот контроль различными методами: изданиями нормативно-правовых документов, как местного, так и всесоюзного характера; обязательством артелей иметь и вести соответствующую документацию. Так, в частности, артель была обязана иметь следующие документы: дневная книга – документ, в который заносилось поступление в артель как финансов, так и товаров; кассовая книга – сюда вносились все денежные поступления, а также фиксировались все денежные выдачи; товарная книга – записывалось поступление в артель различных материалов для рыболовства, товаров, а также данные об уловах; книга личных счетов членов артели – расчеты артели с членами артели и между друг другом; книга счетов разных учреждений и лиц – данные о товарно-денежных отношениях артели с различными организациями и учреждениями, а также с физическими лицами вне артели; личная расчетная книжка члена артели – в ней фиксировались поступления в артель от отдельного члена артели рыбы и рыбных продуктов, а также все выдачи ему как денег, так и товаров; книга сметных расходов – фиксировались денежные поступления от государства по сметам, предоставленным артелью, и расходы по сметным ассигнованиям¹⁴.

С внедрением в практику промысла моторных ботов численный состав артелей увеличивался, что было связано с более сложным по экс-

плуатации типом судна, требовавшим большего числа людей для его эксплуатации.

В архивных документах 1920-х годов в отношении производственных объединений рыбаков на мурманских промыслах встречаются названия «бытовая» и «уставная» артель. Стоит отметить, что эти термины заменяют встречавшиеся в начале 1920-х годов понятия «коммунальная» и «трудовая» артель. Можно предположить, что эти термины равнозначны, а разница в названиях определялась общественно-политической ситуацией. Бытовые артели возникали на время промыслового сезона, объединяя ловцов посредством совместного использования промыслового судна и снасти¹⁵. Она представляла из себя команду одного конкретного судна (3–4 человека), не зарегистрированную и не оформленную юридически¹⁶. Однако артель могла заключать договоры о сдаче улова с соответствующими организациями, что автоматически влекло вовлечение ее в юридические и экономические отношения с государством. По всей видимости, бытовые артели могли возникать как из смешанного состава рыбаков (местные и пришлые), так и однородного (только из местных или только из пришлых). Одним из способов создания бытовой артели было выделение работников и соответствующего инвентаря из семейного объединения. В этом случае каждая семья выделяла одного или нескольких работников для производства лова исходя из своих возможностей. В бытовой артели все участники могли на равных паях владеть судном; если по каким-либо причинам член бытовой артели не выходил на промысел, то ему на замену, на сезон, нанимали работника со стороны. Однако не вышедшему на лов сотруднику все равно полагался пай как владельцу части судна¹⁷.

Полноценной информации о способе распределения продукта промысла между членами бытовой артели на данный момент не выявлено. Но вполне вероятно, что расчет производился путем установления паев для участников промысла и на судно. При этом за использование судна, если хозяин у судна был один, последнему могло полагаться от 5 до 25 % улова или один пай [22: 37]. При распределении продуктов улова в определенной форме могла учитываться собственность на промысловую снасть. Конкретной информации по этому вопросу на данный момент не выявлено, но косвенно этот вопрос могут подтвердить данные из карты регистрации судов, проводившейся в 1929 году Окружным земельным управлением. В данной карте имеется графа «Пайщик со снастью или без»¹⁸.

Уставные артели, наоборот, получали полное юридическое оформление, имели свой устав¹⁹. Зачастую эти организации состояли как из местных, так и из пришлых промышленников. Данное обстоятельство во многом способство-

вало тому, что этот тип артели имел короткий период существования. Для пришлых рыбаков промысловый период ограничивался сроком их пребывания на Мурмане (март – сентябрь, июнь – сентябрь), а потому местные рыбаки часто не дожидались членов своей артели из «чужаков» и промышленяли сами или приглашали иных посторонних лиц²⁰.

Еще одной причиной распада даже крепких артелей могли служить перебои в их снабжении по линии своей кооперации.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Артель, то есть промысловая единица мурманских рыбных промыслов, в советский период попадает под полный контроль со стороны го-

сударства. Ее деятельность регламентировалась через различные нормативно-правовые акты (уставы, предписания и т. п.) и обязательное ведение внутренних учетных документов.

2. В советский период под артелью стали понимать не только команду одного судна, осуществлявшего лов рыбы тресковых пород (традиционный объект мурманских промыслов), но и промысловые объединения различного назначения – ловцов семги, сельди, трески, работников зверобойных объединений.

3. В советский период артели стали освобождаться от необходимости самостоятельно обрабатывать улов, что способствовало высвобождению дополнительного времени для организации и ведения промысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях: Общие отчеты и предположения: с картами Белого и Северного морей. СПб., 1862. 257 с.
- ² Ефименко П. С. Народные юридические обычаи Архангельской губернии. СПб., 1877. 220 с.
- ³ Сборник материалов об артелях в России. Вып. 2. СПб.: Типография Майкова, 1874. С. 1–75.
- ⁴ О рыбных и морских звериных промыслах Архангельской губернии. Приват-доцента С.-Петербургского Университета, Младшего Зоолога Музея Академии Наук Н. М. Книповича (Отчет Министерству Земледелия и Государственных Имуществ по командировке 1895 года). СПб.: Типография В. Киришбаума, 1897. 164 с.; Положение морских рыбных и звериных промыслов Архангельской губернии. Приват-доцента С.-Петербургского Университета Н. М. Книповича (Из отчетов Министерству Земледелия и Государственных Имуществ по командировкам 1893 и 1894 гг.). СПб.: Типография В. Киришбаума, 1895. 257 с.
- ⁵ Москаленко Б., Ковалев В. Рыбный Мурман. М.; Л.: Пищепромиздат, 1940. 132 с.; Рыбный Мурман: Сборник рассказов и очерков мурманских моряков / Под ред. Р. Липец. М.: Снабтехиздат, 1933. 398 с.
- ⁶ Алымов В. Бытовые рыбацкие артели на Мурмане // Полярная правда. 1928. № 72. С. 3; Алымов В. К. Мурманский кустарный тресковый промысел в 1925 г. Мурманск, 1926. 75 с.
- ⁷ Государственный архив Мурманской области. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 31. Л. 237.
- ⁸ ГАМО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.
- ⁹ ГАМО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 17. Л. 84.
- ¹⁰ ГАМО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.
- ¹¹ ГАМО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 10. Л. 110.
- ¹² ГАМО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 10. Л. 110.
- ¹³ ГАМО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 10. Л. 111.
- ¹⁴ ГАМО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–2об.
- ¹⁵ ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 18а. Л. 213.
- ¹⁶ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 128. Л. 354.
- ¹⁷ ГАМО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 44. Л. 14.
- ¹⁸ ГАМО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
- ¹⁹ ГАМО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 17. Л. 83–84.
- ²⁰ ГАМО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам Т. А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 176 с.
2. Каменева Т., Хаустов П. Богатства Мурман – народу. Мурманск, 1961. 70 с.
3. Каменева Т., Хаустов П. Вашим именем строим, работаем и живем. Мурманск, 1968. 223 с.
4. Киселев А. А., Краснобаев А. И. История мурманского тралового флота. 1920–1970. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1973. 304 с.
5. Киселев А. А. Социалистическая индустриализация Европейского Севера СССР (1926–1940 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1974. 383 с.
6. Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск, 1977. 224 с.
7. Климов Ю. Н. В суровые годы двадцатые. Большевики Северо-Запада в борьбе за проведение нэпа в 1921–1925 гг. Мурманск, 1968. 236 с.
8. Корблев Н. А. Покрут на мурманских рыбных промыслах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск, 1974. С. 119–129.
9. Корблев Н. А. Условия труда и быта покрученников на мурманских рыбных промыслах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1977. С. 149–159.
10. Корблев Н. А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века. Петрозаводск: Карелия, 1980. 128 с.
11. Никонов С. А. Промысловые артели «мурманщиков» Николо-Корельского монастыря в XVII–XVIII веках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7 (128). Т. 1. С. 33–38.
12. Никонов С. А. Покрут промышленных людей на мурманский рыбный промысел Николо-Корельского монастыря во второй половине XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 7 (136). Т. 1. С. 17–22.

13. Никонов С. А. Промысловые владения Троицкого Печенгского монастыря на мурманском берегу во второй половине XVI–XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 1 (146). С. 7–11.
14. Очерки истории мурманской организации КПСС. Мурманск, 1969. 462 с.
15. Пятковский В. П. Социалистическое преобразование Кольского полуострова в годы первой пятилетки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964. 23 с.
16. Силин В. В. К вопросу о социально-экономической природе кооперации в переходный период от капитализма к социализму (на примере бытовой артели рыбаков Мурманской области) // Вестник Ленинградского университета. Экономика, философия, право. 1972. № 23. Вып. 4. С. 32–39.
17. Ушаков И. Ф. Покрут на мурманских рыбных промыслах (в свете высказываний В. И. Ленина) // Ученые записки Ленинградского ордена трудового красного знамени государственного педагогического университета им. А. Н. Герцена. 1969. Т. 426. С. 95–120.
18. Ушаков И. Ф. Избранные произведения: В 3 т.: Историко-краеведческие исследования. Мурманск: Кн. изд-во, 1997. Т. 1: Кольская земля. 648 с.
19. Юрченко А. Ю. Тресковый промысел поморов на Мурмане: развитие артельных отношений // Тейлоровские чтения: X юбилейная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Мурманск, 2002. С. 6–13.

Panov D. A., Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation)

ARTEL ON THE MURMANSK FISHERY DURING THE SOVIET PERIOD (THE 1920TH)

One of the least studied subjects of the regional history of Murman, the artel, is considered in the article. The process of social and economic changes in the activity of the main unit of the Murmansk fisheries is researched. An attempt to consider the role of the state in all fields of the artel's activity is made. The role of the state was followed from the moment of artel's organization to the final stage of the catch's sale. The author gives definitions of the term artel and describes its distinctive features characteristic of the pre-revolutionary and the Soviet periods. The role played by the state in the trade organization process, in the food and trade stock supply for artels is analyzed. The article studies conditions under which applicants could become members of the artel. The rights and responsibilities of the artel members are analyzed. The article contains the archival data, many of which are introduced into the scientific circulation for the first time. On the basis of this archival material an attempt to conduct a comprehensive study on the activities of the Murmansk fisheries' artels is made. During the Soviet period the state played a paramount role in all processes of trade organization. The state promoted the artel as a main trade and socio-economic unit of Murmansk fisheries. The process was conducted through the system of local authorities and state enterprises. The artel received its legal basis for the first time during the Soviet period. The circle of people who could join the artel was defined in details. The rights and responsibilities of the artel members were specified. During the Soviet period the artel's activity had a complex character. The artel members could not only catch red cod fish, as it was practiced in pre-revolutionary time, but they could also catch flounder fish, and marine mammals.

Key words: artel, trade, share, charter, catch, Murman

REFERENCES

1. Bernshtam T. A. Pomory: formation of the group and the system of economy. Leningrad, 1978. 176 p. (In Russ.)
2. Kameneva T., Khaustov P. Wealth of Murman – to the people. Murmansk, 1961. 70 p. (In Russ.)
3. Kameneva T., Khaustov P. Your name is building, working and living. Murmansk, 1968. 223 p. (In Russ.)
4. Kiselev A. A., Krasnobaev A. I. History of the Murmansk trawling fleet. 1920–1970. Murmansk, 1973. 304 p. (In Russ.)
5. Kiselev A. A. Socialist industrialization of the European North of the USSR (1926–1940 gg.): Dis. Doct. Hist. Sciences. Leningrad, 1974. 383 p. (In Russ.)
6. Kiselev A. A., Klimov Yu. N. Murman in the days of the revolution and civil war. Murmansk, 1977. 224 p. (In Russ.)
7. Klimov Yu. N. In the harsh years of the twenties. Bolsheviks of the North-West in the struggle to conduct NEP in 1921–1925. Murmansk, 1968. 236 p. (In Russ.)
8. Korablev N. A. Hiring in in the Murmansk fisheries (second half of the XIX century). *Questions on the history of European North. Interuniversity scientific collection*. Petrozavodsk, 1974. P. 119–129. (In Russ.)
9. Korablev N. A. Conditions of work and life of rotten workers in Murmansk fisheries (second half of the XIX century). *Questions on the history of European North. Intercollegiate collection*. Petrozavodsk, 1977. P. 149–159. (In Russ.)
10. Korablev N. A. Social and economic history of Karelian Pomorze in the second half of the XIX century. Petrozavodsk, 1980. 128 p. (In Russ.)
11. Nikonov S. A. Commercial artifacts of the “Murmanshikov” of Nikolo-Korel Monastery in the 17th–18th centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities*. 2012. № 7 (128). Vol. 1. P. 33–38. (In Russ.)
12. Nikonov S. A. The turn of industrial people to the Murmansk fishery of St. Nicholas-Korel Monastery in the second half of the XVII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities*. 2013. № 7 (136). Vol. 1. P. 17–22. (In Russ.)
13. Nikonov S. A. The fishing grounds of Troitsky Pechenga Monastery on the Murmansk shore in the second half of the 16th–17th century. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities*. 2015. № 1 (146). P. 7–11. (In Russ.)
14. Essays on the history Murmansk organization of the CPSU. Murmansk, 1969. 462 p. (In Russ.)
15. Pyatovsky V. P. Realization of the Lenin program for the development of the productive forces of the European North of the USSR (1917–1941): Author's abstract. dis. Doct. Hist. Leningrad, 1974. 42 p. (In Russ.)
16. Silin V. V. On the question of the socioeconomic nature of cooperation in the transition period from capitalism to socialism (on the example of the household artel of fishermen of the Murmansk region). *Bulletin of Leningrad University. Economics, Philosophy, Law*. 1972. No 23. Issue 4. P. 32–39. (In Russ.)
17. Ushakov I. F. Hiring in Murmansk fisheries (in the light of the statements of V. I. Lenin). *Scientific notes of the Leningrad Order of the Labor Red Banner of the State Pedagogical University named after A. N. Gerzen*. 1969. Vol. 426. P. 95–120. (In Russ.)
18. Ushakov I. F. Selected works in 3 t: Historical and regional studies. Murmansk, 1997. Vol. 1: The Kola Land. 648 p. (In Russ.)
19. Yurchenko A. Yu. Tresovy fishing of pomors on Murman: development of art relations. Taylor Readings: X anniversary scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists. Murmansk, 2002. P. 6–13. (In Russ.)

Поступила в редакцию 30.10.2017

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки восточного факультета, директор Центра изучения Китая, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
n.samoylov@spbu.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КВЖД И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ*

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) и город Харбин сыграли важную роль в истории Северо-Восточного Китая. Они не только оказали воздействие на экономическое и политическое развитие данного региона, но и смогли стать существенным фактором в культурном взаимодействии между китайским и русским населением, активно влияя на формирование образа России и русских в Китае. Формирование и развитие образа зависят от множества факторов, включая визуальные объекты. В этом контексте архитектурные памятники и инженерные сооружения, особенно если они тщательно сохранены, занимают важное место в дискурсе исторической памяти. В настоящее время отношение к иностранному наследию в Китае в целом изменилось. В частности, существенно меняется оценка того, что привнесли в Китай иностранцы. Все это относится и к тому, что сохранилось из российских построек в Харбине и на линии КВЖД. Архитектурное и инженерно-строительное наследие КВЖД в последнее время становится объектом научных исследований в Китае. В статье также рассматриваются некоторые другие аспекты влияния российского присутствия на повседневную культуру Северо-Восточного Китая, которые ощущаются и сегодня. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью изучения особенностей формирования и развития взаимных образов России и Китая на различных этапах истории и в разных регионах, в связи с тем что подобные образы и стереотипы могут оказывать воздействие на двусторонние отношения. Научная новизна состоит в том, что влияние исторического наследия КВЖД на формирование образа России на Северо-Востоке Китая до настоящего времени не изучалось.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, Харбин, Северо-Восточный Китай, культурное наследие, образ России

ВВЕДЕНИЕ

Источниками формирования и развития исторической памяти являются самые разнообразные факторы, в том числе монументальная традиция, памятники архитектуры, строительные объекты и инженерные сооружения, особенно если они бережно сохраняются для потомков. Формирование и развитие образов стран и народов зависят от многих обстоятельств. В частности, все более очевидным становится воздействие на эти процессы визуальных образов. Многие материальные объекты, включая архитектурные памятники, могут оказывать на это существенное влияние.

Китайско-Восточная железная дорога была построена в 1897–1903 годах, соединив Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Вначале она принадлежала России и обслуживалась русскими железнодорожниками. В последующие годы ее владельцы менялись. С 1953 года это Харбинская железная дорога, входящая в железнодорожную сеть КНР.

История КВЖД, насыщенная большим количеством самых разных событий, сложна и драма-

тична. Эта железная дорога сыграла важную роль в жизни двух соседних стран – Китая и России. Она не только оказала влияние на экономическое и политическое развитие российского Дальнего Востока и Маньчжурии, но и способствовала возникновению процессов социокультурного характера. История ее строительства и эксплуатации, появление новых городов и железнодорожных станций, жизнь русской общины в Харбине и полосе отчуждения КВЖД – все это оставило заметный след как в истории российско-китайских отношений, так и в истории Китая.

ОЦЕНКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ КВЖД

На протяжении последних десятилетий в России, Китае и на Западе появилось большое количество публикаций как мемуарного, так и научного характера, посвященных истории КВЖД и российскому присутствию в Северо-Восточном Китае в первой половине XX века. Наибольшее внимание российских исследователей привлекает жизнь русской эмиграции в Харбине и на линии КВЖД. Чаще всего эти сюжеты рассматриваются в контексте изучения истории русской эмиграции

в качестве существенного аспекта формирования послереволюционного «русского мира».

В китайской историографии до недавнего времени основной упор делался на изучении политики царской России и СССР в отношении Северо-Восточного Китая, а КВЖД рассматривалась как инструмент этой политики. Вопрос межкультурного взаимодействия китайского населения Маньчжурии и россиян в этих работах почти не затрагивался. В исторической науке КНР доминировала оценка политики царской России в данном регионе как «империалистической» и «колонизаторской», а КВЖД и Харбин именовались «продуктами колониализма». Такие определения вплоть до начала XXI века были характерны как для научных изданий, так и для школьных учебников и комментариев к музейным экспозициям.

Некоторые китайские исследователи, признавая, что Харбин был основан и на первом этапе строился исключительно русскими, утверждали, что при этом «Россия фактически колонизировала огромную территорию Китая, где и построила русский город Харбин» [3: 97], который «был российской колонией не только в глазах русских офицеров, но и в глазах большевиков» [3: 98]. При этом фактически отрицалось то, что между русскими и китайскими жителями Харбина и других населенных пунктов на линии КВЖД происходило какое-либо культурное взаимодействие, и утверждалось, что, «живя много лет в одном городе и не зная языка друг друга, россияне и китайцы не имели возможности взаимно обогатиться» [3: 101].

Даже в работах, посвященных культурному наследию Северо-Восточного Китая, китайские авторы 1980–1990-х годов стремились подчеркнуть агрессивность политики царской России. Так, например, известный исследователь архитектуры Харбина Чан Хуайшэн в своей книге, посвященной истории градостроительства и архитектурного наследия, также стремился придерживаться соответствующих исторических оценок. В самом начале своей работы он отмечал, что «КВЖД была продуктом неравноправного русско-китайского договора» [13: 2], в результате которого царская Россия узурпировала всю политическую, экономическую и законодательную власть на территории Северо-Восточного Китая, а сохранившиеся старинные здания являются историческими доказательствами «империалистической агрессии царской России против Китая» [13: 2]. Направленность этой агрессии он тесно увязывал с историей строительства Харбина и с созданием его неповторимого архитектурного облика: «Русские колонизаторы, вспоминая родные места, решили превратить Харбин в подобие своей древней столицы Москвы. И первым делом построили церкви» [13: 3].

Белорусская исследовательница истории КВЖД Н. Е. Аблова в свое время указывала на то, что в целом для китайской историографии

характерно замалчивание положительного значения строительства КВЖД для развития экономики Северо-Восточного Китая, преувеличение агрессивности политики царской России на Дальнем Востоке [1: 24].

Подобные оценки, характерные для китайских авторов того времени, вызывали резкие возражения в российской историографии.

Западные историки традиционно рассматривают строительство русскими КВЖД как неотъемлемую часть российской колониальной экспансии в Китае, а Харбин – в качестве форпоста проникновения России в страны Дальнего Востока. Вместе с тем американский исследователь Дэвид Вольф отмечает, что порядки в городе были более либеральными, чем в России, и обращает внимание на распоряжение Николая II, подписанное им под давлением министерства финансов и гарантировавшее равные права представителям разных религиозных конфессий. В результате этого в Харбине возникли процветающие общины поляков и евреев, которые, в отличие от подобных общин на территории России, не подвергались дискриминации [8: 114].

В связи с этим следует сказать, что отечественные историки советского периода в основном придерживались единой точки зрения в оценках исторического значения КВЖД для развития торгово-экономических связей на Северо-Востоке Китая, распространения технических знаний и культурного взаимодействия народов России и Китая. В качестве примера можно привести мнение одного из ведущих советских китаеведов того времени, директора Института Дальнего Востока АН СССР М. И. Сладковского, который писал, что китайская сторона также получила определенные выгоды от постройки КВЖД:

С точки зрения долговременных перспектив проведение железнодорожной магистрали в Маньчжурии обуславливало быстрое промышленное развитие этого совершенно отсталого в экономическом отношении края, вызывало приток населения в малонаселенные местности, развитие торговли и строительства, создание новых городов и поселков [6: 85].

И с этим трудно не согласиться. На рубеже 1980–1990-х годов стало появляться множество работ, посвященных истории КВЖД, Харбина и русского присутствия в Маньчжурии, в том числе написанных теми исследователями, кто сам родился и долгие годы жил в Харбине или на линии КВЖД и видел многое своими глазами. Их оценки исторической роли и значения КВЖД, а также процесса взаимодействия и взаимообогащений двух культур, русской и китайской, были в основном позитивными.

Уроженец Харбина, доктор исторических наук Г. В. Мелихов в своей чрезвычайно интересной книге «Маньчжурия далекая и близкая», во многом основанной на личных наблюдениях и

воспоминаниях, отмечал важную культурную и просветительскую роль, которую сыграли Китайско-Восточная железная дорога и город Харбин «в широком взаимообогащении и взаимовлиянии двух великих культур – русской и китайской» [5: 267]. По его мнению, «не существовало никаких искусственных перегородок между русским и китайским населением», все достижения русской и европейской науки, техники, культуры становились достоянием как русского, так и китайского населения. Он приводит примеры заимствования опыта и приемов выращивания различных сельскохозяйственных культур, взаимопроникновения бытовой культуры и т. д.: «Вся история дороги – прекрасная иллюстрация того простого факта, что она была построена и функционировала в интересах двух соседних народов – русского и китайского» [5: 268].

В книге еще одной уроженки Харбина Е. П. Таскиной [7] также приводится множество реальных примеров дружбы и совместной деятельности русских и китайцев в Харбине и на КВЖД, очевидцем которых была автор книги. Русские открывали гимназии, училища, институты, в которых обучались на русском языке не только русские, но и китайцы. И есть много примеров того, что китайцы, окончившие эти учебные заведения в Харбине, в дальнейшем успешно работали по полученной специальности.

КВЖД КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

По нашему убеждению, можно с полной уверенностью говорить о том, что Китайско-Восточная железная дорога сыграла уникальную роль в социокультурном развитии Северо-Восточного Китая. КВЖД не только оказала благотворное влияние на развитие экономики, рост народонаселения и другие стороны общественной жизни Маньчжурии, но и стимулировала разнообразную культурно-просветительскую деятельность в крае.

Строительство и эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги дали толчок развитию производительных сил данного района, обусловили возникновение новых отраслей промышленности, расширили экспортные возможности края. КВЖД способствовала интенсивному развитию торговли на Северо-Востоке Китая и связала Маньчжурию с мировым рынком. Внешняя торговля Северо-Восточного Китая стала развиваться благодаря экспорту бобовых культур, и прежде всего – сои, которую продавали в США, европейские страны и другие регионы. Русские построили в Маньчжурии различные фабрики и заводы, лесопильни, механические мастерские, первые мукомольные предприятия. Строительство и эксплуатация КВЖД повлияли на развитие пароходства на реке Сунгари.

КВЖД сыграла совершенно особую роль в деле развития народного образования в мань-

чжурском крае как для русского, так и для китайского населения. Руководство КВЖД с первых лет существования дороги открывало и русские, и китайские школы. В Харбине появились высшие и средние специальные учебные заведения, созданные россиянами, в результате чего на территорию Китая была перенесена российская образовательная модель. Именно русскими эмигрантами был создан знаменитый Харбинский политехнический институт, входящий сегодня в число самых престижных вузов КНР. В Харбине и других городах Северо-Восточного Китая стали выходить русскоязычные газеты и другие печатные издания. В то же время администрация КВЖД инициировала выпуск газеты на китайском языке – «Юаньдун бао».

До появления русских большинство современных зерновых культур, овощей и бахчевых культур на Северо-Востоке Китая было неизвестно. В то же время проживавшие там китайцы обладали уникальным опытом ведения сельского хозяйства в местных условиях, который активно стал использоваться поселившимися там россиянами. Китайцы на Северо-Востоке выработали ценные практические навыки в земледелии, основанные на тщательном учете всех почвенных и климатических условий края. Русские изучали эти китайские методы и активно ими пользовались, занимаясь сельским хозяйством.

Земледелие получило развитие в первую очередь в полосе отчуждения КВЖД. Управление железной дороги оказывало русским и китайским крестьянам значительную помощь, предоставляло льготы.

Процесс интенсивного восприятия русской культуры земледелия китайцами также происходил по всей территории Северо-Востока. Масштабы этого влияния постоянно росли: в сельском хозяйстве внедрялись новые виды и сорта сельскохозяйственных растений, китайские крестьяне активно заимствовали эти культуры и опыт их возделывания у русских земледельцев.

В конце XIX – начале XX века в Дунбэ становятся популярными русские сорта картофеля, помидоров, огурцов, белокочанной капусты. В повседневном рационе китайцев появились русские огородные растения: репчатый лук, брюква, петрушка, укроп, хрен. Была акклиматизирована рожь – культура, до того времени совершенно неизвестная местным жителям. Распространились посевы льна, что было стимулировано производством тканей, популярных среди европейского населения Маньчжурии [2: 143–146].

Появление такой технической культуры, как хмель, было тесно связано с началом производства знаменитого харбинского пива, датой появления которого принято считать Год *Гэнцзы* (то есть 1900 год). В сегодняшнем Харбине убеждены, что это пиво имеет русское происхождение,

а первая пивоварня была основана российским подданным¹.

В Харбине стали выпекать и продавать русский хлеб, к употреблению которого постепенно приобщались местные китайцы и который по сей день остается своеобразным символом Харбина.

Но особенно большое значение для экономики Северо-Восточного Китая имело начало возделывания в данном регионе сахарной свеклы. Сегодня этот район известен своими свекловичными плантациями, а Харбин и близкие к нему уезды Ачэн и Хулань являются признанными центрами производства свекловичного сахара. Начальный импульс к созданию маньчжурской сахарной промышленности был дан русскими предпринимателями, построившими в 1908 году два первых сахарных завода: в городе Ачэн и уезде Хулань. Русские агрономы произвели первые опытные посадки свеклы, которые принесли хорошие урожаи. Так было положено начало совершенно новым тенденциям в экономической и социокультурной жизни северо-восточных провинций Китая.

Соприкоснувшись с русскими переселенцами, некоторые китайцы стали употреблять в пищу молоко и молочные продукты, следствием чего стало разведение молочных пород крупного рогатого скота, что, в свою очередь, в дальнейшем стимулировало возникновение на Северо-Востоке Китая новых отраслей хозяйства – молочного животноводства и мясо-молочной промышленности.

Русские садоводы занимались разведением в Маньчжурии различных сортов яблонь, груш, слив и ягодных кустарников, многие из которых появились в этом регионе впервые. Плодоводство и выращивание садовых ягод с этого времени стало важной отраслью сельского хозяйства Северо-Восточного Китая.

Существенную роль в деле распространения на Северо-Востоке Китая принципиально новых сельскохозяйственных технологий, современных машин и механизмов, а также проведения просветительской работы среди сельского населения сыграло Маньчжурское сельскохозяйственное общество, созданное в 1912 году. В то же время это общество занималось изучением и пропагандой в России опыта выращивания сельскохозяйственных культур, накопленного китайским крестьянством. Например, в 1913 году на выставку в Петербург были посланы образцы семян более 50 сельскохозяйственных культур, выращиваемых китайцами в Дунбэе. На выставке в Хабаровске 1913 года особый отдел павильона КВЖД был посвящен демонстрации китайских сельскохозяйственных орудий и моделей китайских предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. По мнению организаторов экспозиции, высокая приспособленность китайских методов земледелия к особенностям почвы и климата

Маньчжурии должна была изучаться и использоваться русскими земледельцами [5: 270].

Показательно, что в речь местного населения Северо-Восточного Китая вошло большое количество русских слов, многие из которых и сегодня используются в разговоре и непонятны китайцам, живущим в других регионах страны. Самое популярное из этих слов – *леба* (фонетическая передача русского слова *хлеб*) – огромный каравай, который выпекают только в Харбине по старым русским рецептам и продают в магазине «Чурин», носящем имя известного русского купца. Часто харбинцы называют этот каравай: *да леба*, прибавляя к русскому слову «хлеб» китайское слово *да*, что значит «большой», и подчеркивая тем самым его огромный размер. В том же магазине можно купить и небольшую булочку с изюмом – *сайицзя* (русская сайка) и прохладительный напиток – *гэвасы* (квас). Кроме того, в языке харбинцев существовали и по сей день встречаются такие слова, как *вэйтэло* – ведро, *субо* – суп, *симидань* – сметана, *сухэйли* – сухари, *гэлань* – кран, *хулигань* – хулиган, *мадама* – мадам (обращение к женщине).

Однако необходимо отметить, что процесс культурного обогащения был взаимным: многих россиян, поселившихся в Китае, также привлекала богатейшая самобытная материальная и духовная культура китайского народа, с которой они соприкоснулись в Маньчжурии. Эта культура проникала в жизнь русской общины, а полезный местный китайский опыт перенимался русскими предпринимателями. В речи русских харбинцев и особенно тех, кто жил в небольших поселениях на линии КВЖД, присутствовало много китайских слов.

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КВЖД СЕГОДНЯ

В последние годы в Китайской Народной Республике коренным образом меняется отношение к историческому наследию, оставленному иностранцами на протяжении длительного периода времени, к влиянию других стран и народов на Китай, к деятельности западных миссионеров. В особенности это относится к оценкам значимости для Китая тех достижений науки, техники и культуры, которые в свое время принесли с собой иностранцы. В последние годы в КНР можно заметить проявление бережного отношения к архитектурным сооружениям как культурного, так и светского характера, построенным в Китае иностранцами. Все это в полной мере относится и к историческому наследию КВЖД, которое постепенно становится неотъемлемой частью общекультурного наследия Китая и тем самым влияет на формирование позитивного образа России и русских в современной Китайской Народной Республике.

В работах китайских историков, опубликованных за последние полтора десятка лет, мож-

но увидеть множество весьма положительных оценок роли российского присутствия на Северо-Востоке Китая. В особенности в социокультурной сфере.

Целый ряд китайских ученых в настоящее время высоко оценивают культурное влияние русской общины Харбина. Ли Шусяо отмечал, что имена русских художников и архитекторов должны быть вписаны в историю этого города [4], а упоминавшийся выше Чан Хуайшэн назвал Харбин «сплавом культуры человечества» [13]. В исследованиях последних лет историки КНР стремятся взвешенно и объективно подойти к анализу места и роли российского присутствия в Харбине и на КВЖД. Очень показательным в этом отношении фундаментальное коллективное исследование «История русской эмиграции в Харбине», авторы которого указывают на то, что «русская промышленность стимулировала социально-экономическое развитие Харбина», «культурная деятельность русской эмиграции способствовала развитию харбинской и мировой культуры», а «революционная агитация и революционная деятельность русских эмигрантов оказали воздействие на развитие рабочего движения в Китае» [14: 605–606].

Люй Тунцзюй в своей книге, посвященной истории и современному дню Порт-Артура (китайское название этого города – Люйшунь), являвшегося конечным пунктом Китайско-Восточной железной дороги, дает весьма взвешенную оценку событий конца XIX – начала XX века и политики царской России в этом регионе, в то время как Япония он обвиняет в «кровавых злодеяниях», в частности в массовом убийстве почти 20 тысяч китайцев – жителей Люйшуна в 1894 году [10: 119]. Стоит также отметить, что Люй Тунцзюй в своей книге с признательностью пишет о «воинах Советской Армии, погибших при освобождении Китая от японских захватчиков во время 2-й мировой войны» и о советских летчиках, «погибших в 1950–1953 гг. при оказании помощи Кореи в борьбе против американской агрессии» [10: 121]. Многие из них погибли и были похоронены в Порт-Артуре. Сегодня советские воинские захоронения бережно сохраняются жителями Люйшуна.

В последнее время китайские авторы стали активно обращаться к изучению русской культуры в Китае и ее взаимодействию с китайской культурой в исторической перспективе. В этом плане очень показательна монография Тан Гэ «Русская культура в Китае – исследование антропологии и истории» [11], в которой автор приводит подробный анализ истории распространения русской культуры в Северо-Восточном Китае. Отдельные главы его книги посвящены взаимодействию и взаимовлиянию русской и китайской культур в Харбине, распространению русской культуры в окраинных районах Маньчжурии, особенностям

распространения православия в этом регионе Китая и даже влиянию русской культуры на культуру китайских эвенков.

В Китае в целом, а на Северо-Востоке в особенности сегодня резко возрос интерес к русской культуре, включая и те ее элементы, которые сохранились на территории Китая. Если в предшествующие периоды, особенно в эпоху так называемой Культурной революции, многое безжалостно уничтожалось (например, хунвэйбинами был до основания разрушен Свято-Николаевский кафедральный собор в центре Харбина), то сегодня все бережно сохраняется.

В последние годы в Харбине восстановлены все сохранившиеся православные храмы. В церкви Покрова Пресвятой Богородицы возобновляются службы, а в Софийском соборе, ставшем своего рода визитной карточкой города, размещен музей архитектуры Харбина. Гражданские здания, построенные во времена русского присутствия, реконструируются и обновляются. Когда городские власти хотели разобрать один из мостов, относившихся к инфраструктуре КВЖД, жители Харбина встали на его защиту и добились его сохранения.

В настоящее время архитектурные и инженерно-строительные сооружения той эпохи стали неотъемлемой частью культурно-исторического наследия Северо-Восточного Китая и воспринимаются жителями этого региона как часть их культурной идентичности. Издается большое количество книг и статей, популяризирующих русское историческое наследие и историю русского присутствия в Китае (например, [9]). А это, в свою очередь, стимулирует рост интереса к России и русской культуре и способствует формированию позитивного образа России.

Все сказанное в полной мере относится и к тому, что сохранилось из русских построек периода КВЖД не только в Харбине. В китайской печати, в частности в главной провинциальной газете «Хэйлунцзян жибао», периодически появляются статьи, посвященные «историческому наследию КВЖД». Началось активное выявление построек, относящихся к периоду КВЖД, с целью их регистрации, сохранения и последующей реставрации (к настоящему времени выявлено примерно 800 объектов). Архитектурно-строительное наследие КВЖД становится объектом всестороннего научного изучения. В этих целях в Харбинском политехническом университете при участии СПбГУ создан Центр по изучению и охране культурного наследия КВЖД.

В 2015 году в Китае был опубликован официальный список тридцати исторических и культурных улиц-памятников страны. Из большого числа улиц Северо-Восточного Китая была выбрана и включена в этот перечень Русская улица (罗西亚大街) в городке Аньанси (昂昂溪, ныне пригород Цицикара) как часть исторического

наследия бывшей Китайско-Восточной железной дороги [12]. На этой улице длиной в полтора километра расположено более 100 памятников русской архитектуры, включая железнодорожный вокзал, сооруженный в 1903 году, которые представляют собой своеобразный архитектурный ансамбль, построенный в характерном для провинциальной России того времени стиле. Данный архитектурный ансамбль расположен по обеим сторонам Русской улицы и достаточно хорошо сохранился. В начале XX века в Аньанси работало большое количество русских железнодорожников, поэтому рядом с железнодорожным вокзалом появился квартал их компактного проживания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении следует отметить, что население Северо-Восточного Китая все более вос-

принимает историческое, и прежде всего архитектурно-строительное, наследие КВЖД как неотъемлемую часть общего социокультурного наследия данного региона, что также способствует росту интереса к культуре современной России и формированию ее позитивного образа. Кроме того, следует вспомнить о том влиянии, которое русское присутствие оказало на бытовую культуру жителей Северо-Восточного Китая, на развитие промышленности и сельского хозяйства в этом регионе.

Сегодня культурное наследие КВЖД постепенно становится фактором исторической памяти. В России это результат воздействия многочисленных публикаций о Харбине, КВЖД и русской эмиграции в Китае. В КНР – результат активной работы по восстановлению архитектурно-строительного наследия Китайско-Восточной железной дороги и роста интереса местного населения к сложной истории своего региона.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17–21–49001а(м) («Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности»).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ 哈尔滨啤酒. 历史沿革 [Харбинское пиво. История]. Available at: <https://baike.baidu.com/item/%E5%93%88%E5%B0%94%E6%BB%A8%E5%95%A4%E9%85%92> (accessed 20.12.2017). Следует заметить, что в последнее время в польских СМИ появились заметки, в которых без ссылок на источники утверждается, что создателем первой пивоварни в Харбине был поляк Врублевский – подданный Германии. См.: Lubina M. Harbin: w poszukiwaniu nostalgii. Available at: http://www.mojeopinie.pl/harbin_w_poszukiwaniu_nostalgii,3,1258812084 (accessed 20.12.2017). Данная версия перекочевала в англоязычную и русскоязычную версии Википедии с добавлением, что он был родом из города Тарчин «в прусской Польше». Справедливости ради следует указать на то, что город Тарчин находится в 30 км от Варшавы и в то время входил в состав Царства Польского, то есть в Российскую империю. В китайской версии Википедии создатель пивоварни в Харбине Врублевский назван «российским купцом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А б л о в а Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М.: НП ИД «Русская панорама», 2005. 432 с.
2. Б е л о г л а з о в Г. П. Русский фактор в сельскохозяйственном комплексе Маньчжурии (10–20-е годы XX в.) // Общество и государство в Китае: 27-я научная конференция. М.: ИВ РАН, 1996. С. 143–146.
3. Л и М э н. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.
4. Л и Ш у с я о. Деятельность Харбинской православной епархии // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая. Исторический опыт и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С. 174.
5. М е л и х о в Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1991. 320 с.
6. С л а д к о в с к и й М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917–1974 гг. М.: Внешторгиздат, 1957. 455 с.
7. Т а с к и н а Е. П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.
8. W o l f f D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria: 1898–1914. Stanford: Stanford University Press, 1999. 255 p.
9. 百年邮政明信片的中国. 哈尔滨: 哈尔滨工业大学出版社, 2006. 318 页. [Китай на почтовых открытках 100 лет назад. Харбин, 2006. 318 с.].
10. 吕同举. 神秘的旅顺. 北京: 中国旅游出版社, 2009. 135 页. [Люй Тунцзюй. Загадочный Порт-Артур. Пекин, 2009. 135 с.].
11. 唐 戈. 俄罗斯文化在中国 – 人类学于历史学的研究. 哈尔滨: 北方文艺出版社, 2012. 296 页. [Тан Гэ. Русская культура в Китае – исследование антропологии и истории. Харбин, 2012. 296 с.].
12. 齐齐哈尔市俄罗斯大街入选第一批中国历史文化街区 [Русская улица в городе Цицикаре вошла в первую группу объектов историко-культурного наследия Китая]. Available at: <http://hlj.people.com.cn/n/2015/0423/c220024-24610029.html> (accessed 20.12.2017).
13. 常怀生. 哈尔滨建筑艺术. 哈尔滨: 黑龙江科学技术出版社, 1990. 298 页. [Чан Хуайшэн. Архитектура Харбина. Харбин, 1990. 298 с.].
14. 石方、刘爽、高凌. 哈尔滨俄侨史. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2003 [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. История русских эмигрантов в Харбине. Харбин, 2003. 610 с.].

Samoylov N. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

HISTORICAL HERITAGE OF CHINESE EASTERN RAILWAY AND FORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN THE NORTHEAST OF CHINA

The Chinese Eastern Railway (CER) and the city of Harbin historically played an important role in Northeast China. The CER had a great influence on the economic and political development of that region and also became an important factor in the cultural interaction between the Chinese and the Russians. The CER exerted an active influence on the formation of the image of Russia and Russians in China. The image formation and development depend on numerous factors including visual objects. In this context architectural monuments and engineering structures, especially if they are carefully preserved, occupy an important place in the historical memory discourse. Nowadays, the attitude of the Chinese to the foreign heritage has generally changed. In particular, this refers to the evaluation of the achievements brought to China by foreigners and their significance for the country. This also applies to the preserved Russian buildings located in Harbin and along the line of the CER. The architectural and construction heritage of the CER nowadays becomes an object of studies in China. In addition, the article discusses some other aspects of the effect of the Russian presence on the everyday culture in Northeast China, which the Chinese continue to preserve today. The relevance of the article arises from the need to study the formation and development of Sino-Russian mutual images at different stages of the history and in different regions, since these images and stereotypes inevitably affect bilateral relations. The novelty of the article lies in the fact that the influence of the historical heritage of the CER on the formation of the image of Russia in the Northeast of China has not been studied so far.

Key words: Chinese Eastern Railway, Harbin, Northeast China, cultural heritage, image of Russia

REFERENCES

1. A b l o v a N. E. Chinese Eastern Railway and Russian emigration in China: International and political aspects of history (First half of the 20th century). Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.)
2. B e l o g l a z o v G. P. The Russian factor in Manchurian agriculture (1910s–1920s). State and Society in China: The 27th Annual Conference. Moscow, 1996. P. 143–146. (In Russ.)
3. L i M e n g . Harbin is a product of colonialism. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1999. No 1. P. 96–103. (In Russ.)
4. L i S h u x i a o . Activities of Harbin Orthodox Eparchy. *Russian Far East and Northeast China. Historical experience and prospects for cooperation*. Khabarovsk, 1998. P. 174. (In Russ.)
5. M e l i k h o v G. V. Manchuria far and near. Moscow, 1991. 320 p. (In Russ.)
6. S l a d k o v s k y M. I. History of Soviet-Chinese trade and economic relations. 1917–1974. Moscow, 1957. 455 p. (In Russ.)
7. T a s k i n a E. P. Unknown Harbin. Moscow, 1994. 192 p. (In Russ.)
8. W o l f f D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria: 1898–1914. Stanford: Stanford University Press, 1999. 255 p.
9. 百年邮政明信片的中国。哈尔滨：哈尔滨工业大学出版社，2006。318 页。[China on postcards 100 years ago. Harbin, 2006. 318 p.]
10. 吕同举。神秘的旅顺。北京：中国旅游出版社，2009。135 页。[Lü Tongjū. Mysterious Lüshun. Beijing, 2009. 135 p.]
11. 唐戈。俄罗斯文化在中国 – 人类学于历史学的研究。哈尔滨：北方文艺出版社，2012。296 页。[Tang Ge. Russian culture in China – a study of anthropology and history. Harbin, 2012. 296 p.]
12. 齐齐哈尔市罗西亚大街入选第一批中国历史文化街区 [Qiqihar City Russian Street was selected into the first batch of Chinese historical and cultural objects]. Available at: <http://hlj.people.com.cn/n/2015/0423/c220024-24610029.html> (accessed 20.12.2017).
13. 常怀生。哈尔滨建筑艺术。哈尔滨：黑龙江科学技术出版社，1990。298 页。[Chang Huaisheng. Harbin architecture. Harbin, 1990. 298 p.]
14. 石方、刘爽、高凌。哈尔滨俄侨史。哈尔滨：黑龙江人民出版社，2003 [Shi Fang, Liu Shuang, Gao Ling. History of Russian emigrants in Harbin. Harbin, 2003. 610 p.]

Поступила в редакцию 26.12.2017

ЧЭНЬ БИН

аспирант кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
chengbingchina2008@rambler.ru

СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ КИТАЮ В 1950-х ГОДАХ: СОЗДАНИЕ ЧАНЧУНЬСКОГО АВТОЗАВОДА

Чанчуньский автозавод № 1 известен как колыбель автомобильной промышленности Китая. Это первый автозавод в Китайской Народной Республике. К его строительству было привлечено 26 советских проектных организаций и около 200 советских заводов и фабрик. Специалисты из СССР участвовали во всем процессе создания автозавода: они выбрали площадки для завода, спроектировали все основные объекты. Советский Союз передал необходимые производственные технологии, современное оборудование и т. д. В командировку в КНР были направлены около 200 высококвалифицированных специалистов Московского автозавода имени Сталина. Сегодня созданная на базе «Автозавода № 1» компания FAW (First Automotive Works) является крупнейшей в Китае промышленной группой по выпуску автомобилей и другой техники. В статье приводятся сведения из китайских источников, воспоминаний участников событий, акцентируется внимание на роли советских специалистов в строительстве одного из крупнейших промышленных предприятий Северо-Востока Китая. Дается комплексная оценка значимости советской помощи развивающимся странам на примере Китая. Приводятся конкретные примеры и результаты работы советских специалистов на строительстве завода в Чанчуне, и таким образом демонстрируются значение внесенного СССР вклада в промышленное развитие современного Китая и укрепление позиций Советского Союза на международной арене.

Ключевые слова: Чанчунь, автомобилестроение, промышленное развитие КНР, советская помощь, советско-китайские отношения

Тема советской помощи странам социалистического лагеря весьма интересна и актуальна. Она вновь находит свое отражение в современной исторической науке. После окончания Второй мировой войны произошли значительные сдвиги в мировой геополитике. Сформировались два противостоящих друг другу международных политических блока, в одном из которых ведущую роль играл Советский Союз. Под его эгидой развивающиеся страны мира, а также бывшие колонии получали не только финансовую помощь – советские специалисты самых разных направлений осуществляли консультационную и практическую деятельность. В первую очередь это касается проектов по развитию, а в большинстве случаев – становлению промышленного производства в этих странах. Свою помощь СССР предоставлял в самых различных сферах: при участии и активной помощи советских инженеров и рабочих появились авиационная, металлургическая, автомобилестроительная, легкая промышленность в целом ряде государств Азии и Африки. Одной из таких стран стала Китайская Народная Республика, а строительство первого автомобильного завода в городе Чанчунь – яркий пример такой помощи Советского Союза соратникам по социалистическому блоку.

В 1950-х годах было опубликовано много работ, посвященных советской помощи Китаю. Однако в последующие годы (1970–1980) эта тема не пользовалась особой популярностью. Лишь в последние десятилетия историки в своих исследованиях начинают вновь обращаться к подобным сюжетам [3]. Публикуются источники¹, появляются работы, посвященные самым разным сторонам советско-китайского сотрудничества в те годы, в том числе и абсолютно не исследованным в предшествующие периоды². Все это говорит о необходимости заново осмыслить историческое значение той поддержки, которая была оказана Советским Союзом Китайской Народной Республике.

После образования КНР (1949) Советский Союз отправил в Китай тысячи высококвалифицированных рабочих для оказания помощи в восстановлении разрушенной в годы войны экономики. В общей сложности было отправлено более 20 тыс. советских специалистов, которые внесли весомый вклад в строительство экономики КНР. Китай начал реализацию 156 проектов в оборонной промышленности, авиации, судостроении, металлургии, машиностроении, энергетике, электротехнической, химической и легкой промышленности, фармацевтике и дру-

гих областях, что заложило прочный фундамент развития современной промышленности КНР³. В промышленном производстве использовалось передовое советское оборудование, применялись современные технологии, при активной помощи советских специалистов были подготовлены инженерно-технический персонал и высококвалифицированные рабочие. В те годы руководителем многотысячной группы советских специалистов в Китае был Иван Васильевич Архипов⁴. За восемь лет работы в КНР он участвовал в осуществлении многочисленных проектов в сфере развития китайской промышленности и экономики, которые осуществлялись специалистами из СССР.

Бескорыстная помощь Китаю со стороны Советского Союза была наглядно продемонстрирована в процессе создания в Чанчуне Автомобильного завода № 1. Это был первый автозавод в Китайской Народной Республике, который заложил основной фундамент автомобилестроения в Китае.

14 февраля 1950 года был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР [2]. Последовали и другие договоры, касавшиеся проектирования и строительства Автомобильного завода. Годовой выпуск автомобилей должен был составить 30000 штук [5: 348–349]. 13 ноября 1951 года было подписано соглашение о строительстве завода между Министерством тяжелой промышленности КНР и Министерством автомобильной и тракторной промышленности СССР [5: 349–351]. Мэн Шаонун, начальник группы подготовки китайской автомобильной промышленности, вспоминает, что именно с этого момента началась стадия подготовки нового автозавода [11: 4]. Предварительно выбрали северо-восточный город Чанчунь как место размещения будущего автозавода. 10 февраля 1951 года Мэн Шаонун приехал в Чанчунь. Территория с западной стороны станции Мэнцзятунь в годы японской оккупации использовалась Квантунской армией, и многое из необходимой инфраструктуры сохранилось. В итоге окончательный выбор территории для строительства был сделан на основании плана, представленного советскими специалистами.

После окончательного определения места возведения завода началось строительство инфраструктуры. В ноябре 1951 года после подписания Соглашения о проектировании советский Государственный ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт (НАМИ) мобилизовал свыше ста специалистов, которые начали предварительное техническое проектирование автозавода, завершившееся 23 января 1953 года. Документы были отправлены в Пекин. В марте того же года Финансово-экономический комитет Госсовета КНР утвердил предварительное проек-

тирование, и техническая документация начала поступать на автозавод с 1952 года и до декабря 1954 года была почти полностью получена. Помимо Московского автомобильного завода имени Сталина, еще 25 организаций СССР участвовали в проектировании и строительстве Чанчуньского автозавода.

В начале 1953 года Мэн Шаонун вернулся из Москвы и привез важные предложения советской стороны: увеличить годовую производственную мощность, чтобы обеспечить выпуск трехсот тысяч грузовиков в год; подготовить условия для увеличения производства вдвое на будущее; увеличить финансирование на сумму семьдесят миллионов юаней; срок строительства сократить с четырех лет до трех. Мэн Шаонун также привез график строительства на три года.

Уже 27 мая 1953 года доклад, содержавший предложения, скорректированные в Министерстве тяжелой промышленности, был подан в ЦК КПК. Представленный доклад обсуждался на заседании Политбюро, где выступали Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Дэн Сяопин.

9 июня 1953 года председатель Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдун подписал Директиву об ускоренном трехлетнем строительстве Чанчуньского автозавода. ЦК КПК уведомил всех о необходимости максимальной поддержки соответствующих органов в деле строительства, чтобы завершить проект в течение трех лет [5: 347–348]. В конце июня 1953 года, заслушав доклад Премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая о начале работ по строительству автозавода, Мао Цзэдун оставил каллиграфическую надпись на камне, который предстояло заложить в фундамент завода: «Посвящена закладке фундамента Первого автомобильного завода». Таким образом, было закреплено официальное название завода, а до этого он имел лишь номер – «652» (сейчас он известен как Чанчуньский автомобильный завод № 1).

15 июля 1953 года состоялась церемония закладки автозавода. Представитель торговой делегации СССР Соловьев и главный советский специалист Сигачев присутствовали на церемонии, где выступил министр Первого министерства машиностроения КНР Хуан Цзин⁵.

Строительство автозавода шло при поддержке всей страны. Десятки тысяч добровольцев участвовали в его строительстве, в том числе группы студентов, госслужащие, военные и т. д. Министерство связи открыло горячую линию с Москвой для обеспечения бесперебойной связи. Министерство иностранных дел добавило четырех специальных курьеров для передачи материалов автозаводу. Благодаря успешной агитации и информированию из всех точек страны поступали денежные переводы на строительство, отправлявшиеся простыми гражданами КНР.

В первой половине 1955 года большая часть проекта была практически завершена. За три недели до назначенного срока – 13 июля 1956 года – первый китайский грузовик «Цзефан» («Освобождение») сошел с конвейера. 14 октября 1956 года государственная приемная комиссия подписала заключение о качественном завершении строительства автозавода. А 15 октября 1956 года в КНР был официально открыт «Автомобильный завод № 1».

В тогдaшнем Китае, когда все нуждалось в возрождении, строительство за три года полноценного автомобильного завода, каких в Китае никогда не строили, можно без преувеличения назвать подвигом. Кроме государственного обеспечения и поддержки народа всей страны, без помощи со стороны СССР создание автозавода не было бы возможным. Все чертежи и все технические данные предоставлялись советской стороной и уже с переводом на китайский язык. Из 22524 нестандартных инструментов 11941 были сделаны в СССР и представляли собой самые новые модели [5: 355]. Там же было спроектировано и изготовлено 3736 единиц различных приспособлений, 236 кузнечных штампов, 6787 наименований специального инструмента. Специалисты из Москвы возвели в Чанчуне теплоэлектроцентраль, автоматическую телефонную станцию и многое другое. В 1953 году на МосЗиСе было создано специальное управление АЗ-1 (Автомобильный завод № 1) под руководством инженера П. А. Цветкова⁶. Оно и возглавило проектные работы по Чанчуньскому автозаводу. Был составлен генеральный план завода в целом и его отдельных корпусов. Кроме того, на МосЗиСе специально был построен цех пролетом до 36 метров для испытания станков. Все оборудование для Чанчуньского автозавода проходило здесь окончательные испытания и только потом отправлялось в Китай.

Группу советских специалистов в Чанчуне возглавлял инженер Б. И. Сычев. Непосредственно запуском завода руководил начальник производства Московского автозавода А. В. Кузнецов. Согласно имеющимся документам, во время строительства автозавода советские специалисты дали 19903 письменные и устные рекомендации [5: 257–258]. Они касались как основных аспектов строительства, инфраструктуры, капитального строительства, монтажных работ, так и качества продукции, безопасности производства, экономики и т. д.

Рощин⁷ – специалист по металлоконструкциям, днем занимался пусконаладочными работами, а вечером писал лекции для китайских коллег, чтобы передать им собственные опыт и знания. Специалист по энергетическим системам – Гилев, много лет проработавший на МосЗиСе, стал первым из четверых советских специалистов, приехавших в Китай. И почти

последним он покинул китайский автозавод. Ему трижды продлевали срок договора для работы в Китае, и он проработал на заводе 1240 дней, внося большой вклад в создание первого китайского автозавода.

По плану надо было сначала построить тепловую электростанцию для обеспечения строительства в зимний период, но из-за непогоды строительство затянулось. График был нарушен, и угрожал простой строительства в зимний период. Чтобы решить эту проблему, на основе многолетней практики Гилев предложил директору Жао Биню⁸ смелый вариант решения этой проблемы: для снабжения теплом временно использовать локомотивы. Его предложение было принято, и Шэньянское железнодорожное управление предоставило 10 локомотивов и 60 котельщиков паровоза. Производственная работа продолжалась по плану. Помимо помощи в решении важных технических вопросов, деятельность Гилева нашла отражение в повседневной производственной работе. Он не только передавал знания, но также обращал внимание китайских коллег на отношение к работе [10: 8]. Про Гилева сохранилось немало воспоминаний его китайских коллег. Во второй половине 1956 года перед отъездом в СССР он очень тщательно искал кандидата на должность главного энергетика вместо себя. Через главного инженера Го Ли он рекомендовал кандидатуру Цзян Цзэминя⁹. Руководители одобрили его предложение. В 1958 году Цзян Цзэминь был назначен заместителем директора по энергетике и работал как главный энергетик всего завода. А через 35 лет Цзян Цзэминь стал главой всей страны.

Советские специалисты принесли с собой на автозавод не только технологию, но и опыт управления. Они приехали в Китай «преподавать», а китайские сотрудники поехали в СССР «учиться». Чэнь Цзутао (один из основателей автозавода) вспоминал, что, когда еще только велись проектные работы, советская сторона уже начала рассматривать вопросы подготовки китайских специалистов и технических работников.

Тогдашний директор МосЗиСа А. Г. Крылов¹⁰ и заместитель главного инженера объекта Чанчуньского автозавода Бойко советовали:

В Китае впервые строится такой большой завод. Для того, чтобы обеспечить дальнейшие производственные работы, вы должны отправить к нам своих сотрудников на практику [4: 70].

Чэнь Цзутао немедленно передал предложение советской стороны китайским руководителям. Была организована группа практикантов из 518 человек. С февраля 1953 по 1956 год в СССР в общей сложности были отправлены 539 китайских стажеров, ставших основными кадрами в этапе введения в строй Чанчуньского автозавода [4: 71].

Чэнь Цзутао много вспоминал о времени, когда китайские сотрудники проходили практику в МосЗиС:

Я был помощником главного технолога П. А. Цветкова. Он был очень ответственным человеком и обучал меня с огромным терпением. И я постепенно понимал весь производственный процесс создания автомобилей и их проектирования [4: 72–73].

Пань Чэнле – ныне авторитетный профессор по менеджменту, проходил практику под руководством заместителя начальника диспетчерского отделения А. А. Кадырова. Он считал, что координирование производственной работы всего завода должно основываться на календарном плане производственных операций, который должен быть тщательно разработан. В течение полугода они обходили весь завод. В каждом цехе Кадыров объяснял, что тут производится, какая технология применяется, как организовано производство. После годичной практики Пань Чэнле вернулся к себе на родной завод, перевел полученные знания на китайский язык и читал лекции для сотрудников.

Следует также отметить, что МосЗиС разработал для Чанчуньского автозавода План организации производства, состоявший из 62 частей и ставший основой для создания системы управления заводом. План включал в себя установление системы, определение обязанностей, нормативы и институциональные параметры. Советская система управления крупными промышленными предприятиями была полностью принята китайскими коллегами.

МосЗиС дал им возможность непосредственно участвовать в проектировочной работе. Как вспоминает Ли Чуаньцзо:

Чанчуньский автозавод был спроектирован на МосЗиС по образцу самого автозавода МосЗиС. Последний этап нашей практики состоял в участии в реальном проектировании Чанчуньского автозавода [7: 29].

Все это создавало очень благоприятные условия для подготовки квалифицированных кадров и было важной причиной того, что в конечном счете Чанчуньский автозавод был построен в запланированные сроки.

По возвращении из Москвы Ли Хуйминь, впоследствии ставший заместителем директора автозавода № 2, говорил:

...во время строительства автозавода № 2 я использовал те знания, которые освоил на практике в СССР, и опыт, который получил в работе на автозаводе № 1. Конечно, я постоянно улучшал знания, но именно тот период заложил фундамент моего дела, которому я посвятил всю свою жизнь [7: 119].

Главный инженер кузнечного завода У Тинсун писал в своих мемуарах:

Позднее я участвовал в разработке и конструировании кузнечных изделий для своих автомобильных моде-

лей. Все это благодаря моим двум советским учителям и наставникам [7: 119].

Почти каждый стажер вспоминал свою практику, прошедшую в СССР, с подобными нежными чувствами. Особо хочется отметить, что среди этих китайских специалистов были и будущие руководители Китайской Народной Республики – Цзян Цзэминь (председатель КНР с 1993 по 2003 год) и Ли Ланьцин (первый вице-премьер Государственного совета КНР с 1998 по 2003 год). Это еще один важный результат годичной практики в СССР.

На заводе давно уже не выпускают прежний грузовик «Цзефан». Сегодня созданная на базе «Автозавода № 1» компания FAW (First Automotive Works) является крупнейшей в Китае промышленной группой по выпуску автомобилей и другой техники. Современные китайские специалисты утверждают, что «без помощи Советского Союза не было бы Чанчуньского автозавода, и никто не может отрицать этот исторический факт»¹¹.

Помимо автозавода в Чанчуне, остальные 156 объектов, спроектированных при помощи СССР, были сооружены в 17 провинциях Китая. Эти проекты заложили фундамент индустриализации в новом Китае, а построенные в эти годы предприятия сыграли важнейшую роль в становлении ключевых отраслей тяжелой промышленности.

С 1978 года Китай приступил к проведению реформ и политики открытости, отказавшись от плановой системы и создав систему рыночной экономики, что в первую очередь сказалось на государственных предприятиях, созданных с помощью СССР. Неумелая коммерческая деятельность некоторых из них стала причиной их закрытия. Благодаря акционированию ряд предприятий получил новые возможности развития. Следует отметить, что по мере углубления партнерских отношений стратегического взаимодействия Китая и Россия восстанавливают связи между предприятиями двух стран.

Налаженное в первые годы существования Китайской Народной Республики сотрудничество с Россией продолжается и в XXI веке. Реализуются новые проекты в торгово-экономической сфере, выгодные для обеих стран. Тем не менее именно в 1950-х годах, когда связи между двумя странами только устанавливались, можно отметить особую эффективность и самоотдачу советских и китайских специалистов, чьи совместные усилия были направлены на строительство новых социальных отношений в своих странах, на улучшение материальной базы, развитие промышленности и производства в различных сферах. Пример Чанчуньского автозавода – один из многих подобных примеров, красноречиво демонстрирует серьезность и продуманность подхода к осуществлению заявленных планов. Советские

специалисты не только обеспечили китайских строителей коммунизма проектной документацией для строительства автомобильного завода, но также осуществили рекогносцировку местности для размещения будущего предприятия, обеспечили развитие инфраструктуры в районе завода, составили план строительства, предоставили несколько тысяч квалифицированных рабочих на стройку. Кроме этого, когда автозавод уже был построен, практически все аспекты его работы находились на первых порах под контролем советских специалистов: происходил обмен кадрами, обучение китайских рабочих и руково-

дителей велось как в СССР, так и на месте – в Чанчуне. Именно благодаря этой неоценимой по масштабам, всесторонней вовлеченности профессиональных инженеров и рабочих из Советского Союза был заложен фундамент промышленности современного Китая. Более 75 % оборудования, отвечающего стандартам 1950-х годов, было поставлено из СССР [1: 326–348]. Благодаря самоотверженному и бескорыстному труду простых людей как в Китае, так и в СССР в кратчайшие сроки были построены грандиозные заводы и фабрики, и по сей день составляющие основу производства в наших странах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Например: Китайская Народная Республика в 1950-е годы: Сборник документов: В 2 т. / Под ред. В. С. Мясникова. Т. 2: Друг и союзник нового Китая. Сост.: Е. Р. Курапова, В. С. Мясников, А. А. Чернобаев. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
- ² См., например: Антипина Г. С. «Китайская» коллекция В. И. Ермакова в Гербарии ПетрГУ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 2 (163). С. 7–15.
- ³ По сведениям, приведенным в статье М. А. Александровой, таких проектов было гораздо больше 156 [1: 330].
- ⁴ Архипов Иван Васильевич (1907–1998) – советский государственный деятель. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР (1980–1986). Депутат Совета Национальностей Верховного Совета СССР 9–11-го созывов. Член ЦК КПСС (1976–1989). Герой Социалистического Труда (1977). В 1950-х годах был Советником Посольства СССР в КНР, курировал работу советских специалистов в Китае. Его официальный визит в КНР и встречи с китайскими руководителями в 1984 году стали важной вехой в процессе нормализации отношений между двумя странами.
- ⁵ Хуан Цзин, первое имя – Юй Цивэй. В 1932 году вступил в КПК. В 1935 году поступил в Пекинский университет, где вскоре вместе с Яо Илинем возглавил студенческие выступления 9 декабря. Затем был секретарем бюро ЦК КПК по Северокитайской равнине, входившего в состав Северного бюро, членом Народного правительства Северного Китая. После 1949 года занимал пост мэра и секретаря парткома г. Тяньцзиня, а в 1952 году был назначен министром Первого министерства машиностроения. Отец Юй Чжэншэна – нынешнего Председателя Народного Политического Консультативного Совета Китая (НПКСК), члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК в 2012–2017 годах.
- ⁶ Цветков Петр Алексеевич (1908–1989) – советский инженер-механик. В 1934 году окончил (без отрыва от производства) Московский механико-машиностроительный институт имени Баумана. С 1929 года работал на заводе ЗИС (ЗИЛ): рабочий, мастер, начальник цеха, главный технолог, главный инженер проектного управления. В 1939 году на два года ездил на стажировку в США. Был главным инженером проектирования завода КАМАЗ, за что награжден орденом Ленина. В 1953 году возглавил созданное на МосЗиСе специальное управление АЗ-1 (Автомобильный завод № 1), занимавшееся проектными работами Чанчуньского автозавода, за что был награжден орденом КНР. После выхода на пенсию – директор заводского музея ЗИЛа.
- ⁷ В связи с тем, что в китайских источниках традиционно указываются только фамилии иностранцев, автору не во всех случаях удалось установить полные имена и отчества (или инициалы) советских специалистов, работавших в то время в Чанчуне.
- ⁸ Жао Бинь – директор Чанчуньского автозавода с 1953 по 1960 год.
- ⁹ Цзян Цзэминь – Генеральный секретарь ЦК КПК с 1989 по 2002 год, Председатель КНР с 1993 по 2003 год, Председатель Центрального военного совета КНР с 1990 по 2005 год.
- ¹⁰ Крылов Алексей Георгиевич – советский партийный и хозяйственный деятель. В 1952–1953 годах заместитель министра автотракторной промышленности СССР. В 1954–1963 годах – директор Московского автомобильного завода им. Сталина. Член ЦК КПСС (1961–1966).
- ¹¹ Хань Юйлинь. Записать и сохранить историю // Цичэ шанье пинлунь. 2009. № 12. (на кит. яз.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова М. А. Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь 50-х годов XX века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. Отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 326–348.
2. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой // Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1950. С. 111–114.
3. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А. В. Лукина М.: Весь Мир, 2013. 704 с.
4. 陈祖涛口述, 欧阳敏撰写: 《我的汽车生涯》. 北京: 人民出版社, 1997. 352页. [Чэнь Цзутао (устное изложение), Оуян Минь (составитель). Моя автомобильная жизнь. Пекин, 1997. 352 с.]
5. 《第一汽车制造厂志 (1950–1986)》第一卷下册. 长春: 吉林科学技术出版社, 1991. 422页. [Летописи развития Первого автозавода (1950–1986 гг.). Чанчунь, 1991. Т. 1. Ч. 2. 422 с.]
6. 董志凯, 吴江: 《新中国工业的奠基石 – 156项建设研究》. 广州: 广东经济出版社, 2004. 711 页. [Дун Чжикай, У Цзян. Исследования строительства 156 объектов, как краеугольного камня новой китайской промышленности]. Гуанчжоу, 2004. 711 с.]
7. 中国第一汽车集团公司编: 《风华正茂的岁月: 在莫斯科李哈乔夫汽车厂实习的日子》. 北京: 人民出版社, 2002. 513 页. [В годы расцвета молодости – стажировки в Заводе имени Лихачева / Под ред. Китайского первого автомобильного завода. Пекин, 2002. 513 с.]

8. 《1949–1952 中华人民共和国经济档案资料选编》。北京：中国物资出版社，1996. 993 页。 [Отдельный экономический архив КНР за 1949–1952. Т. «Инвестиции в инфраструктуру и строительство». Пекин, 1996. 993 с.].
9. 《周恩来外交活动大事记：1949–1975》。北京：世界知识出版社，1993. 587 页。 [Записки о дипломатической деятельности Чжоу Эньлая (1945–1975 гг.). Пекин, 1993. 587 с.].
10. 刘人伟：《永恒的记忆——苏联专家基列夫的中国情结》。北京：世界知识出版社，2010. 262 页。 [Лю Жэньвэй. Вечная память – Любовь к Китаю: Воспоминания о советском специалисте Гилеве. Пекин, 2010. 262 с.].
11. 全国政协文史和学习委员会编：《一汽创建发展历程》。北京：中国文史出版社，2007. 751 页。 [Создание и развитие Первого автозавода / Под ред. комитета НПКСК по изучению литературы и истории. Пекин, 2007. 751 с.].

Cheng Bing, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

SOVIET UNION'S AID TO CHINA IN 1950S: CONSTRUCTION OF THE CHANGCHUN AUTOMOBILE PLANT

Changchun Automobile Plant No. 1 is known as the cradle of China's automobile industry. It was the first automobile plant in the People's Republic of China. The plant became the foundation for the car industry in the country. The scope of the work was so big that 26 Soviet design organizations and about 200 Soviet plants and factories were involved into the construction of the first car factory. Specialists from the USSR participated in the whole process of automobile plant construction. The plots for the plant were chosen, all facilities were designed, Soviet production technologies together with modern equipment were transferred. About 200 highly qualified specialists of the Moscow Automobile Plant named after Stalin were sent on a business trip to China. Today, FAW (First Automotive Works), established on the basis of the "Auto Plant No 1", is the largest industrial group in China for the production of cars and other equipment. The research is based on the information obtained from Chinese sources and memories of the participants of the events. The article is focused on the role played by the individuals in the construction of one of the largest industrial enterprises of the Northeast of China.

Key words: Changchun, automobile industry, industrial development of the PRC, Soviet aid, Soviet-Chinese relations

REFERENCES

1. Aleksandrova M. A. The economy of Northeast China and the Soviet aid in the 1950s. *China in world and regional politics. History and modernity*. Issue XVIII. Ed. by E. I. Safronova. Moscow, 2013. P. 326–348. (In Russ.)
2. Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the People's Republic of China. *Education of the People's Republic of China. Documents and materials*. Moscow, 1950. P. 111–114. (In Russ.)
3. Russia and China: four centuries of interaction. The history, current state and prospects of development of Russian-Chinese relations. Ed. by A. V. Lukin. Moscow, 2013. 704 p. (In Russ.)
4. 陈祖涛口述，欧阳敏撰写：《我的汽车生涯》。北京：人民出版社，1997. 352页。 [Chen Zutao, Ouyang Min. My automobile life. Beijing, 1997. 352 p.].
5. 《第一汽车制造厂志 (1950–1986)》第一卷下册。长春：吉林科学技术出版社，1991. 422页。 [Chronicles of development of Automobile Plant № 1 (1950–1986). Changchun, 1991. 422 p.].
6. 董志凯，吴江：《新中国工业的奠基石 – 156项建设研究》。广州：广东经济出版社，2004. 711 页。 [Dong Zhikai, Wu Jiang. Studies of the construction of 156 objects, as the cornerstone of the new Chinese industry. Guangzhou, 2004. 711 p.].
7. 中国第一汽车集团公司编：《风华正茂的岁月：在莫斯科李哈乔夫汽车厂实习的日子》。北京：人民出版社，2002. 513 页。 [In the heyday of youth – internships in the Likhachev Plant. Beijing, 2002. 513 p.].
8. 《1949–1952 中华人民共和国经济档案资料选编》。北京：中国物资出版社，1996. 993 页。 [A separate economic archive of the PRC for 1949–1952. Vol. "Investments in infrastructure and construction". Beijing, 1996. 993 p.].
9. 《周恩来外交活动大事记：1949–1975》。北京：世界知识出版社，1993. 587 页。 [Notes on the diplomatic activities in 1945–1975. Beijing, 1993. 587 p.].
10. 刘人伟：《永恒的记忆——苏联专家基列夫的中国情结》。北京：世界知识出版社，2010. 262 页。 [Everlasting memory – Love for China. Memories of soviet engineer Gilev. Beijing, 2010. 262 p.].
11. 全国政协文史和学习委员会编：《一汽创建发展历程》。北京：中国文史出版社，2007. 751 页。 [Creation and development of Automobile Plant № 1. Beijing, 2007. 751 p.].

Поступила в редакцию 25.12.2017

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА СМЕРНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
burlana@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ Л. А. БЕРЕЗНОГО ПО АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМ НОВОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

В работах китаевода Л. А. Березного содержится анализ исследований американских авторов второй половины XX века, которые, применяя новые методологические подходы, изучили вопросы, связанные с развертыванием колониальной экспансии в стране: «воздействие Запада» и начало новой истории Китая, «парадигма модернизации» и «парадигма революции». В статье проанализирована концепция Д. К. Фэрбэнка, представлен «новый взгляд» американского китаевода на проблемы китайской истории периода нового времени. XIX–XX века рассматривались Д. К. Фэрбэнком в качестве общей эпохи «великой китайской революции». Профессор Л. А. Березный изучил дискуссии американских ученых, в центре обсуждений которых оказались вопросы модернизации китайского общества.

Ключевые слова: профессор Л. А. Березный, американская историография, новая история Китая, модернизация

В исследованиях известного китаевода, профессора Льва Абрамовича Березного (1915–2005) поставлен ряд важных историографических проблем новой истории Китая. Л. А. Березный поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета в 1936 году и уже в студенческие годы увлекся историей Китая. Сразу после окончания университета Лев Абрамович ушел добровольцем на фронт, после войны вернулся в университет, учился в аспирантуре, с 1949 года начал свою преподавательскую деятельность. Всю жизнь Л. А. Березный проработал в Ленинградском государственном университете, сначала в качестве ассистента, потом доцента, а с 1971 года – профессора восточного факультета ЛГУ. Он был не только талантливым ученым, но и замечательным педагогом, блестящим лектором, воспитавшим не одно поколение китаеведов-профессионалов [6].

С 1960-х годов Л. А. Березный приступил к изучению проблем историографии новой и новейшей истории Китая. Ученого интересовали тенденции развития американской историографии, и в 1968 году им была опубликована монография «Критика методологии американской буржуазной историографии Китая (проблемы общественного развития в XIX – первой половине XX века)». Естественно, что строго идеологизированный, даже партийный подход советских исследователей не только к китайским, но и вообще историческим сюжетам представлялся западным историкам вульгарно-упрощенным, нацеленным исключительно на решение далеких от исторической науки, конкретных ситу-

минутных политических задач и поэтому не мог серьезно заинтересовать ученых. В его работах содержится анализ исследований американских авторов второй половины XX века, которые, применяя новые методологические подходы, сформулировали концепции исторического развития Китая периода нового времени. Л. А. Березный изучил труды выдающегося американского историка-китаевода Джона Кинга Фэрбэнка (John King Fairbank) (1907–1991), был лично знаком с историком и неоднократно обсуждал с ним многие аспекты наиболее острых проблем истории Китая [1], [3], [4]. Д. К. Фэрбэнк принадлежит к числу наиболее известных американских специалистов по истории Китая, «общепризнанный старейшина не только американской, но и западной в целом историографии» [1: 22]. Сенатор Фулбрайт, представляя Д. К. Фэрбэнка комиссии по иностранным делам, назвал его главой американских историков Китая [3: 18]. Ученый всегда ратовал за междисциплинарное изучение исторической действительности Китая, использовал в исследованиях «социоэкономический», «психоидеологический» и «институциональный» подходы [3: 162–165]. Д. К. Фэрбэнк связал свою преподавательскую и научную деятельность с Гарвардским университетом, опубликовал ряд трудов по истории Китая нового времени, американо-китайских отношений, американской миссионерской и торговой деятельности в Китае [9], [10], [11], [12], [15]. В течение 18 лет (1955–1973) был директором исследовательского центра Восточной Азии (ныне Центр имени Фэрбэнка) Гарвардского университета, работал с коллегами над

кембриджской «Историей Китая». Он поддерживал дружественные научные контакты с китайскими историками, а также с советскими китаеоведами, дважды бывал в СССР на научных конференциях, выступал за улучшение отношений между США и Россией [8: 190]. Совместно с коллегой по Гарвардскому университету Эдвином Олдфатером Рейшауэром (Edwin Oldfather Reischauer) (1910–1990) подготовил двухтомную «Историю восточной цивилизации» [13], [14].

Суть подхода Д. К. Фэрбэнка к пониманию новой истории Китая выражена в разделе «История и китайская революция», открывающем 10-й том кембриджской «Истории Китая»:

Новая история Китая зарегистрировала две великих драмы, первая – конфронтация культур распространяющейся западной цивилизации, международной торговли и войны, и устойчивой китайской цивилизации земледелия и бюрократии, и вторая – начало фундаментального преобразования в величайшей из всех революций [1: 23].

Д. К. Фэрбэнк изучил доктрину «китаецентризма», контакты династии Цин (1644–1911) с колониальными державами, иностранную экспансию в Китае, «опиумные» войны, неравноправные договоры («договорная система»).

Американские историки не скрывали, что видели главную задачу своей научной деятельности в поисках оптимальной для интересов США политики в Азии. Ученые Гарвардского университета в 1950-х годах обратились к изучению отдельных проблем экономической истории Китая. В 1959 году Чикагский университет организовал конференцию по проблемам азиатской экономической истории, на которой А. Фейерверкер (A. Feuerwerker), представлявший Гарвардский университет, выступил с большим обзором материалов для изучения экономической истории Китая. Д. К. Фэрбэнк подчеркивал необходимость изучить роль некоторых социальных институтов, так или иначе связанных с развитием экономики, обращал внимание на важность изучения отношений внутри семьи, связи между земледельцами-шэньши в деревнях и чиновниками императорской администрации. Также особое значение придавал изучению «институциональной структуры» правительственной администрации, без чего, по его мнению, невозможен экономический анализ [3: 68]. Д. К. Фэрбэнк предлагал сочетать «социоэкономический подход» с «психоидеологическим». В рамках «психоидеологического подхода» находился интерес американской историографии к роли конфуцианских идей и конфуцианского государства в истории Китая. В 1951 году был создан специальный комитет по изучению китайской мысли (позднее был переименован в Комитет по дальневосточной ассоциации) под председательством профессора Стэнфордского университета А. Райта (A. Wright). Комитет поставил своей целью изучать взаимодействие между идеями и социальными институтами,

«влияние идей на события, карьеры и политику в их историческом развертывании». Исследования американских ученых значительно расширили представления о конфуцианстве в Китае не только в древности и в период средневековья, но и в XIX–XX веках. «Опыт нового Китая должен быть изучен через психологию, так же как и через экономическую и социальную организацию» [3: 68–70].

Д. К. Фэрбэнк во многих своих работах рассматривал влияние традиционных китайских институтов на историю Китая в XIX–XX веках. Историк отмечал, что взгляд на мир, свойственный лидерам Китая, давал им в течение почти всего XIX века перспективу, совершенно отличавшуюся от принятой на Западе, но «они чтит традицию и не обладали идеей прогресса». И сформулировал вывод: экономический рост и формы индивидуализма, поддерживавшиеся западными торговцами и миссионерами, «не производили на них (лидеров Китая) впечатления. Они были убеждены в превосходстве китайских форм над западными и не видели нужды в изменениях» [3: 162–164].

Д. К. Фэрбэнк и Э. О. Рейшауэр в 1960-е годы рассматривали общественное развитие стран Восточной Азии в XIX–XX веках как процесс революционного преобразования «традиционного» общества, как стадию модернизации, которая в конечном счете должна привести к созданию «современного общества» западного типа, то есть капиталистического [3: 82–83]. На VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане в 1966 году некоторые ученые пропагандировали теорию модернизации как самоновейшую концепцию. Теорией модернизации был увлечен Э. О. Рейшауэр. Д. К. Фэрбэнк в расширенном издании книги «Соединенные штаты и Китай» (1958) уже четко рассматривал общественное развитие Китая после 1840 года как процесс модернизации с определенными фазами [3: 90–91]. Л. А. Березный писал, что термин «модернизация» в 1950–60-е годы употреблялся зарубежными авторами для констатации факта социальных изменений в странах Азии, что касается сущности этих изменений, то «модернизацию» определяли понятием *westernization* – «вестернизация», «усвоение западной культуры», «европеизация». Термины «модернизация» и «европеизация» употреблялись как синонимы. Ученый подчеркивал, что теория модернизации разрабатывалась зарубежными учеными в качестве разновидности доктрин «единого индустриального общества» и «стадий роста». Постепенно теория модернизации заменила концепцию европеизации. На симпозиуме в Хаконэ в 1960 году получил признание тезис об избирательности заимствования Китаем западной «науки и технологии». Д. К. Фэрбэнк пришел к выводу:

...великие преобразования в Восточной Азии могут быть точнее охарактеризованы как «модернизация», а не «европеизация» в том смысле, что современные средства (современная техника, национальное государство, армия, всеобщее образование, «современная техника политической организации», современная организация «экономической активности» и т. д.) принимались более охотно, чем традиционные западные цели [3: 90–94].

Профессор, доктор экономических наук Иосиф Евгеньевич Дискин в 2009 году дает следующее определение понятию «модернизация» – это политически ангажированный проект развития, использующий эффективные институциональные преобразования для решения актуальных проблем этого развития в наличных специфических социально-исторических условиях. Модернизация всегда представляет собой некий политический проект, а не продукт предшествующего «естественного» развития [5: 15–33]. Он изучил теории модернизации, которые возникли в 1960-х годах в ходе борьбы с марксизмом за влияние в третьем мире. Ранние теории модернизации базировались на либеральной вере в гарантированный прогресс, а также в универсальность американских ценностей, которые распространятся во всем мире. Только к середине 1980-х годов, когда был накоплен как положительный, так и кризисный опыт большого числа стран третьего мира, реализовавших разнообразные проекты развития (как по западному, так и по социалистическому образцу), сложились теоретические представления, пригодные для обоснования относительно внеидеологизированной модернизационной политики [5: 8].

В статье Л. А. Березного «Когда начиналась новая история Китая?» представлены точки зрения отечественных и зарубежных историков [2]. Д. К. Фэрбэнк и Э. О. Рейшауэр в 1960-е годы начало новой истории Китая связывали с модернизацией общества, выделив внешние причины модернизации Китая. Они разработали концепцию, согласно которой Новое время пришло в Китай лишь после его «открытия» внешнему миру (то есть также – после Опиумной войны); до этого китайское общество не оставалось неизменным, но перемены происходили лишь в «пределах традиции»; с установлением более тесных контактов с Западом Китай оказался перед необходимостью отвечать на «западные стимулы», что и привело к началу модернизации в материальной, «технологической», а затем и других сферах жизни общества [2: 71–80]. Д. К. Фэрбэнк указывал на препятствия для модернизации, создававшиеся традиционным восточным превосходством чиновничества (шэньши) над торговцами, обращал внимание на широкую власть чиновников императорской администрации «над экономической активностью большого масштаба» [3: 68].

Понятием «модернизация» определяли «великие преобразования, которые начались в Западной Европе в конце средних веков, а в

наши дни охватили самые отдаленные страны». Э. О. Рейшауэр в 1955 году писал, что еще в XVIII веке Восток оставался Востоком, а Запад – Западом, но затем начался процесс смешения «великих традиционных цивилизаций прошлого» в «единый мир», формирующийся в наше время; основная тенденция общественного развития и заключается в «разрыве» с прошлым, в переходе от «традиционного общества» к «современному обществу» [3: 100]. Д. К. Фэрбэнк писал:

Экспансия Европы, приведшая западную цивилизацию в прямое соприкосновение с Китаем, может быть описана в общих выражениях под заголовками: «Капитализм», «Национализм» и «Христианство». Необратимые, по-видимому, тенденции западной истории, проявляющиеся в росте науки и техники, торговли и промышленности, национализма и современного государства, разрушили старый Китай [3: 150–151].

Американские историки констатировали в Китае XIX века развитие двух процессов – внутренних «смут» и внешнего «воздействия». По мнению Д. К. Фэрбэнка, в начале XIX века возникло традиционное для истории Китая положение: «агрессия извне» стала возможной лишь благодаря упадку правящей династии. Он даже полагал, что если бы война 1840–1842 годов была навязана Цинской династии в другой фазе цикла – в период расцвета, при режиме, подобном правлению минского императора Юнлэ (1403–1424) или цинского императора Канси (1662–1722), то результат внешней агрессии мог бы оказаться иным. «Это было несчастливой случайностью, что усиливавшееся западное воздействие совпало в XIX веке с ускорявшимся упадком цинского режима» [3: 150–160]. Ученый выработал «новый взгляд» на проблемы, связанные с развертыванием колониальной экспансии в Китае в XIX веке. Суть концепции ученого состоит в оправдании агрессивных действий Англии и других западных держав ссылкой на то, что Цинская империя не желала признать западные державы равноправным партнером, отказывалась установить с ним отношения, основанные на принятых в западном мире принципах равенства, препятствовала развитию торговли с Китаем. «Система договоров», навязанных западными державами Китаю, была, согласно рассматриваемой концепции, порождена этим несоответствием китайских социальных институтов характеру международных отношений XIX века и призвана была приобщить Китай к таким якобы равноправным отношениям, одновременно обеспечивая западным бизнесменам свободу торговли в Китае [4: 9]. Поскольку для «традиционного» Китая западная «схема вещей» оказалась чуждой, потребовалось найти компромисс, принимавший во внимание как китайские духовные ценности и институты, так и западные. Система договоров между Китаем и иностранными державами и стала как будто бы необходимым компромиссом. Англо-китайская

война, полагал Д. К. Фэрбэнк, явилась выражением двух различных концепций международных отношений, двух противоположных экономических концепций и, наконец, спором относительно юридических институтов [3: 166–168]. Им перечислен целый ряд факторов, свидетельствующих о том, что маньчжуро-китайские сановники были совершенно невежественны в вопросах политической географии мира, не имели представления об уровне развития западных держав и т. п. Фэрбэнк видит в этом интеллектуальную неподготовленность Китая к «контактам с Западом».

Трагедия китайского государства заключалась в том, что его приспособление к варварам внутренней Азии было плохой подготовкой к контактам с современным Западом. Система дани не могла быть успешно применена к современному Западу, и, однако, она была единственной защитой Китая, поскольку это был установившийся образец того, как конфуцианская монархия вела дела с иностранными державами [3: 170].

С «институциональной» позиции американская историография оправдывает различные формы колониальной экспансии, получившие развитие в XIX веке: систему так называемых открытых портов, создание в них иностранных концессий и селтльментов, установление контроля над китайскими морскими таможнями и т. п. Д. К. Фэрбэнк объясняет возникновение открытых портов, в которых стали хозяйничать иностранцы, традиционной китайской тенденцией «допускать “варваров” к периферийному участию в китайской цивилизации и даже сотрудничать с могущественными захватчиками на границах». Для обозначения такой традиции ученый даже изобрел специальный термин – «синархия», который расшифровывает так: «совместная китайско-иностранная администрация правительства Китая при чужой династии» [3: 176].

В 1980–90-е годы новые данные об общественном развитии Китая в XVII–XVIII веках побудили американских историков больше не связывать жестко начало новой истории страны с «воздействием Запада», то есть опиумной войной. Анализ источников показал, что на протяжении XVI–XVIII веков в Китае постепенно стали складываться, пока еще в неразвитом виде, элементы внутренних предпосылок для исторически назревавших перемен (Naquin S., Ranski E. *Chinese Society in the Eighteenth Century*. New York, 1987), а толчок, полученный извне вследствие «открытия» страны внешнему миру, послужил началом ее модернизации. Л. А. Березный пишет, что в американской историографии, по-видимому, утверждается мнение, что Modern China начинается с XVIII столетия (Oksenberg M. C. *The American Study of Modern China: Toward the Twenty first Century* // *American Studies of Contemporary China*. New York, 1993) [2: 77–81].

В 2004 году в статье «Американская историография Китая: кризис парадигм? Заметки

о дискуссиях синологов США» Березный проанализировал дискуссии американских ученых в 1980–90-х годах, в ходе которых отмечалась смена ряда общеметодологических подходов к анализу новой истории Китая (A. Dirlic, Ph. Huan, T. A. Metzger, R. H. Myers). В центре обсуждений оказались «парадигма модернизации» и «парадигма революции». В американской литературе получил довольно широкое признание вывод о том, что в Китае был свой период early modern, свои особенности модернизации в столетия, предшествовавшие началу так называемого воздействия Запада. Более того, некоторые ученые вели поиски в позднеимперском Китае «публичной сферы» или «гражданского общества» как терминов, равноценных понятию «зарождающейся демократии» (Huan Ph. *Theory and the Study in Modern Chinese History* // *Modern China*. 1998. № 2) [1: 8–9].

Л. А. Березный обратил внимание, что в 1980–90-х годах в американской исторической литературе претерпели изменения представления о приоритетах в исследовании новой истории Китая. Акцент в объяснении трудностей модернизации сместился из сферы культуры в изучение социальных и экономических факторов, а также роли иностранного империализма, признаваемого главным препятствием на пути достижения modernity; логика такого подхода естественно переключала внимание на историю революционного движения и связанных с ним событий. Приверженцы парадигмы революции видели предпосылки успеха модернизации в разрыве с прошлым, отвергали европоцентризм и культурализм. При этом революционная парадигма не порывала с теорией модернизации. В понимании Д. К. Фэрбэнка модернизация это и есть революция, «великая китайская революция». Он обратил внимание на два фундаментальных фактора, обусловивших особенности китайской революции: первый – революции в западном мире произошли на автохтонной почве культур, их породивших, в Китае же происходит не только политическая, социальная и экономическая революция, но трансформация всей культуры; понятие «трансформация» – ключевое для понимания концепции ученого о китайской революции-модернизации; второй фактор – процесс модернизации требует в Китае гораздо больших изменений, чем в большинстве западных стран ввиду самой длительности китайской истории, результатом этой длительности стала громадная власть инерции, которая сделала революционные изменения судорожными, порой заторможенными, а временами разрушительными [1: 23–24].

Интерес представляет датировка Д. К. Фэрбэнком начала «великой китайской революции», то есть процесса модернизации (1800 год – это дата условная). Он считал значительным открытием факт роста коммерции и частного сектора

до иностранного вторжения на основе неравноправных договоров 1840–1850-х годов. Это, по мнению ученого, представляет западное «открытие» Китая в новом свете. Указанное «открытие», по мнению ученого, сокращает представление о масштабах иностранного вторжения, снижает важность давно утвердившегося вывода о «западном воздействии» и отдает должное позднеимперскому Китаю как обществу не статичному, а находящемуся в движении [1: 25–26]. XIX–XX столетия рассматривались Д. К. Фэрбэнком в качестве общей эпохи «великой китайской революции», продолжающейся и после образования КНР.

В 1998 году китайский ученый, профессор Хэ Чуаньци, директор Центра исследования модернизации Китайской академии наук, опубликовал основные положения теории вторичной модернизации. Профессор излагает свою концепцию модернизации как одного из видов глубоких изменений цивилизации, начавшихся с промышленной революции XVIII века. Ключевой характер имеет выделение Хэ Чуаньци двух стадий модернизации: первичной («первой модернизации», «first modernization») и вторичной («второй модернизации», «second modernization»). Каждая стадия связана с соответствующей эрой цивилизационного процесса: первичная модернизация

– с индустриальной эрой, вторичная – с информационной эрой, эрой знаний. Результатом вторичной модернизации является процесс формирования наукоемкого общества, информатизации, развития сферы услуг, сетевого взаимодействия, распространения цифровых технологий, индивидуализации, установления равновесия между урбанизированной и аграрной сферами, обучения на протяжении жизни и т. д. в наше время [7: 40–46].

Профессор Л. А. Березный тщательно изучил американскую историографию проблем новой истории Китая. Центральной темой исследований американских ученых являлась модернизация. Термин «модернизация» в 1950–60-е годы употреблялся зарубежными авторами для констатации факта социальных изменений в странах Азии, «модернизацию» определяли понятием «вестернизация», «усвоение западной культуры», «европеизация». В 1980–90-е годы американские ученые выделили внутренние предпосылки модернизации Китая в столетия, предшествовавшие началу так называемого воздействия Запада. Большое внимание Березный уделил анализу концепции американского китаеведа Д. К. Фэрбэнка, изучил новый взгляд историка на проблемы, связанные с разрыванием колониальной экспансии в Китае в XIX веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березный Л. А. Американская историография: кризис парадигм? Заметки о дискуссиях синологов США // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. Вып. 22. С. 3–28.
2. Березный Л. А. Когда начиналась новая история Китая? // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 71–81.
3. Березный Л. А. Критика методологии американской буржуазной историографии Китая (проблемы общественного развития в XIX – первой половине XX вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 262 с.
4. Березный Л. А. Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. М.: Наука, 1972. 222 с.
5. Дисклин И. Кризис... И все же модернизация! М.: Европа, 2009. 264 с.
6. Донская А. Е., Самойлов Н. А. Памяти профессора Л. А. Березного // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 9. Вып. 4. С. 132–134.
7. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под общ. ред. Хэ Чуаньци. М.: Весь мир, 2011. 256 с.
8. Тихвинский С. Л. Памяти Дж. Фэрбэнка // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1–3. С. 190.
9. Fairbank J. K. China: a New History. Cambridge, 1992. 519 p.
10. Fairbank J. K. The great Chinese revolution, 1800–1985. New York, 1987. 396 p.
11. Fairbank J. K. The United States and China. Cambridge, 1948. 384 p. 1958. 365 p.
12. Fairbank J. K. Trade and diplomacy on the China coast. Vol. 2. The opening of the treaty ports 1842–1854. Cambridge, 1953. 88 p.
13. Fairbank J. K., Reischauer E. O., Craig A. M. A History of East Asia civilization. Vol. 2. The modern transformation. Boston, 1965. 955 p.
14. Reischauer E. O., Fairbank J. K. A History of East Asia civilization. Vol. 1. East Asia. The great tradition. Boston, 1958. 739 p.
15. Ssuyu Teng, Fairbank J. K. China's response to the West. A documentary survey. 1839–1923. Cambridge, 1954. 296 p.

Smirnova N. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF THE MODERN CHINESE HISTORY IN THE ACADEMIC WORKS BY PROFESSOR LEV BEREZNYI

The academic works of the Russian sinologist Lev Bereznyy offer the analysis of American research papers of the second half of the 20th century. The researcher used new methodological approaches to explore the issues related to the colonial expansion in China: “the impact of the West” and the beginning of the modern Chinese history, the paradigms of “modernization” and “revolu-

tion". The concept presented by D.K. Fairbank was analyzed and a "fresh approach" toward some issues of Chinese history in the early modern period was considered. The new approach was elaborated by an American sinologist John K. Fairbank who saw the 19th and the 20th centuries as the era of the "great Chinese revolution". Professor L.A. Bereznyy studied discussions of American researchers whose scientific interest was focused on the modernization of Chinese society.

Key words: Professor Lev Bereznyy, American historiography, modern history of China, modernization

REFERENCES

1. Bereznyy L. A. American historiography: the crisis of paradigms? Notes on discussions of American sinology. *Historiography and source studies of the history of Asia and Africa countries*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2004. Issue 22. P. 3–28. (In Russ.)
2. Bereznyy L. A. When did the Modern History of China start? *Problems of the Far East*. 1997. № 1. P. 71–81. (In Russ.)
3. Bereznyy L. A. Criticism of methodology of American bourgeois historiography of China (problems of social development in the 19th and first half of the 20th century). Leningrad, Leningrad University Publ., 1968. 262 p. (In Russ.)
4. Bereznyy L. A. The beginning of colonial expansion in China and modern American historiography. Moscow, Nauka Publ., 1972. 222 p. (In Russ.)
5. Diskin I. Crisis... Still, the modernization. Moscow, Evropa Publ., 2009. 264 p. (In Russ.)
6. Donskaya A. E., Samoilov N. A. Recollections of Professor L. A. Bereznyy. *Vestnik of St. Petersburg State University*. 2005. Series 9. Issue 4. P. 132–134. (In Russ.)
7. A review report on modernization in the world and China (2001–2010). Moscow, Ves' mir Publ., 2011. 256 p. (In Russ.)
8. Tikhvinskiy S. L. In Memory of J. Fjerbjenska. *Problems of the Far East*. 1997. № 1–3. P. 190. (In Russ.)
9. Fairbank J. K. China: New History. Cambridge, 1992. 519 p.
10. Fairbank J. K. The great Chinese revolution, 1800–1985. New York, 1987. 396 p.
11. Fairbank J. K. The United States and China. Cambridge, 1948. 384 p. 1958. 365 p.
12. Fairbank J. K. Trade and diplomacy on the China coast. Vol. 2. The opening of the treaty ports 1842–1854. Cambridge, 1953. 88 p.
13. Fairbank J. K., Reischauer E. O., Craig A. M. A History of East Asia civilization. Vol. 2. The modern transformation. Boston, 1965. 955 p.
14. Reischauer E. O., Fairbank J. K. A History of East Asia civilization. Vol. 1. East Asia. The great tradition. Boston, 1958. 739 p.
15. Ssuyu Teng, Fairbank J. K. China's response to the West. A documentary survey. 1839–1923. Cambridge, 1954. 296 p.

Поступила в редакцию 06.09.2017

СВЕТЛАНА ЭРККИЕВНА ЯЛОВИЦЫНА

кандидат исторических наук, доцент, врио заместителя директора по научной работе Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
jalov@yandex.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В СОЦИОИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В СВЕТЕ НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ*

Статья посвящена проблемам формирования онтологических моделей и семантических сетей в социоисторических исследованиях. Изложение строится на основе опыта работы по созданию онтологической базы знаний для музея истории Петрозаводского государственного университета с привлечением данных по нейробиологическим и лингвистическим исследованиям. В качестве пилотного материала описываемой в статье базы знаний избраны данные по истории стройотрядовского движения университета. Отмечены преимущества и сложности создания информационных систем на основе онтологических моделей; обращено внимание на необходимость их развития, в том числе в музейных учреждениях, с использованием сервисов для посетителей. Среди них особое внимание уделяется так называемому профилю пользователя, на основе которого осуществляется предоставление информации музея экскурсанту, ее ранжирование. В статье описана процедура дополнения информации музейной системы представленными на виртуальной выставке новыми сведениями, поступившими от посетителя музея, с помощью мобильного приложения. Автор делает вывод о возможности использования семантико-онтологического подхода к хранению и пополнению информации в музейной информационной системе и исследованию исторической памяти.

Ключевые слова: музейная информационная система, онтология, семантическая сеть, нейробиология, база знаний, профиль пользователя, память, мобильное приложение

ВВЕДЕНИЕ

Создание информационных баз данных и систем, описывающих музейные коллекции, архивные фонды, книжные собрания и пр., используемых исследователями-гуманитариями, является в современном мире общим местом для любого учреждения-собирателя. Перед каждым из них встают вопросы полного включения всех имеющихся и новых объектов в базу данных для быстрого поиска информации.

На заре появления информационных систем реализация поиска по заголовку рассматривалась как одна из «высоких» задач, прежде всего из-за большого объема данных, которые требовалось ввести. В некоторых системах уже в начале 1990-х годов имелись поля для ввода ключевых слов, а также использовались простейшие алгоритмы контекстного поиска (больше, меньше, равно, содержит и др.)¹. Однако обнаружение нужной информации было связано прежде всего с лексикой запроса в той или иной форме. Такой лексический поиск производился, как правило, не по индексированным текстам, а по полям ключевых слов, заголовкам, что предъявляло высокие требования к качеству их составления. Неслучайно появлялись методические рекомендации на этот счет с подробным разбором ошибок [2].

Такой знаковый поиск по принципу один к одному или по почти полному соответствию, безусловно, чувствителен к ошибкам. Наряду с этим возникали проблемы многоязычного поиска, который в подобных системах не может быть сведен к единственному запросу, а требует нескольких. Тем не менее подобные информационные системы внесли и вносят большой вклад в организацию научно-исследовательской работы, позволяя сократить время поиска.

Другим типом информационных систем стали так называемые корпуса национальных языков, которые предполагали решение не только поисковых задач.

Национальный корпус предназначен в первую очередь для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов – от одного до двух столетий².

В корпусе, как правило, имеется лексико-семантическая разметка текстов, она выглядит несколько тяжеловесной с точки зрения пользователя – не филолога. Определение тематического класса слова, указание на разряд (например, имя собственное, возвратное местоимение); сло-

вообразовательные характеристики (например, «диминутив», «отадъективное наречие») и пр.³ – согласитесь, весьма специализированные термины, дающие пищу для размышлений лингвисту, но не исследователю иной отрасли, ищущему информацию по теме. Использование методов корпусной лингвистики для описания (аннотирования) коллекций, например, в архивных и музейных системах, где контекстная и смысловая информация является определяющей, выглядит излишним и дорогостоящим.

Нам представляется, что с точки зрения тематического (смыслового, контекстного) поиска эти два вида информационных систем могут рассматриваться как две крайности. В первом случае описание объекта (книги, документа, экспоната) соответствует лексическому уровню языка, что не всегда эффективно (так как существуют омонимы и пр.), а во втором – преимущественно грамматическому и синтаксическому, включая служебные слова, рекурсию и др., осложняющему контекстный поиск. Однако существует и промежуточный уровень описания – значение, передаваемое предложением или связанными словами и понятиями, который реализуется в так называемых онтологических моделях или базах знаний [7: 30]⁴.

В контексте любых коллекций, но в особенной степени музейных, описание может строиться и на основе образов (изображений) экспонатов. Однако, несмотря на значительный прорыв в области распознавания образов, сделанный в последние годы [5], говорить о самостоятельности поиска по визуальному изображению без использования языка пока рано. Как отмечает С. Бурлак, именно язык обладает функцией хранения знаний и опыта и т. д. [1: 75]. «Есть такие области человеческих понятий, которые можно <идентифицировать> только при помощи языка. (например, понятие недели)» [1: 118–119]. Именно поэтому хранение образа является дополнительной надстройкой к его полноценному описанию в информационной системе, в том числе онтологической.

ОБ ОНТОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ: ПРЕИМУЩЕСТВА И СЛОЖНОСТИ

Онтология информационных систем подробно рассмотрена в ряде научных публикаций [4]. В данном разделе статьи приведем самые общие и необходимые для дальнейшего изложения определения и идеи.

В общих чертах под онтологией понимается система понятий некоторой предметной области, которая представляет набор сущностей, соединенных различными отношениями. Онтология используется для формальной спецификации понятий и отношений... Преимуществом онтологий... является их формальная структура, которая упрощает их компьютерную обработку [4: 3].

При использовании онтологического подхода происходит как бы разбор целостной области знаний на элементы (объекты, субъекты) и отношения между ними, создается элементарная абстрактная модель предметной области. Визуально такая модель представляет собой сеть, в которой узлы – это объекты (субъекты), а линии – это отношения определенного типа (например, часть-целое). По мере создания такой модели формируются онтологический тезаурус категорий и классов, используемый для разметки, и семантическая сеть связанных субъектов (объектов).

Увеличение информационных массивов, их многоязычность, а также расширение междисциплинарных исследований с привлечением новых данных требуют вариативности и в методах поиска информации. При этом важно не просто искать определенные лексемы или их грамматические формы, но также смыслы и контексты, с ними связанные. Онтологические базы знаний ориентируют нас на такой путь, который может рассматриваться в рамках идей по созданию искусственного интеллекта⁵.

В Музее истории Петрозаводского государственного университета в последние два года ведется работа по созданию онтологической базы знаний и мобильного приложения к ней [9]. Для пилотного этапа создания и апробации системы избрана тема движения студенческих строительных отрядов (далее – ССО). Музейный фонд включает в себя интервью, газетные статьи, фотографии, предметы, связанные с этим явлением в жизни советского студенчества. Мы попробовали использовать созданную сеть для исследовательских целей, полагая, что ее возможности несколько шире, чем в описанных ранее крайних моделях баз данных.

Широкое описание фотографий не только с классическим упоминанием даты, места события, запечатленных лиц, но и видов одежды, предметов быта в онтологической модели позволило подойти к исследованию проблемы повседневности⁶. Фиксация элементов формы стройотрядовцев (головные уборы, штормовки и пр.), представленных на фотографиях, с параллельным указанием даты съемки, пола персон, позволили отследить динамику изменений формы одежды членов ССО во времени, увидеть гендерную специфику.

База знаний полезна для проверки гипотез, примером которой может быть идея о корреляции жизненного карьерного роста участников стройотрядовского движения с их статусом в рамках ССО (командир, комиссар, боец). На рис. 1 показан фрагмент семантической сети, демонстрирующий связи экспонатов музея с людьми и их статусами в период членства в стройотрядах и в годы последующей карьеры. При создании сети была предпринята попытка использовать интер-

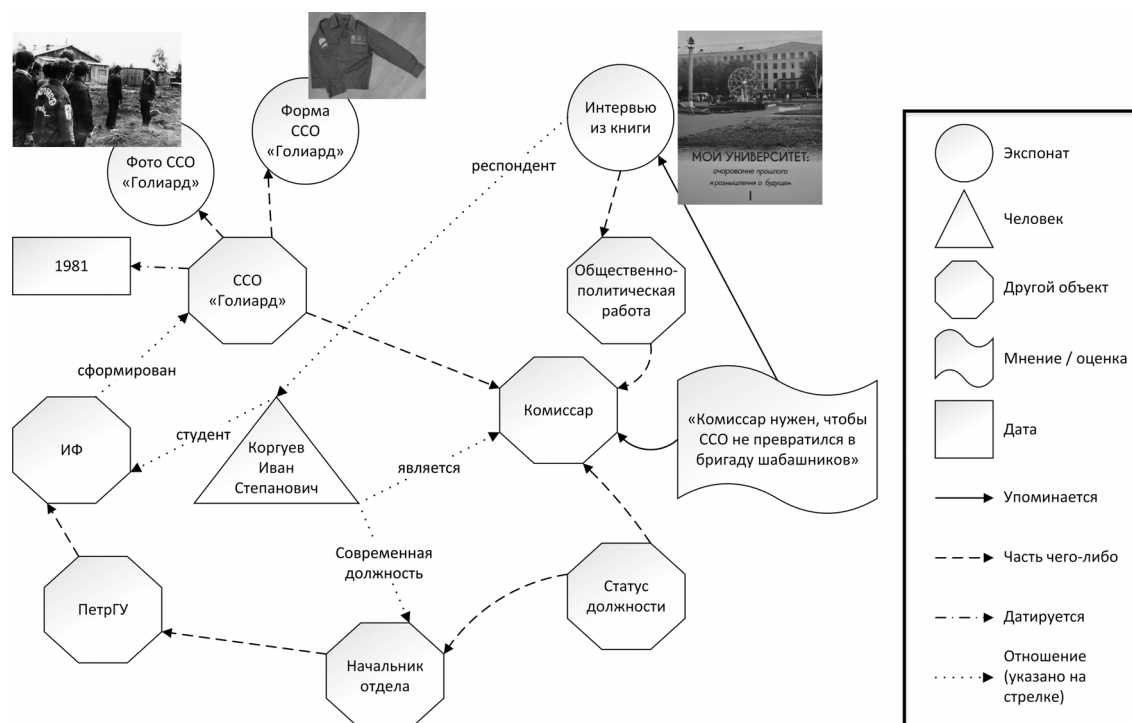

Рис. 1. Фрагмент семантической сети Музея истории ПетрГУ

вью персон, упомянутых в музейной системе, в частности их мнения о социальных статусах и влиянии опыта руководства в стройотряде на дальнейшую деятельность.

На пути создания семантических сетей возникает много сложностей. Как верно замечает Н. Е. Чапайкина, главная из них состоит в том, чтобы «научить» компьютер правильно трактовать образы [8: 112]. Естественный язык, в отличие от алгоритмизированного, может включать неоднозначно трактуемые термины, временные противоречия, иносказания, неологизмы и др. Все это трудно научить машину. К тому же для узнавания этих объектов в тексте (задача распознавания образов на визуальных изображениях в проекте не рассматривалась) программа должна изначально иметь некий индекс (тезаурус) понятий, чтобы автоматически размечать массивы данных. Создать такой список с учетом всех возможных вариантов – задача сложно реализуемая. Однако имеющийся опыт позволяет говорить, что развитие в этом направлении может открывать интересные перспективы.

В период написания статьи автор знакомился с изданиями, посвященными развитию человеческого мозга – системы нейронных сетей. Некоторые идеи нейробиологического свойства представляются полезными на пути формирования искусственной семантической сети. Например, утверждение Эрика Канделя, что «клеточные механизмы обучения и памяти кроются не в особых свойствах самого нейрона, а в связях, которые он образует с другими клетками нейронной

цепи, в состав которой входит» [3: 210], придает энтузиазма в разработке семантической сети. А энтузиазм в этой работе нужен, так как результат пополнения сети обнаруживается далеко не сразу. Работа по созданию семантических сетей, особенно до момента автоматизации разметки, весьма рутинна. Например, такое предложение из нашей музейной системы, как «Студент N медицинского факультета стал участником стройотряда проводников», потребует создания страницы о студенте, об институте, о стройотряде проводников, о других участниках стройотряда. Поскольку информационная система – музейная, то все фотографии, связанные с жизнью этого отряда, потребуют подробного описания с указанием всех изображенных лиц, материальных объектов, событий и др. Каждая из этих страниц, в свою очередь, наверняка должна быть связана с иными студентами, преподавателями, институтами и др. И на первых порах создания системы ее нужно будет научить выявлять и классифицировать связи, постоянно проверяя ее работу и корректируя алгоритмы, которые автоматизируют разметку (что не всегда возможно).

Нейробиологи отмечают, что «нейронным сетям нашего мозга свойственна встроенная избыточность» [3: 185]. Это же свойство характерно и для разрабатываемых информационных сетей.

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ОНТОЛОГИИ

Создание онтологической модели определенной предметной области⁷ требует привлечения экспертов, ориентирующихся в системе понятий

и терминов описываемой сферы. Поэтому так или иначе возникает вопрос об универсальности создаваемого тезауруса. Поскольку до сих пор не создано ни одной онтологии, претендующей на универсальность⁸, можно говорить о своего рода «специализации» онтологии, хотя основным посылом в создании баз знаний все же остается возможность многократного использования не только создателями системы, но и иными пользователями. Именно это противоречие при работе с онтологиями предметных областей стало причиной разработки универсальных языков разметки⁹ и программных средств для этих целей, стандартов онтологий. Ориентация на подобные универсальные инструменты позволяет ставить вопросы об объединении усилий различных коллективов, практикующих опыт семантической разметки в сходных или смежных областях. Однако задача универсализации онтологии (определение более или менее законченного тезауруса) в свете биологических исследований основ функционирования мозга не столь очевидна. Поясню, что имеется в виду.

Нейробиологи выделяют

два типа нейронных цепей, играющих важную роль в поведении и обучении: основные цепи и модуляторные <...> Основные цепи служат для непосредственного обеспечения поведенческих¹⁰ реакций. Это предопределенные генетикой и механизмами развития нейронные компоненты поведения, его нейронное устройство. <...> Модуляторные цепи <...> служат не для непосредственного обеспечения поведенческой реакции, но для точной настройки этой реакции в процессе обучения [1: 324].

При первичном создании тезауруса онтологии строятся основные цепи; при дальнейшем пополнении пользователь, добавляющий новые связи или узлы в сеть, производит дальнейшую настройку, формируя модуляторные нейронные сети. *Такая постановка вопроса, на наш взгляд, снимает задачу формирования некоего окончательного тезауруса понятий.* Его развитие в рамках информационной сети никогда не должно прекращаться, так же как настройка модуляторных нейронных сетей.

Следует сказать, что предпринятый авторами опыт создания онтологии избранной предметной области – движение ССО Петрозаводского государственного университета на основе экспонатов музея истории ПетрГУ – позволил ощутить на себе весь комплекс проблем, встающих на пути создателей подобной системы, включая незавершенность работы над тезаурусом. В рамках проекта о ССО тезаурус составлялся разными методами [10]. Использовались аннотации экспонатов музейного фонда, в особенности фотографий; проводился анализ публикаций газет, посвященных ССО; привлекался терминологический аппарат из исследовательских статей о феномене стройотрядовского движения. На основе изученного формировался

иерархический список категорий, используемый для разметки текстов и описаний. На скриншоте представлен пример разделения категории «Ритуалы и традиции ССО» на подкатегории, а также связанные с ними страницы.

Произведенный на его основе анализ связей описаний около 300 экспонатов позволил выявлять довольно очевидные корреляции, доступные для выявления и без использования онтологии. Однако дальнейшее развитие системы, на наш взгляд, открывает возможности для экспериментирования и исследования новых направлений.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, НЕЙРО-БИОЛОГИЯ И ФЕНОМЕН ПАМЯТИ

Так же как мозг отдельного человека, воспринимая мир, формирует внутри себя его модель [3: 435], так и создаваемые семантические сети, безусловно, тоже модели, конструкторами которых являются множество лиц. В случае с описанной музейной системой [11] причастными к формированию такой модели являются не только ее создатели, *но и пользователи*, вносящие с помощью мобильного приложения новые экспонаты и связи. В этой связи заметим, что развитие семантической сети и дополнение онтологии позволяют обнаруживать не очевидные, скрытые связи. Конечно, это может произойти благодаря постоянной работе по расширению и систематизации базы знаний.

Нейробиологические исследования, в частности о том, что запомненная в долговременной памяти информация сохранилась там не случайно, а ввиду высокой эмоциональной значимости, убеждают нас в мысли о том, что путь, избранный в ходе проекта и используемый для пополнения сети, весьма перспективен. Речь идет о развитии сети посетителями музея, которые, знакомясь с экспонатами, например связанными с периодом их студенчества, испытывают необходимость дополнить сведения о них. Чаще всего такая ситуация возникает при *высокой эмоциональной вовлеченности* экскурсанта в рассматриваемый сюжет.

В этом контексте также может быть рассмотрен вопрос об ошибках памяти. Введенная пользователем музейного мобильного приложения информация может быть ошибочной или неточной. В создаваемой информационной системе предусмотрена возможность экспертизы данных сотрудником музея, который оценивает добавляемую информацию, производит разметку или проверяет работу автоматизированной индексации данных.

Выявление ассоциативных связей будет тем более успешным, чем большее количество проводящих путей (зрительных, слуховых...) будет задействовано. Такое заключение уже сделано применительно к нейронным сетям [3: 436]. Бренда Милнер в 1962 году продемонстрировала один

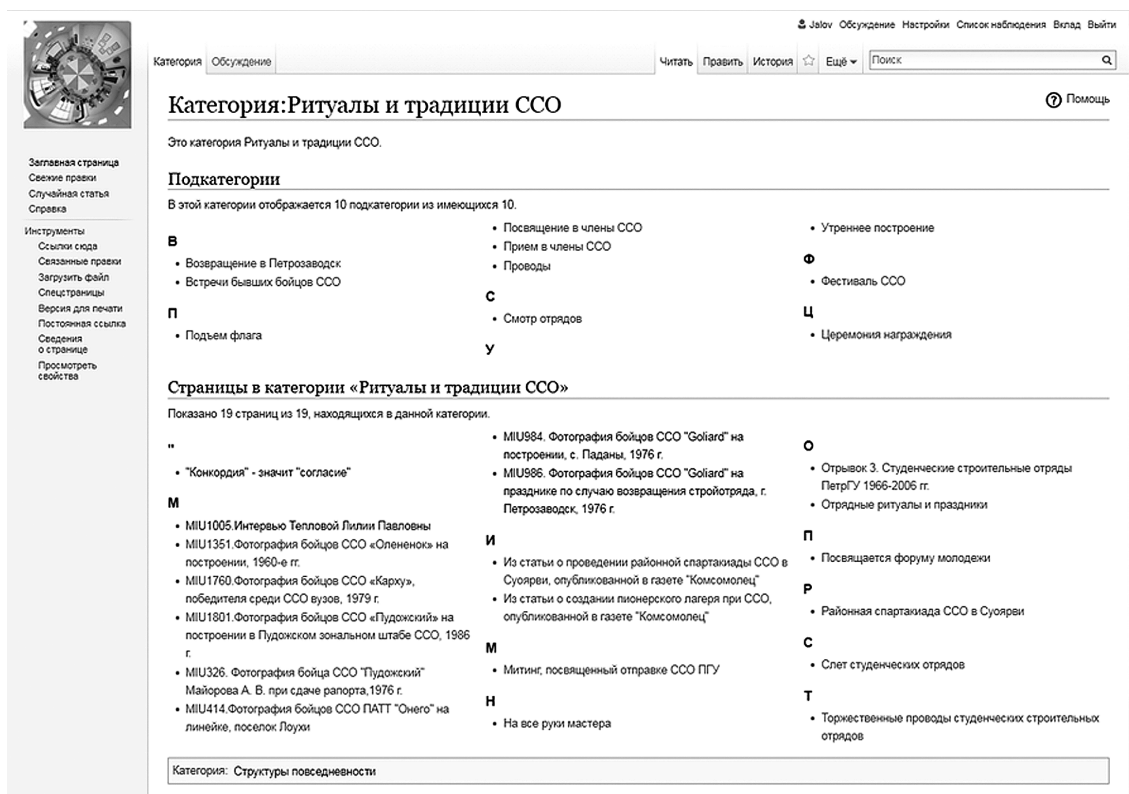

Рис 2. Скриншот фрагмента списка категорий, созданного с помощью Smart Semantic Media Wiki

из принципов биологических основ памяти, который состоит в том, что воспоминания бывают, по крайней мере, двух типов. Она обнаружила, что помимо сознательной памяти существует также бессознательная [3: 195]. При этом первая больше связана с эмоциями, а вторая отвечает за контекст. Представляя в нашей семантической сети информацию в визуальной, аудио- и текстовой форме, мы активизируем оба вида памяти. Учеными также отмечается, что «в языковом и неязыковом восприятии мира работают общие механизмы» [1: 118].

Хотя обретение того или иного смысла у разных людей происходит не идентичным образом, ассоциативные связи в ряде случаев будут совпадать. Подтверждением этого также являются наблюдения нейробиологов: «...общая способность формировать сенсорные карты встроена в мозг, но частные сенсорные карты в него не встроены» [3: 445]. Статистика работы пользователей музейной системы позволит отследить общие и частные моменты памяти, ассоциативные связи одного типа, характерные для разных людей. Это, в свою очередь, может позволить делать выводы *об общих механизмах формирования памяти группы*.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕТИ

Практическая цель создания онтологической музейной системы изначально состояла в построении эффективного поиска данных. Предполага-

лось, что семантическая сеть, созданная в результате реализации проекта, позволит пользователю системы (эксперту или посетителю) «путешествовать» по семантической сети *по персональным траекториям* (с учетом данных профиля пользователя). Последующая реализация проекта, которая включала введение данных, их связывание, разметку, ранжирование поиска в соответствии с профилем пользователя, продемонстрировала новые задачи и возможности.

Безусловно, по мере расширения сети и внутренних связей между объектами будет возникать все больше и больше цепочек и пучков связей. Работа по выявлению возможных закономерностей в складывании таких цепочек и пучков – одно из направлений дальнейшей работы. Такое перспективное направление исследований вновь коррелирует с путями исследования нейронных сетей мозга человека, среди которых актуальными становятся «исследования системных свойств (механизмов, в которых задействованы многие белки, сложные нейронные системы, работа всего организма и групп организмов друг с другом)» [3: 610]. Применительно к музею перспективным видится использование системного подхода к изучению роли исторической памяти в самоидентификации человека. Выбор экспонатов для детального просмотра, совершаемый посетителями музея; оценка частот такого выбора; ранжирование информации по степени популярности в соотношении с профилем пользователя,

датами, событиями современной общественно-политической жизни и пр. позволят собирать информацию о явлениях и фактах, более всего оказывающих влияние на социальную идентичность человека.

Ф. Крик, один из первооткрывателей ДНК, писал, что «проблема единства сознания представляет собой вариант проблемы связывания» [3: 553]. Соответственно, пробуя создавать семантические сети, мы подступаемся к решению очень сложной, междисциплинарной проблемы искусственного интеллекта. Наши наблюдения за развитием сети (по мере ее наполнения новыми объектами, связями) могут дать пищу для размышлений над этой глобальной проблемой.

Одним из направлений исследований в этой области может стать, по предложению Э. Канделя, биосоциология. Предметом ее исследования будут субъективный опыт и его преломление на молекулярном, биохимическом уровне. Становление такой науки, разработка ее инструментария должны идти двумя путями, как со стороны биологии, изучающей «объективные свойства нейронов, связанных друг с другом», так и со стороны социологии, изучающей общие для представителей группы (и человечества в целом), объективные особенности сознания [3: 549]. К этому предложению Э. Канделя остается добавить, что изучение второй, социологической, стороны может происходить с использованием онтологи-

ческого подхода. Методы пополнения создаваемой семантической сети (с помощью мобильного приложения), системы ранжирования данных, используемых в ней, дадут возможность отследить характерные особенности ассоциативных связей людей, осуществляющих расширение сети.

По мнению некоторых исследователей, язык, как и память¹¹, развивался как эксадаптация¹², то есть первоначально эти возможности человека сформировались для иных целей, но по мере развития стали выполнять современную функцию.

Используем эту же логику для подведения итогов данной статьи. Семантические сети, по всей видимости, будут проходить столь же сложный путь эволюции, шаг за шагом открывая некоторые закономерности ассоциативных связей, что, в свою очередь, даст возможность разнообразить поисковые инструменты музейных (и иных) систем хранения и обработки данных.

Создаваемая в рамках описываемого в статье музейного проекта база знаний, работающая в том числе на основе профиля пользователя, должна стать не просто интересным сервисом для посетителя, а инструментом пополнения и развития сети, которая может стать основой для гуманитарных исследований не только частной предметной области (например, ССО), но и глобальных проблем, таких как механизмы формирования социальных групп, роль памяти в этом процессе и др.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект № 160112033 «Создание программной инфраструктуры для коллективного семантического аннотирования, связывания информации и персонализированного доступа к корпусу источников по истории повседневности».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АИБС «Фолиант» <http://foliant.ru/>; АИБС «МАРК» <http://www.informsystema.ru/>; Программный комплекс «Архивный фонд» <https://www.eos.ru/> и др.

² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html> (дата обращения 12.12.2017).

³ Там же.

⁴ В этой связи, конечно, можно было бы вспомнить и об идее универсальной грамматики Н. Хомского, которая, на наш взгляд, может рассматриваться в контексте корпусной лингвистики.

⁵ Хотим согласиться с мнением С. Бурлак, что «бессмысленно пытаться найти в природе некий “редуцированный” аналог языка – коммуникативную систему, где знаков было бы немного, но при этом существовала бы грамматика, косвенные смыслы, средства связности текста и т. п.: при небольшом количестве знаков такие свойства просто не могут возникнуть» [1: 82]. Однако это не означает, что создание семантических сетей – путь в никуда. Постепенное наращивание объемов сети может стать основой для весьма эффективного исследовательского поиска. Важно, что в случае с музеем онтологическая база знаний и семантическая сеть создаются в первую очередь для хранения информации, а не для коммуникации. Хотя именно она (коммуникация), благодаря возможностям добавления информации пользователями, может способствовать дальнейшему качественному улучшению сети.

⁶ Следует сказать, что понятие «повседневность» определить формально достаточно проблематично, что означает, что «границы семантической сети» для такой, на первый взгляд, узкой темы, как история и повседневность ССО, будут весьма обширными.

⁷ Выделяют онтологию верхней (абстрактные категории с высоким уровнем универсальности), средней (представляют мир в целом с большим количеством аксиом) и нижней (категории описания конкретной предметной области) зоны [4: 13].

⁸ Справедливости ради надо сказать, что такие работы ведутся (например, база знаний Викиданные; https://www.wikidata.org/wiki/Wikidata:Main_Page), но до универсальности (если она вообще достижима) еще далеко.

⁹ Например, RDF (Resource Description Framework), OWL (Web Ontology Language).

¹⁰ Такие «поведенческие» понятия психологи называют базовыми [1: 108]. Они и должны составлять основу семантической сети.

¹¹ «Таким образом, биохимические процессы, лежащие в основе памяти, не были выработаны для выполнения именно этой функции. Наоборот, нейроны задействовали уже имеющуюся эффективную систему сигнализации, выполнявшую в других клетках иные функции, и стали использовать ее для обеспечения изменений синаптической силы, требуемых для формирования памяти» [3: 340].

¹² «...язык и многие другие аспекты абстрактного мышления произошли в результате эксадаптаций, удачное сочетание которых привело к новым результатам» [6: 198]; По мнению Э. Карстейрса-Маккарти, человеческий язык «лишь побочный продукт изменения речевого аппарата, вызванного переходом наших предков к двуногому образу жизни». Цит. по: [1: 163].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлак С. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 462 с.
2. Выйгетова Т. В. Составление ключевых слов: Методические рекомендации и анализ типичных ошибок. М.: Книжная палата, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nbchr.ru/pdf/vmk/03_20161130.pdf (дата обращения 26.01.2018).
3. Кандель Э. В поисках памяти: возникновение новой науки о человеческой психике / Пер. с англ. Петра Петрова. М.: Астрель, 2011. 700 с.
4. Константинова Н. С., Митрофанова О. А. Онтологии как системы хранения знаний. 54 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ict.edu.ru/ft/005706/68352e2-st08.pdf> (дата обращения 26.01.2018).
5. Мерков А. Б. Распознавание образов: Построение и обучение вероятностных моделей / РАН; Институт системного анализа. М.: URSS, 2014. 238 с.
6. Рамачандран В. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми / Пер. с англ. Е. Чепель; Под науч. ред. к. психол. н. К. Шипковой. М.: Карьера-пресс, 2014. 422 с.
7. Хомский Н. О природе и языке. М.: КомКнига, 2005. 288 с.
8. Чапайкина Н. Е. Семантический анализ текстов. Основные положения // Молодой ученый. 2012. № 5. С. 112–115.
9. Яловицына С. Э., Волохова В. В., Корзун Д. Ж., Варфоломеев А. Г. Возможности использования семантических информационных сервисов в музейном деле (на примере Музея истории ПетрГУ) // Знание, понимание, умение. 2017. № 1. С. 221–231. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.17.
10. Petrina O., Korzun D., Volokhova V., Yalovitsyna S., Varfolomeyev G. Semantic Approach to Opening Museum Collections of Everyday Life History for Services in Internet of Things Environments // International Journal of Embedded and Real-Time Communication Systems. Vol. 8. Issue 1. January – June 2017. IGI Global. DOI: 10.4018/IJERT-CS.20170101.
11. Korzun D., Varfolomeyev A., Yalovitsyna S., Volokhova V. Semantic infrastructure of a smart museum: toward making cultural heritage knowledge usable and creatable by visitors and professionals // Personal and Ubiquitous Computing. Springer-Verlag. London, 2016. DOI: 10.1007/s00779-016-0996-7.

Yalovitsyna S. E., Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ONTOLOGICAL MODELS IN SOCIO-HISTORICAL STUDIES IN LIGHT OF NEUROBIOLOGICAL AND LINGUISTIC DISCOVERIES

The article is concerned with the problems of ontological models' formation and semantic networks' development in socio-historical studies. The presentation is based on the experience of creating an ontological base of knowledge for the history museum of PetrSU. It also includes data on the neurobiological and linguistic research. The data on the history of the University's construction brigades are selected as a pilot material of the ontological knowledge base described in the article. The author notes the advantages and difficulties of the information systems' development based on the ontological models. Special attention is paid to the need of their development, including the use of museum services for visitors. Among them is the so-called user profile, on the basis of which the museum information is provided and ranked. The article describes the procedure of renewing the museum's information system presented at the virtual exhibition. The renewal can be conducted by means of mobile applications containing new information. The new additional information comes from visitors' mobile applications.

The author concludes that it is possible to use a semantic-ontological approach for the storage and renewal of information in the museum information system and for the study of historical memory.

Key words: museum information system, ontology, semantic network, neurobiology, knowledge base, user profile, memory, mobile application

REFERENCES

1. Burlak S. Origin of the language: facts, research, hypotheses. Moscow, 2011. 462 p. (In Russ.)
2. Vyigetova T. V. Compilation of key words: methodological recommendations and analysis of typical errors. Moscow, 2016. Available at: http://www.nbchr.ru/pdf/vmk/03_20161130.pdf (accessed 26.01.2018). (In Russ.)
3. Kandel E. In Search of Memory: The Emergence of a New Science of Mind. Moscow, 2011. 700 p. (In Russ.)
4. Konstantinova N. S., Mitrofanova O. A. Ontology as a knowledge storage system. Available at: <http://www.ict.edu.ru/ft/005706/68352e2-st08.pdf> (accessed 26.01.2018). (In Russ.)
5. Merkov A. B. Pattern Recognition: Construction and Training of Probabilistic Models. Moscow, 2014. 238 p. (In Russ.)
6. Ramachandran V. The Tell-Tale Brain: Unlocking the Mystery of Human Nature. Moscow, 2014. 422 p. (In Russ.)
7. Khomskii N. About nature and language. Moscow, 2005. 288 p. (In Russ.)
8. Chapaikina N. E. Semantic analysis of the text. Basic Provisions. *Molodoy uchenyy. Ezhe mesyachnyy nauchnyy zhurnal*. 2012. № 5. P. 112–115. (In Russ.)
9. Yalovitsyna S., Volokhova V., Korzun D., Varfolomeyev A. Possibilities of using semantic information services in museum (on the example of the history museum of PetrSU). *Znanie, ponipanie, umenie*. 2017. № 1. P. 221–231. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.17. (In Russ.)
10. Petrina O., Korzun D., Volokhova V., Yalovitsyna S., Varfolomeyev G. Semantic Approach to Opening Museum Collections of Everyday Life History for Services in Internet of Things Environment // International Journal of Embedded and Real-Time Communication Systems. Vol. 8. Issue 1. January – June 2017. IGI Global. DOI: 10.4018/IJERTCS.20170101.
11. Korzun D., Varfolomeyev A., Yalovitsyna S., Volokhova V. Semantic infrastructure of a smart museum: toward making cultural heritage knowledge usable and creatable by visitors and professionals // Personal and Ubiquitous Computing. Springer-Verlag. London, 2016. DOI: 10.1007/s00779-016-0996-7.

Поступила в редакцию 20.11.2017

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, директор Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@petrsu.ru

Рец. на кн.: Васильев Ю. А. Юрий Андропов. На пути к власти. – Москва: Вече, 2018. – 416 с.

Личность и политическая биография Ю. В. Андропова, председателя КГБ СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС, одного из известнейших политических деятелей нашей страны второй половины XX века, продолжает привлекать внимание как исследователей, так и широких слоев населения. Но в опубликованных работах основное внимание уделено тому периоду жизни и деятельности Ю. В. Андропова, когда он стоял во главе одной из сильнейших спецслужб мира – КГБ СССР или выполнял обязанности руководителя партии и Советского государства. Карельский период работы Ю. В. Андропова (1940–1951), когда происходило становление его как молодого перспективного руководителя, прошедшего суровую школу войны и послевоенного периода, освещен значительно слабее.

Следует отметить, что многие авторы¹, освещая военный и послевоенный период деятельности Ю. В. Андропова, в погоне за сенсацией базируются не на фактах и документах его биографии, а на различных домыслах, догадках и мифах. При этом они опираются на критику Андропова, имеющуюся в рукописных материалах партийного руководителя Карелии конца 1930-х – 1940-х годов Г. Н. Куприянова, хранящихся в его личном фонде Национального архива Республики Карелия. Из одного издания в другое повторяются критические оценки Куприянова: он не руководил реальным производством в Карелии, отказался от отправки за линию фронта, чтобы возглавить Петрозаводский горком комсомола, не дал согласие на заброску в тыл противника в составе партизанского отряда «Комсомолец Карелии» и др.²

К сожалению, стоит констатировать, что данные авторы не критически отнеслись к такому источнику, как мемуары. Негативная оценка Андропова в неопубликованных работах Куприянова вызвана обидой на то, что Андропов не помог ему в сложный период, когда он проходил по «ленинградскому делу» (Куприянов 6 лет провел в местах лишения свободы). Если бы эти авторы изучили не только неопубликованные воспоминания, но и изданные мемуары Куприянова, то смогли бы увидеть совершенно другую картину. В них бывший партийный руководитель Карелии

конца 1930-х – 1940-х годов дает высокую оценку деятельности Андропова, отмечая его самоотверженность, трудолюбие и стремление отдать все силы на благо Родины³. Кстати, Ю. А. Васильев в своей монографии «Юрий Андропов. На пути к власти» показывает, что и сама публикация мемуаров Куприянова в условиях противодействия ему со стороны руководителей Карелии 1960–1970-х годов стала возможна только при поддержке Ю. В. Андропова⁴.

Рецензируемая книга основана на анализе обширного круга источников, в том числе архивных документов из фондов как центральных, так и региональных архивов (Российского государственного архива социально-политической истории, Национального архива Республики Карелия и др.). Это позволило автору объективно показать основные этапы становления Андропова как руководителя, политика, специалиста в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны на Севере. Практический опыт разведывательной, контрразведывательной и диверсионной деятельности будущий председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов приобрел в прифронтовой Карело-Финской ССР, работая на посту первого секретаря ЦК ЛКСМ Карелии. Он непосредственно руководил подпольной работой на оккупированной финнами территории Карелии, принимал участие в подготовке кадров для партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп.

Работа с кадрами – это особая сфера деятельности Андропова. Он хорошо понимал, что для подпольной и разведывательной работы на оккупированной финнами территории Карелии в военный период необходимо подобрать людей, хорошо знавших финский язык. Именно Андропов подготовил и направил за линию фронта для выполнения заданий финнов Аатэ Питкянен, Павла Маунумяки, Эрнста Аалто, Илмари Кайнулайнена и многих других. Надо было обладать смелостью, чтобы отправлять в тыл противника недавних иммигрантов финского происхождения. У некоторых из них родители были репрессированы в конце 1930-х годов в период борьбы с «финским буржуазным национализмом». За каждого своего выдвиженца Андропов нес персональную ответственность.

Автор монографии показывает, что накопленный Андроповым опыт руководства подпольной работой позволял ему настойчиво ставить вопрос и доказывать в ЦК ВЛКСМ необходимость учета специфики Карело-Финской республики, отличия подпольной и разведывательно-диверсионной деятельности в данном регионе от других оккупированных противником территорий СССР. Андропов отказался от создания первичных комсомольских организаций на оккупированной территории из-за угрозы провалов. В результате перешли на индивидуальную работу с молодежью, отказались также от обычных форм легализации и «оседания», отдав предпочтение более эффективной нелегальной деятельности.

На основе большого массива документальных материалов в книге убедительно показывается роль Андропова в организации партизанского движения на оккупированной финскими войсками части территории Карелии. Благодаря его инициативе в тяжелейшем 1942 году удалось восполнить критический недостаток кадров в партизанском движении за счет значительного количества комсомольцев и молодежи из других регионов страны. По предложению комсомольского руководителя республики Андропова в ноябре 1942 года был создан комсомольско-молодежный отряд «Комсомолец Карелии», который стал одним из лучших на Карельском фронте.

Особое внимание вызывает раздел монографии, в котором говорится о деятельности Андропова в области аналитической разведки. Подготовленные им материалы по Финляндии представляли большой интерес для органов советской внешней разведки – Первого управления НКВД-НКГБ СССР. Автор подчеркивает, что к этой деятельности молодого комсомольского руководителя привлек опытныйший коминтерновец О. В. Куусинен, ставший его учителем и покровителем. Схема нелегальной работы по принципу «агентурной цепи», созданная и внедренная в карельском подполье под руководством Андропова, была тождественна методам конспиративной работы из опыта организаций Коминтерна, апробированных во многих странах.

Оценивая материалы Андропова, подготовленные для Центра, автор монографии делает

правомерный вывод об аналитическом складе ума комсомольского руководителя Карелии, его широком взгляде на излагаемые проблемы. Эти материалы не ограничивались только военной информацией об оккупированных районах республики, но и содержали ценные сведения о социальной, экономической, политической, этнической и демографической ситуации на данной территории. Оценки, сделанные Андроповым в 1940-е годы, созвучны современным оценкам российских исследователей.

Вторая часть книги Ю. А. Васильева посвящена осмыслению послевоенного карельского периода деятельности Ю. В. Андропова (1945–1951), связанного с опытом политического выживания в условиях позднего сталинизма. Отголосок «ленинградского дела» затронул и Карело-Финскую ССР. Автор показывает беспочвенность обвинений в адрес Андропова, который, по мнению ряда исследователей, не смог «защитить» партийного руководителя республики Куприянова. Необходимо учитывать ситуацию в высших эшелонах власти СССР конца 1940-х – начала 1950-х годов. Оба руководителя были воспитаны одной и той же сталинской системой, но оказались в разных политических группировках. Куприянов был выходцем из Ленинградской партийной организации, поэтому и стал фигурантом «ленинградского дела». В этих условиях поддержка Куприянова означала бы выступление против Сталина, что не мог себе позволить ни один партийный руководитель, включая Андропова. Отголосок «ленинградского дела» мог отразиться и на Андропове, занимавшем в это время должность второго секретаря ЦК КП(б) КФССР. Но именно Куусинен оказал содействие и поддержку Андропову в данной непростой ситуации и способствовал его выдвижению и переводу в Москву в 1951 году.

Знакомство с книгой Ю. А. Васильева «Юрий Андропов. На пути к власти» свидетельствует, что огромный и бесценный опыт, полученный Андроповым в Карелии в 1940–1951 годах, помог ему в дальнейшей политической и государственной деятельности, в том числе и в работе на постах Председателя КГБ СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Минутко И. А. Бездна: (Миф о Юрии Андропове). М.: АСТ: Астрель, 2004. 528 с.; Чертопруд С. В. Юрий Андропов: тайны председателя КГБ. М.: Яуза: Эксмо, 2006. 512 с.; Млечин Л. М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: Центрполиграф, 2008. 511 с. и др.

² Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 3435 – Фонд Г. Н. Куприянова.

³ Куприянов Г. Н. От Баренцева моря до Ладоги. Л., 1972; Он же: За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1975.

⁴ Васильев Ю. А. Юрий Андропов. На пути к власти. М.: Вече, 2018. С. 19.

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
sockaf@petsu.ru

Рец. на кн.: Нилов В. М. Орган местной гласности : роль периодической печати Олонецкой губернии в развитии общественного сознания : [монография : в 2 ч.] / В. М. Нилов ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2017.

«Существует мнение, которое разделяют и многие журналисты, и читатели, что газета живет один день... Однако историк, бесспорно, поставит это утверждение под сомнение. Ведь, если сложить один к одному все номера газет, например, выходивших в Олонецкой губернии, то они и сегодня могут донести живое дыхание той эпохи и помочь совершить историческую реконструкцию не только давних событий, но и мыслей и эмоций живших тогда людей» (1: 4)¹, – с этих слов известный карельский ученый, доцент ПетрГУ, к. и. н. Виталий Михайлович Нилов начинает свою новую монографию «Орган местной гласности», посвященную исследованию той роли, которую поэтапно играла олонецкая периодическая печать в становлении и развитии общественного сознания жителей Карельского края с момента своего появления в середине XIX века до Октябрьской революции 1917 года.

Отметив высокую информативную «ценность периодической печати как комплексного источника по истории общественного сознания и духовной культуры», В. М. Нилов показал как именно,

собирая и накапливая научные сведения о крае, губернская пресса одновременно осуществляла и их перевод... на уровень массового сознания своих читателей (1: 4).

В монографии рассказывается о том, например, что газета «Олонецкие губернские ведомости» (первый в нашем регионе орган местной печати)

прежде всего обратилась к регулярной и систематической публикации исторических и юридических актов, царских и обельных грамот, кабальных записей, челобитных, наказов, фрагментов из летописей и др.,

что

уже в 1840-е гг. редакцией начали делаться попытки концептуально закрепить подходы к толкованию истории Олонецкого края, показать историю Карелии как неразрывную часть российской истории, например, через активное использование таких ее знаковых имен, как Петр I, А. В. Суворов, Г. Р. Державин, Ф. Глинка и др.

© Соколов А. С., 2018

В конечном счете это вылилось в написание и публикацию очерков истории отдельных уездов, городов, селений, а также в целом Олонецкой губернии» (1: 7).

Тем самым

мобилизованные и организованные газетой краеведы создали такую концепцию местной истории, которая заложила фундамент местного самосознания и не потеряла значение в наши дни (1: 7),

– отмечает В. М. Нилов.

Исследование показало, что,

освещая общественную жизнь губернии, газета не ограничивалась только задачами формирования *исторического* сознания. В пореформенный период публикации, посвященные деятельности земских органов, дали возможность заняться формированием *гражданского* сознания. Номера газеты, выходившие в дни балканской, японской и Первой мировой войны, внесли свой вклад в развитие *патриотического* сознания (1: 7).

В итоге официальная печать Олонецкой губернии стала важным фактором не только совершенствования местного управления, но и развития всей общественной жизни Олонецкого края. Она способствовала не только оптимизации и развитию гласности делопроизводства, но и развитию общественного сознания и региональной идентичности населения. При этом, отмечает В. М. Нилов,

правительство достаточно жестко контролировало деятельность местной печати, не позволяя ей превратиться в свободную трибуну. Однако даже в этих условиях «Губернские ведомости» сумели выполнить весьма важную общественную миссию, создав предпосылки и условия для трансформации местного устного общественного сознания в сознание письменное. Газета стала «органом местной гласности», связав мысли людей по многим историческим и общественным проблемам в одно целое (2: 115–116).

Справедливо отмечая, что «производя массовую информацию, газета создавала и ее потребителя, т. е. читателя» (2: 116), В. М. Нилов пишет:

...почти 80 лет «Губернские ведомости» активно выступали в поддержку развития грамотности и обра-

зования в крае, воспитывали любовь к печатному слову, приучали поколения земляков быть читателями прессы (2: 116).

В монографии на обширном материале показано, каким образом,

выступив организатором краеведческого движения и, одновременно, трибуной обнародования научных сведений об истории, демографии, этнографии, статистике, экономике, духовной культуре Олонецкой губернии, газета способствовала формированию... ощущения своей региональной идентичности ее жителями (2: 116).

Изучение материалов «Олонецких губернских ведомостей» позволяет получить ценные сведения историко-социального характера об Олонецком крае и народах, населявших губернию, об их делах и мыслях. Будучи составной частью российской периодики, газета отобразила и основные национальные проблемы и противоречия своего времени, логику и специфику развития российских органов печати.

Поэтому в ее истории, как в целом в истории российской дореволюционной официальной печати, – справедливо отмечает автор настоящего исследования, – можно отыскать истоки многих «болезней» нынешней масс-медиа и попытаться обнаружить ответы на не решенные до сих пор вопросы (2: 117).

В частности, о том,

нужна ли в демократическом обществе официальная правительственно-административная пресса; если нужна, то каковы ее цели, задачи, функции; какова степень ее участия в политической борьбе различных партий (1: 9), могла ли периодическая печать той поры выполнить ту миссию в сфере общественного сознания, которую она была предназначена осуществить? (1: 9).

Ответам на эти вопросы посвятил Виталий Михайлович свою книгу. И хотя ответ автора нелицеприятен: «Стать подлинно свободной пресой “губернским ведомостям” было не суждено» (1: 9),

автор справедливо указывает на то, что «в процессе издания их неофициальной части сформировались

традиции будущей демократической печати, сложилась читательская аудитория, и сегодня этот памятник истории помогает понять» особенности и проблемы функционирования печатного слова в условиях российской действительности (1: 9).

Выполненное В. М. Ниловым исследование той роли, которую «Олонецкие губернские ведомости» и другие органы местной печати на протяжении долгого срока играли в становлении общественного самосознания жителей Карелии, отменно фундировано обширным справочно-статистическим и фактуально-эмпирическим материалом, позволяющим составить целостное и многогранное представление о региональной печати как особом социальном институте культурной жизни населения нашего края. Актуальность темы, методологическая культура и высокий профессионализм, с которым это исследование осуществлено, объем привлеченных к нему исторических источников, ясность изложения и другие очевидные достоинства написанной В. М. Ниловым монографии несомненно делают ее очень серьезным, крупным и интересным научным произведением. С учетом того, что карельской историко-краеведческой литературе пока не удалось реконструировать достаточно подробную и обстоятельную историю становления и развития системы периодической печати в Олонецкой губернии, проведенное петрозаводским исследователем тщательное изучение становления и развития карельской печати должно стать важным шагом в дальнейшем изучении истории общественной и культурной жизни нашей республики.

Поздравив Виталия Михайловича Нилова с очередной творческой удачей, рецензенту остается лишь надеяться на то, что отмеченная монография окажется интересной и полезной для научной и педагогической общественности нашей республики, а также для студенческой аудитории и в целом для широкого круга карельской интеллигенции, всегда питающей неподдельную любовь и интерес к истории родного края.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Нилов В. М. Орган местной гласности: роль периодической печати Олонецкой губернии в развитии общественного сознания: [монография: в 2 ч.]. / В. М. Нилов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2017. Ч. 1. 118 с. Ч. 2. 127 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках тома, а через двоеточие – страницы.

Поступила в редакцию 17.10.2017

CONTENTS

ARCHEOLOGY

Kochkurkina S. I.

- THE 10TH – EARLY 11TH CENTURY ARTIFACTS
IN KARELIA AND IN THE SOUTHEAST-
ERN LADOGA REGION: ETHNOCULTURAL
ASPECT 7

Summanen I. M.

- WHITE-BURNING CLAY CERAMICS OF HILL-
FORTS IN THE NORTH-WESTERN LADOGA
REGION: TYPOLOGY, TECHNOLOGY, PLACE
OF PRODUCTION 16

RUSSIAN HISTORY

Vasiliev Yu. A.

- REMOVAL OF G. N. KUPRIYANOV 24

Yurkin I. N.

- HEINRICH BUTENANT AND THE RUSSIAN
METALLURGY IN THE LAST QUARTER OF
THE XVII CENTURY 33

Germizeeva V. V.

- CIVILIAN GOVERNORS OF AKMOLA REGION:
MAIN ACTIVITIES (1906–1917) 44

Kotov P. P.

- RENTED AND PURCHASED VILLAGE LANDS
OF THE TSAR FAMILY'S PEASANTS IN THE
EUROPEAN NORTH OF RUSSIA 49

Ruzhinskaya I. N.

- EDINOVERIE IN THE RELIGIOUS LANDSCAPE
OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA 54

Savitskiy I. V.

- DEVELOPMENT OF THE 2014 “CRIMEAN
SPRING” CONCEPT BY RUSSIAN HISTORIANS
IN THE STUDY GUIDES FOR GENERAL EDU-
CATIONAL INSTITUTIONS 63

Slavnitsky N. R.

- THE EXILE TO OLONETS PROVINCE ON THE
EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION
(ON THE ARCHIVE MATERIALS OF THE MIN-
ISTRY OF JUSTICE) 70

Kalinina O. V.

- RELIGIOUS IDENTITY OF THE POPULATION
OF PECHORY DISTRICT IN PSKOV REGION
DURING SOVIET TIMES 76

Panov D. A.

- ARTEL ON THE MURMANSK FISHERY DUR-
ING THE SOVIET PERIOD (THE 1920TH) 83

WORLD HISTORY

Samoylov N. A.

- HISTORICAL HERITAGE OF CHINESE EAST-
ERN RAILWAY AND FORMATION OF THE
IMAGE OF RUSSIA IN THE NORTHEAST
OF CHINA 88

Cheng Bing

- SOVIET UNION'S AID TO CHINA IN 1950S:
CONSTRUCTION OF THE CHANGCHUN
AUTOMOBILE PLANT 95

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Smirnova N. V.

- AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF THE
MODERN CHINESE HISTORY IN THE
ACADEMIC WORKS BY PROFESSOR LEV
BEREZNYI 101

Yalovitsyna S. E.

- ONTOLOGICAL MODELS IN SOCIO-HISTORI-
CAL STUDIES IN LIGHT OF NEUROBIOLOGI-
CAL AND LINGUISTIC DISCOVERIES 107

Reviews

Verigin S. G.

- The book review: Vasil'ev Yu. A. Yuri Andropov.
On the way to power. 114

Sokolov A. S.

- The book review: Nilov V. M. Municipal au-
thority of publicity: the role of periodical press of
Olonets Province in the development of public
consciousness 116